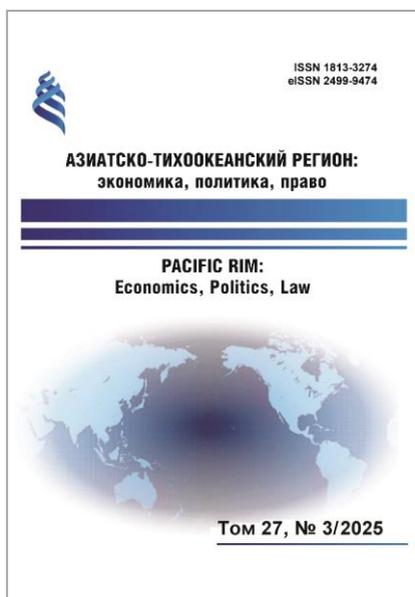

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Научный журнал

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016.

Подписной индекс 83612.

Включён в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Индексируется в базах данных РИНЦ, Киберленинка, Google Scholar, Publons, Ulrich's Periodicals Directory.

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, Приморский край,
г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10

Подписано в печать 30.09.2025.
Тираж 500 экз. Заказ 308.
Дата выхода в свет 30.09.2025.
Свободная цена.

Адрес редакции:

690922, Приморский край, г. Владивосток, остров
Русский, п. Аякс, д. 10, кампус ДВФУ, корп. А (24),
к. А920-923

Редактор *Е.Л. Ефремова*
Перевод на английский язык *Н.В. Бетанкурт*
Редактор References *Т.В. Поликарпова*
Компьютерная верстка *Г.П. Писаревой*

ISSN 1813-3274 (print) ISSN 2499-9474 (online)
DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274>

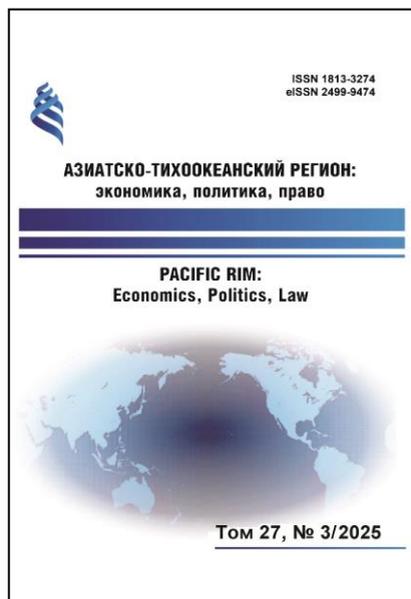
Vol. 27
No. 3
2025

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Scientific Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Printed by the printing house
of the Far Eastern Federal University
Publishing House
690091, Vladivostok, 10 Pushkinskaya str.

Signed for publication 30.09.2025.
The circulation is 500 copies. Order 308.
Release date 30.09.2025.
The price is free.

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. ФС 77-65746 dated 20.05.2016.

The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.

The Journal is indexed in the Russian Index of Science Citation, Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A, office A920–923

Editor *E.L. Efremova*

Translation into English by *N.V. Betancourt*

References editor *T.V. Polikarpova*

Computer layout *G.P. Pisareva*

Главный редактор журнала

КОРОБЕЕВ доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки
Александр Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации,
Иванович Владивосток, Российская Федерация

Заместители главного редактора

ГАВРИЛОВ доктор юридических наук, доцент,
Вячеслав Владивосток, Российская Федерация
Вячеславович

МАМЫЧЕВ профессор кафедры российской политики факультета политологии
Алексей Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Юрьевич доктор политических наук, доцент, Москва, Российская Федерация

Ответственный секретарь

КОРОЧЕНЦЕВ профессор департамента общей и экспериментальной физики
Владимир Института наукоемких технологий и передовых материалов
Владимирович Дальневосточного федерального университета, доктор физико-
математических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация

Редакционная коллегия

БЕЛКИН советник директора Школы экономики и менеджмента
Виктор Дальневосточного федерального университета, доктор экономических
Григорьевич наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Владивосток, Российская Федерация

ВАНДЕРХЗВААГ директор Института морского и экологического права, Юридическая
Дэвид школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс,
Новая Шотландия, Канада

ВОЛЫНЧУК ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных
Андрей исследований Института истории, археологии и этнографии народов
Борисович Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент,
Владивосток, Российская Федерация

ВОТИНЦЕВА член-корреспондент Российской академии естественных наук,
Людмила доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего
Ивановна профессионального образования Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ЖАРИКОВ доктор экономических наук, профессор,
Евгений Владивосток, Российская Федерация
Прокофьевич

КАПУСТИН научный руководитель Института законодательства и сравнительного
Анатолий правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент
Яковлевич Российской ассоциации международного права, доктор юридических
наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич	судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация
КОШЕЛЬ Алексей Сергеевич	проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доктор юридических наук, доцент, Москва, Российская Федерация
КУРИЛОВ Владимир Иванович	член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация
ЛИ Ик Хён	вице-президент Университета Моквон, Тэджон, Республика Корея
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация
ПАК Ноенг	профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
ПАНОВА Инна Викторовна	профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Российская Федерация
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация
РОГОВ Игорь Иванович	заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан
СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Российская Федерация
ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Российская Федерация
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Vladivostok, Russian Federation

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Alexey Yu. Mamychev Professor of the Department of Russian Politics, Head of the Laboratory of Political and Legal Research, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Moscow, Russian Federation

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Professor of Department of General and Experimental Physics, Institute of High Technologies and Advanced Materials, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Editorial Board

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russian Federation

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Lyudmila I. Votintseva Professor of Department of Modern Banking, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg, Russian Federation

Evgeny P. Zharikov Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russian Federation

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russian Federation

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Alexey S. Koshel** Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russian Federation
- Vladimir I. Kurilov** Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Ik Hyeon Rhee** Vice President, Mokwon University, Daejeon, the Republic of Korea
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Park Nohyoung** Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the School of Law of Far Eastern Federal University
- Inna V. Panova** Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics", Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russian Federation
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Igor I. Rogov** Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan
- Sergey V. Sevastyanov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Olga A. Tretyak** Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russian Federation
- Fu Kuen-chen** Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
- Huang Daoxiu** Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Professor, Beijing, People's Republic of China

Содержание

ЭКОНОМИКА	13
Зыкова О.А. Роль трансфертной цены в деятельности офшорных компаний.....	13
Пугачев И.Н. Роль академических институтов ДВО РАН в научно-технологическом развитии региона	21
Бурова Е.С. Тенденции цифровой трансформации Таиланда.....	45
Благодыр К.С., Макарова О.А. Принцип добросовестности в корпоративных отношениях.....	56
ПОЛИТИКА	65
Губайдуллина Л.Ф., Фадеев К.В. Инструменты креативного политического маркетинга в России.....	65
Аникин Д.А., Мамычев А.Ю. Технологический суверенитет в меняющемся мире: концептуально-политические трактовки и символические практики	72
Ведерникова М.И. Новые векторы международного имиджа России.....	89
Каплюк М.А. Функции государственного управления высшим образованием в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (сравнительно-правовое исследование).....	103
ПРАВО	118
Процевский В.А., Оболенский Ю.Б., Моисеенко М.А. Значение принципов в регулировании правоотношений в сфере наёмного труда	118
Холкина М.Г. Актуальные вопросы использования технологии блокчейн в российском гражданском праве	130
Благов Е.В. Назначение наказания, не подлежащего исполнению, по Уголовному кодексу Российской Федерации	139
Ханджян К.А. Уголовно-правовое противодействие использованию и (или) передаче персональных данных организаторами незаконных азартных игр в сети Интернет.....	155
Коновалова Е.Е. Изменение подсудности в уголовном процессе как гарантия конституционного права на законный суд	168
Луцаева М.Д. Понятие и критерии разграничения общепризнанных принципов и общепризнанных норм международного уголовного права как части российской уголовно-правовой системы	176
Алёхин Д.Э. Правовое регулирование криптовалюты в сфере уголовного права: анализ законодательства Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Объединённых Арабских Эмиратов.	189

Contents

ECONOMICS	13
Zykova O.A. The role of the transfer price in the activities of offshore companies	13
Pugachev I.N. The role of academic institutions of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the scientific and technological development of the region	21
Burova E.S. Thailand's digital transformation trends	45
Blagodyr K.S., Makarova O.A. Principle of good faith in corporate relations	56
POLITICS	65
Gubaidullina L.F., Fadeev K.V. Tools of creative political marketing in Russia.....	65
Anikin D.A., Mamychev A.Yu. Technological sovereignty in a changing world: conceptual and political interpretations and symbolic practices	72
Vedernikova M.I. New vectors of Russia's international image	89
Kapliuk M.A. Functions of public administration of higher education in the Asia-Pacific countries (comparative legal research)	103
LAW	118
Protsevsky V.A. Obolensky Yu.B., Moiseenko M.A. The importance of principles in the regulation of legal relations in the sphere of wage labour	118
Kholkina M.G. The current issues of the use of the blockchain technology in Russian civil law	130
Blagov E.V. Imposition of non-enforceable punishment under the Criminal Code of the Russian Federation.....	139
Khandzhyan K.A. Criminal law counteraction to the use and (or) transfer of personal data by organizers of illegal gambling on the Internet	155
Konovalova E.E. Change of jurisdiction in criminal proceedings and its role in ensuring the constitutional right to a lawyer trial.....	168
Lushchaeva M.D. The concept and criteria of differentiation of generally recognized principles and generally recognized norms of international criminal law as a part of the Russian criminal law system	176
Alekhin D.E. Criminal law regulation of cryptocurrencies: analysis of the legislation of the Russian Federation, the People's Republic of China, and the United Arab Emirates	189

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 28 ноября 2022 года журнал включён в обновленный Перечень ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки).

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.2.4. Финансы.

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики.

5.5.4. Международные отношения.

Юридические науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 20 страниц текста, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021), которые должны включать:

- УДК;
- название статьи – на русском и английском языках;
- Ф.И.О. автора (полностью), место и адрес (город и страна) его работы, учёбы – на русском и английском языках;
- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID (*без слова ORCID* в формате <https://orcid.org/...>) и (или) Researcher ID;
- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2023;
- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (10–15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;
- основной текст статьи – на русском языке (текст желательно структурировать);
- список источников (на рус. яз.), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) с обязательным указанием общего количества страниц в печатном источнике;
- полные сведения об авторе (после References): учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно.

Подписи к иллюстративному материалу необходимо приводить на русском и английском языках.

Ссылки оформляют как внутритекстовые, помещают их в квадратных скобках, например: [5] или [5, с. 18].

Авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14.

Пример оформления статьи приведён на сайте журнала в рубрике «Правила оформления статьи» (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: journals.dvfu.ru/ATR

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of November 28, 2022 the journal is included in the updated list of VAK (Higher Attestation Commission) of the following academic specialties:

Economic Sciences:

5.2.1. Economic Theory (Economic Sciences).

5.2.5. World Economy (Economic Sciences).

5.2.3. Regional and Branch Economics.

5.2.4. Finance.

Political Sciences:

5.5.2 Political Institutions, Processes, Technologies.

5.5.3. Public Administration and Sectoral Policies.

5.5.4. International Relations.

Legal sciences:

5.1.1 Theoretical and Historical Legal Sciences.

5.1.2 Public Law Sciences.

5.1.3 Private (Civil) Law Sciences.

5.1.4 Criminal Law Sciences.

5.1.5 International Legal Sciences.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

To publish an article in the journal, it is necessary to send materials, according to the specified heading, no more than 20 pages of text, designed according to the model of the journal, which should include:

- UDC;
- title of the article – in English and Russian;
- full name of the author, place and address (city and country) of his work or study – in English and Russian;
- the author's email address (without the word e-mail), ORCID and (or) Researcher ID;
- copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2023;
- abstract (200–250 words), keywords (10–15 words or word combinations) – in English and Russian;
- main text of the article (it is desirable to structure the text);
- References (BSI transliteration) with the obligatory indication of the total number of pages in the printed source;
- full information about the author (after References): academic degree and academic title, position, place of work (institution, city, country) – in English and Russian, respectively.

Links should be placed in square brackets, for example: [5] or [5, p. 18].

The author's original must be sent in electronic form, Times New Roman font, size 14.

A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric “The article design rules” (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax Bay, building D, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: journals.dvfu.ru/ATR

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 13–20.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 13–20.

ЭКОНОМИКА / ECONOMICS

Научная статья

УДК 338.5

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/13-20>

Роль трансфертной цены в деятельности офшорных компаний

Ольга Андреевна Зыкова

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Российская Федерация

✉ o.zykova@nsu.ru

Аннотация. Офшорные схемы, применяемые сектором бизнеса, – это реальная угроза для национальной экономики в условиях современности. Автором проанализирована сущность экспортно-импортной деятельности как механизма по уходу от налогообложения. Также выделены гражданско-правовые договоры, в которых используется система варьирования ценой между контрагентами. Основываясь на законодательстве Российской Федерации, выделены основные правовые несовершенства, позволяющие предпринимателям применять трансфертные цены в своей деятельности при условии сотрудничества с офшорными компаниями. Предложены пути корректировки нормативных актов, которые бы позволили минимизировать число сделок, совершаемых с трансфертными ценами, сокращая при этом экономический вред для национальной казны отдельного государства.

Ключевые слова: офшорная компания, экспортно-импортная деятельность, трансфертная цена, налогообложение, международные сделки, налоговая гавань

Для цитирования: Зыкова О.А. Роль трансфертной цены в деятельности офшорных компаний // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 13–20.

Original article

The role of the transfer price in the activities of offshore companies

Olga A. Zyкова

Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

✉ o.zykova@nsu.ru

Abstract. Offshore schemes used by the business sector are a real threat to the national economy in today's world. The author analyzed the essence of export-import activities as a mechanism for avoiding taxation. Civil law contracts are also highlighted, in which a system of price variation between counterparties is used. Based on the legislation of the Russian Federation, the main legal imperfections are highlighted that allow entrepreneurs to apply transfer prices in their activities, subject to cooperation with offshore companies. Proposed ways to adjust regulations that would minimize the number of transactions made with transfer prices, while reducing the economic harm to the national treasury of a particular state.

Keywords: offshore company, export-import activity, transfer price, taxation, international transactions, tax haven

For citation: Zyкова О.А. The role of the transfer price in the activities of offshore companies. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 13–20. (In Russ.).

Давно уже не секрет, что офшорные схемы, применяемые лицами из налоговых гаваней, создают реальную угрозу для национальных экономик отдельных государств.

Если изучить научные труды таких авторов, как Е.Н. Евстигнеев [1], Ю.И. Грищенко [2], Д.С. Ильясова [3], С.А. Касьянова [4], то можно тезисно резюмировать, что экспортно-импортная деятельность офшорных компаний – наиболее распространённый вид деятельности юридических лиц, преследующих цель в виде сокращения налоговых отчислений в казну государства, а также в виде сокрытия информации относительно своей финансовой состоятельности от контролирующих органов той страны, чьим резидентом является физическое лицо – бенефициар офшорной компании [5]. Таким образом, полагаем, что правовой анализ экспортно-импортной деятельности в современных реалиях является актуальным вопросом, требующим внимания.

Справедливости ради можно заметить, что правовые источники как международного, так и отдельного национального уровня не содержат в себе легального закрепления термина «офшорная схема», как в общем её проявлении, так и в частном случае (например, «экспортно-импортная схема»). Именно поэтому, затрагивая вопрос сущности механизма ухода от налогообложения с помощью экспорта-импорта, приходится брать во внимание лишь доктринальные источники.

В качестве примера можно выделить работы О.В. Ионова [6], Ю.П. Григорьевой [7], В.И. Федулова, Ю.А. Ивановой [8], которые резюмируют, что в процессе осуществления экспортно-импортной деятельности офшорных компаний юридические лица имеют взаимную предварительную договорённость со своими контрагентами в части использования внутрифирменных цен, которые, в свою очередь, существенно отличаются от рыночных. Так, подобный приём ведения предпринимательства полу-

чил название «механизм трансфертного ценообразования» [9, с. 75–76]. Нельзя не отметить, что данная возможность варьирования ценой договора между лицами формирует за собой перераспределение общей прибыли в пользу лица, зарегистрированного в налоговой гавани [10].

Основываясь на рассуждениях учёных относительно сущности рассматриваемого механизма, можно предположить, что в процессе экспортно-импортной схемы могут заключаться следующие виды договоров:

1. Договор купли-продажи: наиболее распространённый тип соглашений, применяемый во внешнеэкономических операциях, базирующихся на принципе варьирования ценой. Схема условно разделяется на два подвида:

1.1. Схема экспорта – реализация объекта договора осуществляется с использованием промежуточного звена – офшорной компании – между продавцом и конечным покупателем. При этом лицо из безналоговой юрисдикции изначально выступает в качестве покупателя (первоначального), который приобретает экспортируемый товар (услугу, информацию, интеллектуальную собственность) по максимально заниженной стоимости, а затем перепродаёт данный объект договора конечному покупателю по рыночной стоимости (Н.Н. Титова [11]). Нельзя не согласиться, что при данной манипуляции экономического характера основная часть прибыли будет числиться на балансе офшорной компании.

1.2. Схема импорта – офшорная компания, выступая продавцом, импортирует объект внешнеэкономической сделки на территорию Российской Федерации, существенно завышая стоимость товара, формируя, таким образом, значительное занижение налогооблагаемого дохода у отечественного лица (Е.Н. Смирнов [12]).

Нельзя не отметить, что подобные механизмы в рамках международных сделок реализовываются по аналогичному принципу и в иных видах договоров: в договоре аренды (объектом выступает имущество), лицензионном договоре или же в договоре об отчуждении исключительного права (передача интеллектуальной собственности).

2. Договор комиссии: договор, в котором российское лицо (комитент) устанавливает искусственно минимальную цену на реализуемый объект, а офшорная компания (комиссионер) получает максимальное вознаграждение за оказанные услуги. Так, юридическое лицо из налоговой гавани, совершая сделку с третьим лицом, получает сумму по договору, которую в последующем перечисляет комитенту за вычетом своего максимального вознаграждения. При этом основная часть прибыли, аналогично примеру договора купли-продажи, числится на балансе лица из офшорной зоны [13].

3. Договор подряда (договор на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ): офшорная компания, выступая подрядчиком, фиктивно заключает договор с российским лицом – заказчиком, привлекая дополнительно фактического исполнителя работы – третью сторону, с которой в последующем офшорная компания также заключает договор подряда, выступая в

нём заказчиком. При этом цена первого договора, где исполнителем является офшорное лицо, существенно завышена, а стоимость второго договора, где оно уже выступает в качестве заказчика – значительно занижена, общая прибыль сконцентрирована на балансе стороны из низконалоговой юрисдикции [13].

Справедливости ради стоит заметить, что рассмотрение сущности экспортно-импортной деятельности офшорных компаний исключительно через призму теоретических рассуждений не позволяет защитить национальную экономику отдельного государства от применения лицами данного механизма. Тем самым необходимо затронуть вопрос правового регулирования схемы.

Основываясь на российском законодательстве, выступающем в качестве примера регламентации механизма трансфертного ценообразования, представляется возможным выделить ряд правовых несовершенств, требующих доработки с целью защиты национальной экономики от офшорной схемы.

Базируясь на Федеральном законе от 18 июля 2011 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения»¹, можно проследить ряд недоработок.

Отсутствие легального закрепления лингвистической конструкции «трансфертная цена», её дефиниции и квалифицирующих признаков. Думается, что выявление сомнительных сделок, заключаемых в офшорной схеме, относится к числу важнейших процессов. При этом нельзя забывать, что установленная максимально заниженная или максимально завышенная цена является основным показателем таких сделок и позволяет контролирующим органом применять меры по дальнейшему расчёту доначисленных налоговых обязательств.

Взяв в качестве конститутивного элемента ст. 40 Налогового кодекса Российской Федерации² (которая также отличается рядом несовершенств), а также положения Руководства ОЭСР по трансфертному ценообразованию для транснациональных корпораций и налоговых администраций от 2017 г.³, можно предложить следующее определение термину «трансфертная цена»: это цена, применяемая по сделкам между взаимозависимыми лицами, а также цена, отклоняющаяся более чем на 20 процентов в сторону повышения или в сторону понижения от уровня цен, применяемых налогоплательщиком по идентичным (однородным) товарам (работам, услугам) в пределах непродолжительного периода времени.

¹ Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4575.

² Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

³ Руководство ОЭСР по трансфертному ценообразованию для транснациональных корпораций и налоговых администраций (2017 г.) // Organisation for Economic Cooperation and Development. URL: <https://www.oecd.org/ctp/transfer-pricing/transfer-pricing-guidance-on-financial-transactions-inclusive-framework-on-beps-actions-4-8-10-russian.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).

В качестве следующего правового несовершенства можно выделить *наличие неоднозначных лингвистических конструкций в рамках источников законодательства*. Так, в п. 11 ст. 40 Налогового кодекса Российской Федерации прослеживаются такие выражения, как «...официальные источники информации о рыночных ценах на товары, работы...». Любопытно, но одновременно с этим раскрытие содержания официальных источников, их списка, отсутствует. Именно поэтому можно сделать вывод о наличии правового пробела, который формирует за собой дискуссии даже на уровне правосудия (например, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.06.2009 № 09АП-8337/2009-АК по делу № А40-92961/08-14-449¹, Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 10.08.2016 по делу № А11-10794/2015²).

Нельзя оставить без внимания опыт Республики Казахстан, где благодаря принятию Постановления Правительства Республики Казахстан от 9 июня 2001 года № 788 «Об утверждении Перечня официальных источников информации по рыночным ценам на отдельные виды товаров, подлежащих государственному контролю при применении трансфертных цен в международных деловых операциях»³ (далее текст имел доработку и был перенесён в Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 марта 2009 года № 292 «Об утверждении Перечня официально признанных источников информации о рыночных ценах»⁴) был опубликован ограниченный чёткий список источников, которые признавались официальными и информация из которых была едина для всех и не подлежала оспариванию.

Однако и здесь можно выделить недоработку в части сделок с офшорными компаниям. А именно если в сделке одной из сторон выступает компания из налоговой гавани (или иное иностранное лицо), то логичным будет замечание, что данный субъект может конфронтировать налоговой проверке, обосновывая свою позицию различными государственными системами установки цен, которые могут напрямую зависеть от ряда факторов (вплоть до климатических условий). Более того, различие национальной валюты также будет являться затрудняющим фактором в части применения цен из официальных источников.

Таким образом, принимая во внимание опыт Республики Казахстан, вполне разумным и целесообразным будет предложение по закреплению и легализации показателей индикативных цен на международном уровне, учитывая принципы, предусмотренные ст. 105.6 Налогового кодекса Российской Федерации (например, сведения о ценах и котировках российских и иностранных бирж, таможенную статистику внешней торговли и прочие).

¹ Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P010000788_ (дата обращения: 18.06.2024).

⁴ Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P090000292_ (дата обращения: 25.06.2024).

Итак, как можно заметить, применение предпринимателями трансфертной цены в экспортно-импортной схеме с использованием офшорных компаний позволяет сократить налоговое бремя или же вовсе его избежать. Любопытно, но рассматриваемый механизм из года в год набирает обороты, создавая тем самым негативное воздействие на национальную экономику отдельного государства.

Таким образом, можно резюмировать, что вопрос корректировки действующего законодательства, регламентирующего деятельность офшорных компаний в сфере экспорта-импорта, является максимально актуальным, важным, первостепенным.

Так, основным изменением законодательных положений выступает легализация термина «трансфертная цена» в следующей интерпретации: это цена, применяемая по сделкам между взаимозависимыми лицами, а также цена, отклоняющаяся более чем на 20 процентов в сторону повышения или в сторону понижения от уровня цен, применяемых налогоплательщиком по идентичным (однородным) товарам (работам, услугам) в пределах непродолжительного периода времени.

Помимо этого, дискуссию создаёт и вопрос определения уровня цен, используемых за аналогичные товары. Думается, что закрепление показателей индикативных цен на международном уровне позволит повысить эффективность работы органов публичной власти в части регулирования сделок с искусственно завышенными/заниженными ценами.

Список источников

1. Евстигнеев Е.Н. Налоги и налогообложение: учебное пособие для вузов. 5-е изд. Москва: Питер, 2008. 303 с.
2. Грищенко Ю.И. Оффшорные схемы организации бизнеса // Финансовый менеджмент. 2008. № 3. С. 42–54.
3. Ильясова Д.С. К вопросу о правомерности использования оффшорных схем в налоговом планировании // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. Пенза, 2017. С. 146–148. EDN: XQPGPD
4. Касьянова С.А. Оффшорные схемы налогового планирования // Сфера услуг: инновации и качество. 2012. № 7. Ст. 9. EDN: VPYQJJ
5. Кашулин С.А. Практика использования оффшорных зон российскими организациями и оффшорный банковский бизнес // Банковские услуги. 2006. № 10. С. 24–30. EDN: IUFTWZ
6. Ионов О.В. Оценка основных перспектив функционирования оффшорных зон // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 210–213. EDN: QZDQYZ
7. Григорьева Ю.П. Деоффшоризация в системе внешнеэкономических интересов Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. Москва, 2016. 169 с.

8. Федулов В.И., Иванова Ю.А. Проблемы правового регулирования внешне-экономических сделок // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 210–213. EDN: WHEVXU
9. Ребров С.А. Система трансфертного ценообразования на основе метода перераспределения денежных потоков // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2019. Т. 8, № 3. С. 75–81. DOI: https://doi.org/10.12737/article_5d7b57d7b27e93.37859360
10. Юрьева Л.В., Латышева К.В. Особенности применения методов трансфертного ценообразования // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 2, № 7. С. 17–24. EDN: HYNIND
11. Титова Н.Н. Внутренний контроль при оптимизации налогообложения экспортных операций // Российское предпринимательство. 2012. № 1(199). С. 180–184.
12. Смирнов Е.Н. Оффшорные схемы с российским участием и характер их воздействия на национальную экономику // Транспортное дело России. 2018. № 6. С. 39–42. EDN: YWCCRF
13. Елизарова Т.С. Оффшорные компании в системе традиционных видов внешнеэкономической деятельности // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2014. № 1(45). С. 142–148. EDN: SNFJVX

References

1. Evstigneev E.N. *Nalogi i nalogooblozhenie: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Taxes and taxation: a textbook for universities]. 5 ed. Moscow, 2008, 303 p. (In Russ.).
2. Grishchenko Yu. I. *Offshornye skhemy organizacii biznesa* [Offshore business organization schemes]. *Finansovyy menedzhment*, 2008, no. 3, pp. 42–54. (In Russ.).
3. Iljasova D. S. *K voprosu o pravomernosti ispol'zovaniya offshornykh skhem v nalogom planirovanii* [To the issue of the offshore schemes using legality in tax planning]. *Sovremennaya yurisprudenciya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii. Sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 chastyah*. Part 1. Penza, 2017, pp. 146–148. (In Russ.).
4. Kas'yanova S.A. *Offshornye skhemy nalogovogo planirovaniya* [Offshore schemes of tax planning]. *Services sector: innovation and quality*, 2012, no. 7, article 9. (In Russ.).
5. Kashulin S.A. *Praktika ispol'zovaniya offshornykh zon rossijskimi organizaciyami i offshornyj bankovskij biznes* [The practice of using offshore zones by Russian organizations and offshore banking business]. *Bankovskie uslugi*, 2006, no. 10, pp. 24–30. (In Russ.).
6. Ionov O.V. *Ocenka osnovnykh perspektiv funkcionirovaniya offshornykh zon* [Assessment of the main perspectives of functioning offshore]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2013, no. 5, pp. 210–213. (In Russ.).
7. Grigor'eva Yu.P. *Deoffshorizaciya v sisteme vneshneekonomicheskikh interesov Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. ekon. nauk* [Deoffshorization in the system of foreign

economic interests of the Russian Federation: PhD (Law) Thesis]. Moscow, 2016. 169 p. (In Russ.).

8. Fedulov V.I., Ivanova Yu.A. Problemy pravovogo regulirovaniya vneshneekonomicheskikh sdelok [Problems of legal regulation of the external economic transactions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2017, no. 3, pp. 210–213. (In Russ.).

9. Rebrov S.A. Sistema transfertnogo cenoobrazovaniya na osnove metoda pereraspredeleniya denezhnykh potokov [Transfer pricing system based on the method of cash flows redistribution]. *Scientific research and development. Economics of the firm*, 2019, vol. 8, no. 3, pp. 75–81. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.12737/article_5d7b57d7b27e93.37859360

10. Yurieva L.V., Latysheva K. V. Osobennosti primeneniya metodov transfertnogo cenoobrazovaniya [Features of application of transfer pricing methods]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2019, vol. 2, no. 7, pp. 17–24. (In Russ.).

11. Titova N.N. Vnutrennij kontrol' pri optimizacii nalogooblozheniya eksportnykh operacij [Internal control when optimizing taxation of export operations]. *Russian Journal of Entrepreneurship*, 2012, no. 1(199), pp. 180–184. (In Russ.).

12. Smirnov E.N. Offshornye skhemy s rossijskim uchastiem i harakter ih vozdejstviya na nacional'nuyu ekonomiku [Offshore schemes with the Russia' participation and their impact on the national economy]. *Transport business of Russia*, 2018, no. 6, pp. 39–42. (In Russ.).

13. Elizarova T.S. Offshornye kompanii v sisteme tradicionnykh vidov vneshneekonomicheskoy deyatelnosti [Offshore companies in traditional system of foreign economic activity]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINH)*, 2014, no. 1(45), pp. 142–148. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

О.А. Зыкова – лаборант-исследователь кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Института философии и права, соискатель учёной степени кандидата юридических наук, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск, Российская Федерация),

✉ o.zykova@nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8980-2119>

O.A. Zyкова – Laboratory Assistant-Researcher of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process of the Institute of Philosophy and Law, Candidate of the Degree of Candidate of Legal Sciences, Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 05.07.2025;

одобрена после рецензирования / revised 28.07.2025;

принята к публикации / accepted 13.08.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 21–44.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 21–44.

Научная статья

УДК 911.8

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/21-44>

Роль академических институтов ДВО РАН в научно-технологическом развитии региона

Игорь Николаевич Пугачев

Хабаровский федеральный исследовательский центр

Дальневосточного отделения Российской академии наук,

Хабаровск, Российская Федерация

✉ i_pugachev@khfrc.ru

Аннотация. В статье рассмотрены направления научно-технологического развития региона при разработке стратегических документов. В современных условиях новых технологических вызовов, обусловивших высокие темпы технологического развития, разработка программ инновационного и научно-технологического развития регионов страны представляется важной научно-практической задачей, что определяет актуальность исследования. Также в статье обсуждаются планы развития научно-технологической сферы в России в целом и в Хабаровском крае в частности, анализируются вызовы и перспективы данного процесса. Актуальность этого вопроса в условиях антироссийских санкций, в результате которых для нашей страны заблокирован доступ к зарубежным технологиям и инвестиционным ресурсам, возрастает. Учитывая разный уровень развития субъектов Российской Федерации, в т.ч. в научно-технологической сфере, представляется целесообразным выявление локальных научно-технологических «точек роста», что особенно важно при дефиците имеющихся ресурсов. В статье предлагаются рекомендации по улучшению научно-технологической сферы в регионе с целью повышения конкурентоспособности и инновационного потенциала. Исследование даёт возможность оценить потенциал региона в инновационном развитии страны, выявить его сильные и слабые стороны в целях устранения диспропорций в сбалансированном территориальном развитии страны и укрепления её технологического суверенитета. Представлена целесообразность выявления локальных научно-технологических «точек роста», что особенно важно при дефиците имеющихся ресурсов. Предложено использовать научный потен-

циал ДВО РАН в разработке современной «Программы научно-технологического развития Хабаровского края до 2035 года» с позиций сложившейся в мире геополитической ситуации, стратегии России «Поворот на Восток».

Ключевые слова: регион, научно-технологическое развитие, региональное развитие, технологический суверенитет, вызовы, индикаторы, перспективы, проблемы, направления развития, рекомендации, инновационный потенциал

Для цитирования: Пугачев И.Н. Роль академических институтов ДВО РАН в научно-технологическом развитии региона // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 21–44.

Original article

The role of academic institutions of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the scientific and technological development of the region

Igor N. Pugachev

Khabarovsk Federal Research Center of the Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Khabarovsk, Russian Federation

✉ i_pugachev@khfrc.ru

Abstract. In the modern conditions of new technological challenges that have determined the high rates of technological development, the development of programs for innovative and scientific and technological development of the country's regions seems to be an important scientific and practical task, which determines the relevance of the study. The article discusses plans for the development of the scientific and technological sphere in Russia in general and in Khabarovsk Krai in particular, analyzes the challenges and prospects of this process. The relevance of this issue in the context of anti-Russian sanctions, as a result of which access to foreign technologies and investment resources is blocked for our country, increases. Given the different levels of development of the subjects of the Russian Federation, including in the scientific and technological sphere, it seems appropriate to identify local scientific and technological "growth points", which is especially important given the shortage of available resources. The article offers recommendations for improving the scientific and technological sphere in the region in order to increase competitiveness and innovative potential. The study makes it possible to assess the region's potential in the innovative development of the country, to identify its strengths and weaknesses in order to eliminate imbalances in the balanced territorial development of the country and strengthen its technological sovereignty. It is proposed to use the scientific potential

of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the development of a modern “Program for Scientific and Technological Development of the Khabarovsk Territory until 2035” from the standpoint of the current geopolitical situation in the world, Russia's strategy “Turn to the East”.

Keywords: region, scientific and technological development, regional development, technological sovereignty, challenges, indicators, prospects, problems, development directions, recommendations, innovative potential

For citation: Pugachev I.N. The role of academic institutions of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the scientific and technological development of the region. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 21–44. (In Russ.).

Введение и постановка проблемы

Россия исторически является одной из мировых научных держав: отечественные научная и инженерная школы эффективно решали задачи социально-экономического развития и обеспечения безопасности страны, внесли существенный вклад в накопление человечеством научных знаний и создание передовых технологий, прежде всего за счёт концентрации ресурсов в системе Академии наук. Российская наука служит основой суверенного развития нашего государства.

24 февраля 2024 года президент РФ утвердил скорректированную Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации¹. В Стратегии определено, что научно-технологическое развитие Российской Федерации – это трансформация науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способности страны эффективно отвечать на большие вызовы.

Наиболее значимыми для научно-технологического развития большими вызовами являются: трансформация миропорядка, сопровождающаяся перестройкой глобальных финансовых, логистических и производственных систем; сложности участия в международной кооперации в рамках научной, научно-технической и инновационной деятельности; ускоренное развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта во все отрасли экономики и социальной сферы; возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду до масштабов, угрожающих воспроизводству природных ресурсов, и связанный с их неэффективным использованием рост рисков для жизни и здоровья граждан, изменение климата и влияние последствий его изменения на различные отрасли экономики, население и окружающую среду; потребность в обеспечении продовольственной безопасности и продовольственной независимости России; качественное изменение характера глобальных и локальных

¹ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утверждена 28 февраля 2024 года Указом Президента РФ № 145. URL: https://base.garant.ru/408618353/#block_1000

энергетических систем, рост значимости энерговооружённости экономики, наращивание объёма выработки энергии, повышение эффективности её передачи, хранения и использования.

Ключевую роль в подготовке научно-технологического сектора страны к новым большим вызовам играет российская фундаментальная наука, обеспечивающая получение новых знаний и опирающаяся на внутреннюю логику своего развития.

На официальном сайте научно-технологического развития Российской Федерации¹ представлены четыре группы показателей научно-технологического развития, которые предназначены для оценки достижения целей и задач по приоритетным направлениям:

1. Целевые показатели реализации стратегии НТР РФ:

- внутренние затраты на исследования и разработки;
- отношение внебюджетных средств и бюджетных ассигнований в составе внутренних затрат на исследования и разработки.

2. Показатели, отражающие влияние науки и технологий на социально-экономическое развитие РФ:

- объём внебюджетных средств, привлечённых в рамках реализации комплексных и федеральных научно-технических программ и проектов центров НТИ.

3. Показатели, отражающие состояние и результативность сферы науки, технологий и инноваций:

- место РФ по удельному весу в общем числе статей в областях, определяемых приоритетами НТР, в изданиях, индексируемых в МБД;
- место РФ по удельному весу в общем числе заявок на получение патента на изобретение, поданных в мире по областям, определяемым приоритетами НТР;
- доля инновационной продукции, созданной с использованием результатов интеллектуальной деятельности, принадлежащей российским правообладателям;
- доля организаций, осуществляющих технологические инновации;
- соотношение экспорта и импорта технологий и услуг технологического характера;
- экспорт российских высокотехнологичных товаров.

4. Показатели, отражающие качество государственного регулирования и сервисного обеспечения научной, научно-технической и инновационной деятельности:

- доля исследователей до 39 лет в общей численности российских исследователей;
- техническая вооружённость сектора исследований и разработок.

В ближайшее десятилетие приоритетами научно-технологического развития нашего государства обозначены направления, позволяющие получить значимые

¹ Научно-технологическое развитие Российской Федерации. URL: <https://нтр.рф/indicators-and-ratings/by-programm/ntr-indicators/> (дата обращения: 02.04.2025).

научные и научно-технические результаты, создать отечественные наукоёмкие технологии. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации разработана в логике противостояния «большим вызовам» – глобальным рискам для общества и экономики. Каждому большому вызову соответствует приоритетное направление НТР, так называемое окно возможностей (рис. 1).

Рис. 1. Большие вызовы и приоритеты научно-технологического развития РФ
 Fig. 1. Major challenges and priorities of scientific and technological development of the Russian Federation

Источник: составлено автором по данным Стратегии НТР РФ.

Обзор ранее выполненных исследований

В озвученных в Стратегии приоритетах не сказано, какое направление наук будет более важным и более почётным, более значимым. В Стратегии обозначена сфера, в которой применяются результаты. Поэтому любая область исследования и разработок может приземлиться на любой из приоритетов страны. И что очень

важно: участвуя в различных конкурсах с государственным финансированием, необходимо определить, где будет применяться результат исследований. То есть приоритеты говорят о сфере применения результатов.

При этом научный результат может иметь мультипликативный эффект, поэтому и в стратегии, и в других документах появился термин «сквозные технологии», то есть технологии, которые могут применяться в нескольких областях.

Предложенные в Стратегии приоритеты имеют три целеполагания. В России огромные территории и огромные ресурсы природные, углеводородные, биоресурсов достаточно. Население на этой территории проживает небольшое – всего 146 млн. Поэтому приоритеты стратегии группируются в 3 большие цели. Если населения мало, значит, нужно обеспечить максимальное качество жизни этого населения, продолжительность, нормальное лечение, нормальное питание и т.д. Человек – это главная цель стратегии. Поэтому большая часть приоритетов стратегии – про качество жизни. Второе, если у нас людей мало, то нужно всё производить с минимальным участием человека. Возникает искусственный интеллект, робототехника и современные аддитивные технологии в производстве. Это вторая цель – современная производственная база. А третья цель – это освоение территории пространства: логистика, транспортная связанность территорий, телекоммуникационные технологии. То есть приоритеты раскладываются в три крупных блока.

Материалы и методика исследования

На Дальнем Востоке почётную научную нишу надёжно занимает Дальневосточное отделение Российской академии наук (ДВО РАН), которое в своём составе насчитывает десятки научных институтов.

В Хабаровском крае самым крупным академическим объединением является Хабаровский федеральный исследовательский центр ДВО РАН (ХФИЦ ДВО РАН), который был создан 16 сентября 2019 г. в соответствии с приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 952 от 9 ноября 2018 г. В его структуру вошли 6 научных институтов: Институт горного дела ДВО РАН, Институт водных и экологических проблем ДВО РАН, Вычислительный центр ДВО РАН, Институт машиноведения и металлургии ДВО РАН, Дальневосточный НИИ сельского хозяйства и Институт материаловедения ДВО РАН.

Одними из важных задач деятельности ХФИЦ ДВО РАН являются организация и проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований, опытно-конструкторских работ, внедрение достижений науки, получение и применение новых знаний по естественным, техническим, общественным и гуманитарным наукам, в сфере агропромышленного комплекса, способствующих технологическому, экономическому, социальному развитию Российской Федерации, подготовка высококвалифицированных научных кадров.

Общая численность коллектива ХФИЦ ДВО РАН – 488 сотрудников, в том числе: 232 научных сотрудника, из них молодых учёных – 102, член-корреспондентов РАН – 6, докторов наук – 41, кандидатов наук – 107. Центр на протяжении всей своей истории осуществляет проведение фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований практически по всем обозначенным в Стратегии приоритетам научно-технологического развития нашей страны.

Для достижения цели научно-технологического развития перед научным сообществом страны в целом и коллективами ХФИЦ ДВО РАН стоят задачи: формировать эффективную систему взаимодействия науки, технологий и производства для развития наукоёмкого предпринимательства; создавать инфраструктуру и условия для проведения научных исследований и разработок, внедрения наукоёмких технологий, отвечающих современным принципам организации научной, научно-технической и инновационной деятельности; создавать возможности для выявления и воспитания талантливой молодёжи, построения успешной карьеры в области науки, технологий и технологического предпринимательства, обеспечив сохранение и развитие интеллектуального потенциала науки, повышение престижа профессии учёного.

Распоряжением Правительства Хабаровского края в феврале 2022 года был принят перечень приоритетных направлений науки, технологий и техники, актуальных для нашего региона. Они полностью совпадают с приоритетами НТР РФ. Это: природные ресурсы, рациональное природопользование, экологическая безопасность [1]; изучение климата, механизмов адаптации к климатическим изменениям и их последствиям [2]; технологии функционирования транспортно-распределительных и телекоммуникационных систем [3]; высокопродуктивное и экологически чистое агро- и аквахозяйство [4]; энергоэффективность, энергосбережение, альтернативная энергетика [5]; персонализированная медицина, высокотехнологичное здравоохранение и технологии здоровьесбережения; цифровые, интеллектуальные производственные технологии, роботизированные системы, новые материалы и способы конструирования, системы обработки больших объёмов данных [6]; экономика и международные отношения [7]; общественно-гуманитарные проблемы человека и социума.

Повестка Правительства Хабаровского края и Дальневосточного отделения РАН во многом совпадает. На выездном расширенном заседании президиума Дальневосточного отделения наук, которое состоялось в июне 2024 г., ДВО РАН и Правительство Хабаровского края подписали соглашение о сотрудничестве в сфере науки и образования. Среди направлений сотрудничества – создание и реализация масштабных научных и образовательных проектов по приоритетным направлениям развития Хабаровского края; работа в области повышения эффективности добычи и переработки полезных ископаемых и биоресурсов в горнодобывающей, деревообрабатывающей, нефтеперерабатывающей, рыбоперерабатывающей отраслях; фундаментальные и прикладные исследования в сфере медицины, включая телемедицину

и искусственный интеллект; фундаментальные и прикладные исследования в области экологического состояния Амурского бассейна, повышения урожайности сельскохозяйственных культур, продовольственной безопасности, робототехники, промышленной автоматизации и интеллектуальных технологий в сфере судоремонта, судостроения и авиастроения.

По инициативе губернатора Хабаровского края совместно с бизнесом, научными и образовательными организациями заработала Хартия технологического суверенитета и импортозамещения, к которой уже присоединилось более 200 предприятий. Среди них научные организации ХФИЦ ДВО РАН – Вычислительный центр ДВО РАН и Дальневосточный научно-исследовательский институт сельского хозяйства. В крае принят план мероприятий по популяризации науки и технологий на 2024–2026 годы, сформированный на основе предложений институтов ДВО РАН и университетов региона.

Каждое обособленное подразделение ХФИЦ ДВО РАН проводит огромную исследовательскую работу, направленную на развитие региона, в т.ч. в рамках приоритетных направлений науки, технологий и техники¹.

Так, в связи с активным развитием региона Институт водных и экологических проблем (ИВЭП ДВО РАН) ставит перед собой задачи, связанные с оценкой влияния человеческой деятельности на окружающую среду, а также с определением степени опасности этих изменений для природы и человека. Если природные объекты негативно реагируют на эти изменения, это отражается и на благополучии людей. Учёные находят компромисс между природопользованием и сохранением окружающей среды, разработана методология эколого-географической экспертизы территории, оценка её устойчивости, найдены пути снижения экологических рисков, возникающих в результате деятельности человека, возможности рационального природопользования. Всё больше внимания получают вопросы экологической безопасности при разработке новых технологий. Оцениваются не только сами методы, но и возможный ущерб природе при реализации новых технологических процессов в работе ресурсодобывающих, перерабатывающих, промышленных предприятий. Учёные ИВЭП разрабатывают системы мониторинга, адаптированные к условиям региона, которые уже востребованы крупными горнодобывающими компаниями, на объектах которых в последние годы учёными проводятся мониторинговые работы по многим направлениям, а новые проекты развития планируются с учётом мнения учёных о безопасности производственных процессов [8; 9].

В новых геополитических условиях обособленное подразделение ХФИЦ ДВО РАН – Институт горного дела (ИГД ДВО РАН) – ведёт работу по актуальным про-

¹ Основные научные результаты исследований. URL: <http://www.khfr.ru/nauka/osnovnye-rezultaty.html>

фильным направлениям исследований, учитывая при этом современные тенденции в развитии горной науки и конкретные проблемы в освоении георесурсов Дальнего Востока России. Развиваются новые направления исследований. По результатам масштабных комплексных исследований в условиях удароопасных месторождений Дальнего Востока и Забайкальского региона выявлены особенности формирования природно-техногенных полей напряжений в структурно-неоднородных массивах горных пород, установлены важные закономерности формирования очагов разрушения в удароопасных массивах горных пород, разработаны эффективные методы и измерительные комплексы для геомеханического мониторинга, включая системы геоакустического и микросейсмического контроля нового поколения, внедрённые на рудниках Приаргунского производственного горно-химического объединения имени Е.П. Славского (ПАО «ППГХО»), АК «Алроса», АО «ГМК “Дальполиметалл”» и других горнодобывающих предприятиях региона [10].

Разработаны оригинальные многоступенчатые технологические схемы эффективного извлечения меди и золота, реализация которых, в частности, на начальном этапе открытой разработки Малмыжского месторождения, позволяет перевести значительную часть забалансовой руды в балансовую, а также повысить эффективность освоения месторождений Погромное (Забайкальский край) и Перевальное (Хабаровский край). Разработан и апробирован в вариантах перколяционного и скважинного выщелачивания новый эффективный реагентный комплекс для извлечения молибдена и урана из бедных и некондиционных руд [11].

В результате многолетних комплексных исследований процессов освоения месторождений парогидротерм создана теория устойчивости режима работы добычной скважины, и на её основе разработаны практические рекомендации по повышению эффективности освоения месторождений, внедрённые на действующих объектах геотермальной энергетики Камчатки [12].

Спроектированы, изготовлены и введены в эксплуатацию на россыпных месторождениях Хабаровского края и Амурской области бочечные промывочные приборы ПБШ-100 производительностью 100 м³/ч, позволяющие с высокой эффективностью перерабатывать золотосодержащие пески природных и техногенных месторождений [13].

Основное направление деятельности Дальневосточного научно-исследовательского института сельского хозяйства (ДВ НИИСХ) – создание сортов сельскохозяйственных культур, адаптированных к динамическим условиям Дальневосточного региона с высоким потенциалом продуктивности и хозяйственно ценных признаков и свойств, а также разработка технологий их возделывания. С вхождением ДВ НИИСХ в Хабаровский федеральный исследовательский центр появилась возможность выполнять междисциплинарные исследования в области сельского хозяйства. На протяжении нескольких лет исследовательская группа Хабаровского федерального ис-

следователского центра ДВО РАН, в состав которой вошли учёные ВЦ ДВО РАН, ДВ НИИСХ и ИГД ДВО РАН, занимается моделированием вегетационных индексов и разработкой вопросов прогнозирования урожайности и классификации пахотных земель южной части Дальнего Востока с использованием спутниковых данных. Применение современных информационных технологий позволяет моделировать урожайность сельхозкультур, контролировать севооборот и решать другие важные задачи по увеличению сельхозпродукции [14; 15].

По результатам селекционной работы, в последние годы был произведён целый ряд новых районированных для условий Хабаровского края высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур. В рамках импортозамещения произведено значительное количество оригинальных семян, включая элитные семена, широко известные не только в Дальневосточном регионе, но и за его пределами [16; 17].

Обособленное подразделение, Институт материаловедения ДВО РАН, демонстрирует успешный опыт реализации комплексных программ по исследованию и разработке новых технологий в области материаловедения. При выполнении государственного задания спроектирован и изготовлен плазменный реактор для синтеза тугоплавких соединений из концентратов минерального сырья. При энергопотреблении, сравнимом с лабораторной электрической печью, плазменный реактор позволяет обеспечить нагрев плазмы до 10 тысяч градусов Кельвина. Высокая скорость нагрева шихты приводит к деструктуризации и диспергированию сложносоставных соединений минералов до более простых соединений без применения химических реагентов. Разработана лабораторная установка и технология по получению металломатричных сплавов и интерметаллидов из оксидов с использованием метода жидкофазного самораспространяющегося высокотемпературного синтеза (СВС) на одну стадию процесса, также разработана лабораторная установка и отработана технология по получению покрытий на металлах и сплавах с использованием неколлективизированных (порошков, гранул) анодных материалов, отличающаяся тем, что покрытие формируется за одну стадию процесса на всей поверхности образца [18; 19; 20].

Институт материаловедения ДВО РАН совместно с Институтом машиноведения и металлургии (ИМиМ ДВО РАН) создали молодёжную лабораторию «Разработка энергоэффективных технологий получения материалов и конструкций, производимых и эксплуатирующихся в условиях Дальневосточного региона». В ходе совместных исследований учёные разрабатывают новые способы получения востребованных материалов и конструкций, адаптированных по своим физико-механическим и эксплуатационным свойствам к работе в сложных условиях агрессивного внешнего воздействия, способных противостоять негативным природным факторам и безотказно функционировать в среде низких температур, химического взаимодействия (коррозия) и абразивного износа. По мнению учёных ИМиМ ДВО РАН, современные отечественные технологии способны обеспечить высокую конкурентоспособ-

ность производимой продукции, в том числе на международных рынках, и поддерживать достаточный уровень импортозамещения за счёт применения местных недорогих доступных минерально-сырьевых ресурсов, в том числе техногенного происхождения, а также пересмотра подходов и способов её получения [21–24].

В своём Послании к Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года президент РФ уделил большое внимание развитию технологической базы страны, акцентировав, что в этом вопросе основа основ – это наука! Обозначил, что государство должно более чем вдвое увеличить совокупные вложения в исследования и разработки, довести их долю до двух процентов ВВП к 2030 году и по этому показателю войти в число ведущих научных держав мира, указав, что главное – это эффективность таких вложений. Речь идёт о достижении конкретного научного результата в каждом конкретном случае. Отметил, что нужно использовать позитивный опыт наших федеральных научно-исследовательских программ по генетике, сельскому хозяйству, проектов Российского научного фонда. Также необходимо наладить внутренние кооперационные цепочки и международные технологические платформы, развернуть серийный выпуск собственного оборудования и комплектующих, нацелить геолого-разведку на поиск редкоземельных материалов, другого сырья для новой экономики.

Также президент РФ отметил, что в современных условиях повышение эффективности всех сфер производительности труда неразрывно связано с цифровизацией, и указал, что к 2030 году необходимо сформировать цифровые платформы во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы.

Важным элементом цифровых платформ являются алгоритмы искусственного интеллекта. Уже подписан указ об утверждении обновлённой редакции Национальной стратегии развития искусственного интеллекта. Президент отметил, что необходимо наращивать наши вычислительные ресурсы, к 2030 году совокупная мощность отечественных суперкомпьютеров должна быть увеличена не менее чем в 10 раз. Государство готовит комплекс конкретных мер поддержки компаний, которые производят оборудование для хранения и обработки данных, а также создают программное обеспечение. Необходимо, чтобы темпы роста инвестиций в отечественные IT-решения как минимум вдвое превышали темпы роста экономики. Условия для использования цифровых систем должны быть не только в мегаполисах, но и в малых городах, в сельских территориях и в отдалённых районах, вдоль федеральных и региональных трасс, местных дорог.

В 2024 году шесть специализированных центров коллективного пользования (ЦКП) России сформировали консорциум «Распределённая научная суперкомпьютерная инфраструктура». В их число вошёл и Хабаровский федеральный исследовательский центр ДВО РАН, в лице Вычислительного центра ДВО РАН, на базе которого функционирует Центр коллективного пользования научным оборудованием «Центр обработки и хранения научных данных ДВО РАН». При этом был решён зап-

рос на распределённую инфраструктуру, которая должна охватывать связанные высокоскоростными каналами связи технологические площадки в разных регионах страны и оснащённые современными вычислительными системами с разной архитектурой и специализированными системами хранения данных. Такой подход способствует более эффективному использованию финансовых ресурсов и, что не менее важно, развитию в регионах научных коллективов (школ) в области высокопроизводительных вычислений, которые сейчас обеспечивают работу этой инфраструктуры и экспертное сопровождение, решаемых на её базе актуальных научных и научно-технических задач [6; 25].

Полученные результаты и их обсуждение

Со стороны государства предпринимаются серьёзные шаги для повышения научно-технологического потенциала нашего макрорегиона.

Особое внимание в Послании к Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года президент РФ уделил вопросам регионального развития. Субъекты Российской Федерации в целях научно-технологического обеспечения социально-экономического развития могут утверждать региональные программы научно-технологического развития.

В конце марта 2025 г. прошло совещание в Совете Федерации Комитета по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера на тему «Развитие научно-технологического, инновационного и промышленного потенциалов Дальнего Востока», на котором было отмечено, что научно-технологическое развитие дальневосточных субъектов находится на недостаточно высоком уровне. Актуальными являются исследования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в которых был проведён анализ инновационного развития российских регионов на основе комплекса рейтинговых оценок. Исследование базируется на системе показателей, характеризующих социально-экономические условия инновационной деятельности, научно-технический потенциал, уровень инновационной и экспортной активности, качество региональной инновационной политики¹ (табл. 1–4).

Выступая на IX Восточном экономическом форуме в сентябре 2024 г., глава государства отметил, что на Дальнем Востоке будет поддерживаться развитие передовых, креативных отраслей инфраструктуры экономики больших данных и искусственного интеллекта; чтобы задействовать на полную мощь преимущества технологического прогресса, будет продолжено наращивание научного и образовательного потенциалов Дальнего Востока.

¹Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 7 [Электронный ресурс] / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Бредихин и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст. дан. (объем 28,1 Мб). М.: НИУ ВШЭ, 2021. 274 с.

Таблица 1

Группировка регионов ДФО по уровню инновационного развития
Grouping of Far Eastern Federal District regions by level of innovative development

Регион ДФО	Место в рейтинге регионов РФ	Российский региональный инновационный индекс
Хабаровский край	17	0.3964
Приморский край	26	0.3700
Республика Саха (Якутия)	56	0.3091
Республика Бурятия	60	0.2956
Камчатский край	61	0.2928
Магаданская область	64	0.2757
Сахалинская область	65	0.2750
Забайкальский край	72	0.2423
Амурская область	77	0.2209
Еврейская автономная область	80	0.2036
Чукотский автономный округ	85	0.1295

Таблица 2

Группировка регионов ДФО по индексу «Социально-экономические условия инновационной деятельности»

Grouping of regions of the Far Eastern Federal District by the index
“Socio-economic conditions of innovation activity”

Регион ДФО	Место в рейтинге регионов РФ	Индекс социально-экономических условий
Камчатский край	2	0.5328
Хабаровский край	7	0.4656
Магаданская область	10	0.4590
Республика Саха (Якутия)	33	0.3905
Сахалинская область	35	0.3895
Приморский край	36	0.3893
Республика Бурятия	46	0.3731
Амурская область	66	0.3433
Забайкальский край	73	0.3268
Чукотский автономный округ	81	0.3047
Еврейская автономная область	85	0.2124

Таблица 3

Группировка регионов ДФО по индексу «Научно-технический потенциал»
Grouping of regions of the Far Eastern Federal District by the index
“Scientific and technical potential”

Регион ДФО	Место в рейтинге регионов РФ	Индекс научно-технического потенциала
Приморский край	23	0.3320
Еврейская автономная область	24	0.3317
Камчатский край	35	0.3068

Регион ДФО	Место в рейтинге регионов РФ	Индекс научно-технического потенциала
Республика Бурятия	50	0.2815
Республика Саха (Якутия)	54	0.2679
Хабаровский край	56	0.2661
Сахалинская область	68	0.2327
Магаданская область	70	0.2290
Забайкальский край	72	0.2264
Амурская область	73	0.2199
Чукотский автономный округ	85	0.0000

Таблица 4

Группировка регионов ДФО по индексу «Инновационная деятельность»
Grouping of Far Eastern Federal District regions by the “Innovative Activity” index

Регион ДФО	Место в рейтинге регионов РФ	Индекс инновационной деятельности
Хабаровский край	18	0.4056
Республика Бурятия	44	0.2805
Камчатский край	45	0.2783
Приморский край	52	0.2548
Магаданская область	55	0.2519
Республика Саха (Якутия)	61	0.2210
Сахалинская область	62	0.2198
Забайкальский край	72	0.1634
Еврейская автономная область	73	0.1603
Амурская область	76	0.1370
Чукотский автономный округ	78	0.1309

Научно-технологический и промышленный потенциал Дальнего Востока значителен и может быть конвертирован не только в ускорение его собственного развития, но и устойчивый экономический рост страны в целом. Необходимо эффективное использование собственного научно-технологического потенциала, проведение научных исследований и опытно-конструкторских разработок технологий, необходимых для производства отечественной приоритетной промышленной продукции.

В 2018 году была принята Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года. Научно-инновационному развитию в Стратегии посвящён 7 раздел, в котором отмечено, что принципиально важно в условиях массовой реструктуризации научных учреждений выделить и сохранить в крае конкурентоспособные научные коллективы и отдельных учёных, способных внести вклад в решение реальных задач технологического и социально-экономического развития¹.

¹ Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465353006>

В 2024 году закончился срок действия государственной программы Хабаровского края «Инновационное развитие и модернизация экономики Хабаровского края», принятой постановлением Правительства Хабаровского края в 2012 году. Следует отметить, что состояние научно-технического потенциала, как уже было отмечено, является слабым местом в инновационной системе Хабаровского края и одновременно резервом развития (табл. 1–4).

Несмотря на значительные усилия и достижения в научно-технологическом развитии, в Хабаровском крае существуют проблемы, затрудняющие полноценное развитие этой сферы:

1. Недостаточное финансирование научных исследований – одна из основных проблем. Недостаточные бюджетные средства замедляют темпы развития науки и технологий.

2. Недостаток высококвалифицированных специалистов в области науки и технологий является препятствием для инновационного развития региона. Необходимо уделить большее внимание подготовке и обучению специалистов в сфере науки и технологий.

3. Недостаточная инфраструктура для инновационной деятельности. Наличие современной инфраструктуры, такой как научно-исследовательские центры, технопарки, инновационные кластеры, играет важную роль в стимулировании инноваций. Большинство районов Хабаровского края испытывают недостаток в такой инфраструктуре.

4. Низкий уровень и недостаточная эффективность процесса коммерциализации научных разработок. Это замедляет переход от исследований к практическому применению новых технологий и продуктов.

5. Отсутствие эффективного взаимодействия между научными учреждениями, предприятиями и государственными структурами. Недостаточная согласованность действий и отсутствие партнёрства затрудняют успешную реализацию инновационных проектов (Хартия технологического суверенитета и импортозамещения – первый шаг к решению данной проблемы).

Решение озвученных проблем требует комплексного подхода, включающего в себя увеличение финансирования науки, улучшение системы образования и подготовки кадров, создание современной инфраструктуры для инноваций, а также укрепление партнёрских отношений между научными учреждениями, бизнесом и государством [26].

Одна из задач научных коллективов ХФИЦ, совместно с научным потенциалом ДВО РАН, видится в создании по заказу Правительства Хабаровского края современной, актуализированной «Программы научно-технологического развития Хабаровского края до 2035 года», с позиций сложившейся в мире геополитической ситуации, стратегии России «Поворот на Восток» и формирования в Хабаровском крае

транспортно-энергетического каркаса, который служит реальной основой реализации других проектов [27; 28].

Выводы

Учитывая разный уровень развития субъектов Российской Федерации, в т.ч. в научно-технологической сфере, представляется целесообразным выявление локальных научно-технологических «точек роста», что особенно важно при дефиците имеющихся ресурсов.

В связи с отсутствием нормативно закреплённых общих методических положений по региональному стратегическому планированию научно-технологического развития, субъекты РФ сами определяют тип документов стратегического планирования, порядок их разработки и утверждения, их структуру и содержание¹.

К настоящему времени из 89 субъектов РФ только в половине имеются действующие документы стратегического характера, в той или иной степени регулирующие научно-технологическое развитие². В Хабаровском крае такой документ планируется подготовить в ближайшее время.

В документе стратегического планирования НТР Хабаровского края необходимо предусмотреть:

– обстоятельный анализ современного состояния научно-технологического развития региона, включая оценку уровня технологического развития основных отраслей специализации региона, развитость сферы исследований и разработок, её соответствие стратегическим направлениям социально-экономического и научно-технологического развития региона, состояние подготовки научных и инженерных кадров для НТР региона;

– участие субъекта РФ в реализации прорывных направлений технологического развития, определённых в стратегических документах федерального уровня;

– приоритетные направления научно-технологического развития региона, определяющие развитие науки, технологий и инноваций в субъекте, содержащие меры по концентрации усилий на их реализацию;

– задачи повышения уровня технологического развития отраслей и секторов экономики региона, преодоления импортозависимости в технологиях и оборудовании, реализация проектов полного инновационного цикла;

¹ О системе управления государственными программами Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 мая 2021 года № 786.

URL: <https://docs.cntd.ru/document/603677013>

² Методические рекомендации по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации. Приказ Минэкономразвития России от 17.08.2021 № 500. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394807/44cf5cfa333d769589b6627a2f559-969f852a5de/

- увязать цели, задачи и стратегические приоритеты с приоритетными направлениями НТР страны;

- единый подход к выбору индикаторов научно-технологического развития, а также взаимосвязь целевых показателей, отражающих развитие НТР субъекта с аналогичными целевыми показателями государственной программы НТР РФ;

- системность развития научно-технологического потенциала региона, включающая кадровую, научно-образовательную и инфраструктурную составляющие;

- мониторинг реализации программы и оценку результативности научно-технологической деятельности и инновационной активности.

- Формируемая региональная система стратегического планирования научно-технологического развития должна включать чёткую схему разработки документов [29]:

- в рамках целеполагания – разработка концепции и стратегии научно-технологического развития субъекта РФ;

- в рамках прогнозирования – разработка регионального прогноза научно-технологического развития и приоритетных направлений развития науки, технологий и техники;

- в рамках планирования и программирования – разработка программ и проектов научно-технологического развития.

Формирование программы научно-технологического развития региона следует вести, соблюдая следующие принципы:

- целевая направленность программы на повышение технологического уровня экономики региона и обеспечение вклада субъекта в реализацию приоритетных направлений НТР;

- взаимосвязь целевых показателей программ, отражающих развитие научно-технологического потенциала в пределах субъекта, с аналогичными целевыми показателями государственной программы научно-технологического развития РФ;

- комплексность мероприятий программы, обеспечивающих достижение её целей;

- сочетание административных мер государственного регулирования и рыночных инструментов государственной поддержки и стимулирования научно-технологической деятельности в регионе;

- системность развития научно-технологического потенциала региона, включающая кадровую, научно-образовательную и инфраструктурную составляющие;

- государственно-частное партнёрство при разработке и реализации региональной программы НТР, обеспечивающее учёт и согласование интересов субъектов научно-технологической деятельности, их направленность на достижение общих целей;

- межотраслевое и межрегиональное взаимодействие в области научно-технологической деятельности;

– разнообразие источников финансирования мероприятий программы, в совокупности обеспечивающих решение её задач;

– реализация, по возможности, полного инновационного цикла, обеспечивающая производство и выпуск инновационной продукции на базе использования созданных передовых технологий.

Ежедневный, значимый для экономики региона труд подразделений ХФИЦ ДВО РАН, высокая компетентность учёных позволяют не сомневаться в успешной реализации поставленной задачи – разработке всех документов НТР Хабаровского края.

Список источников

1. Рассказов И.Ю., Усиков В.И., Федотова Ю.В. Геодинамическое районирование месторождений, склонных к горным ударам, с использованием цифровых моделей рельефа // Горный журнал. 2024. № 6. С. 38–46. DOI: <https://doi.org/10.17580/gzh.2024.06.06>

2. Makhinov A.N., Liu Sh., Kryukova M.V., Makhinova A.F. Influence of Floods and pollutants on development of plant abiotic stress in the Amur River floodlands // Russian Journal of Pacific Geology. 2024. Vol. 18, № 6. P. 763–772. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1819714024700441>

3. Пугачев И.Н., Король Р.Г., Нестерова Н.С. Развитие транспортно-логистического комплекса Дальневосточного региона России // Транспорт Азиатско-Тихоокеанского региона. 2022. № 4(33). С. 25–34. EDN: FANMES

4. Кондратьева А.Ю., Асеева Т.А. Фотосинтетическая деятельность и урожайность сортов фасоли зерновой в зависимости от уровня минерального питания // Вестник ДВО РАН. 2024. № 4. С. 108–118. EDN: IQJTQO

5. Шулюпин А.Н., Чермошенцева А.А., Варламова Н.Н. Влияние геометрии трассы трубопровода на устойчивость пароводяного течения при эксплуатации ГеоЭС // Вестник КРАУНЦ. Физ.-мат. науки. 2020. Т. 32, № 3. С. 143–153. DOI: <https://doi.org/10.26117/2079-6641-2020-32-3-143-153>

6. Сорокин А.А., Мальковский С.И. Оценка эффективности вычислительных платформ на базе архитектуры POWER // Информационные технологии и высокопроизводительные вычисления: материалы VII Международной научно-практической конференции, Хабаровск, 11–13 сентября 2023 года. Хабаровск, 2023. С. 212–214. EDN: LFNSSO

7. Пугачев И.Н., Клиценко М.В. Специфика и тенденции развития транспортного обслуживания в туризме на Дальнем Востоке Российской Федерации // Известия субтропического научного центра Российской академии наук. 2023. № 3-2. С. 38–48. EDN: QNHPSM

8. Крюкова М.В. Система особо охраняемых природных территорий российской части бассейна р. Амур и её роль в сохранении биологического разнообра-

зия растительного покрова // Тихоокеанская география. 2023. № 3. С. 9–22. EDN: SDQFNI

9. Kondratyeva L.M., Andreeva D.V., Litvinenko Z.N., Golubeva E.M. Effect of temperature on the activity of microorganisms in the area of the Bureiskiy Landslide // Inland Water Biology. 2024. Vol. 17(5). P. 733–741. DOI: <https://doi.org/10.1134/S199508292470041X>

10. Пугачев И.Н. Инфраструктурное сопровождение стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года // Транспортное, горное и строительное машиностроение: наука и производство. 2024. № 28. С. 72–76. DOI: <https://doi.org/10.26160/2658-3305-2024-28-72-76>

11. Секисов А.Г., Рассказова А.В., Конарева Т.Г. Кучное выщелачивание первичных и смешанных комплексных медных руд с использованием активационного предокисления // Горный журнал. 2024. № 6. С. 71–76. DOI: <https://doi.org/10.17580/gzh.2024.06.11>

12. Шулюпин А.Н., Варламова Н.Н. Максимальное рабочее устьевое давление как показатель производительности парлифтной скважины // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2023. Вып. 3. С. 464–474. DOI: <https://doi.org/10.46689/2218-5194-2023-3-1-464-474>

13. Алексеев В.С., Серый Р.С., Банщикова Т.С. Исследование эффективности работы промывочных приборов при отработке россыпных месторождений благородных металлов // Горный журнал. 2024. № 6. С. 82–87. DOI: <https://doi.org/10.17580/gzh.2024.06.13>

14. Верхотуров А.Л., Степанов А.С., Сорокин А.А., Бордаков А.С. Опыт использования спутниковых радиолокационных данных для идентификации и мониторинга состояния посевов сельскохозяйственных культур (на примере Хабаровского района и Амурской области) // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2024. Т. 4, № 1. С. 11–19. EDN: GMZLJS

15. Sorokin A., Stepanov A., Dubrovin K., Verkhoturov A. Enhancement of comparative assessment approaches for synthetic aperture radar (SAR) vegetation indices for crop 2 monitoring and identification – Khabarovsk Territory (Russia) case study // Remote Sensing. 2024. Vol. 16, Iss. 14. Article 2532. DOI: <https://doi.org/10.3390/rs16142532>

16. Асеева Т.А., Трифунтова И.Б. Новый сорт ярового плёнчатого овса Дальневосточный кормовой // Агронаука. 2024. Том 2, № 1. С. 31–37. DOI: <https://doi.org/10.24412/2949-2211-2024-2-1-31-37>

17. Зенкина К.В., Асеева Т.А. Формирование урожайности яровой мягкой пшеницы в условиях Среднего Приамурья // Вестник КрасГАУ. 2024. № 12. С. 19–25. DOI: <https://doi.org/10.36718/1819-4036-2024-12-19-25>

18. Бурков А.А., Николенко С.В., Крутикова В.О., Шельменок Н.А. Электроискровое осаждение Ti-Ta покрытий на титановый сплав Ti6Al4V: жаростойкость и трибологические свойства // Физическая мезомеханика. 2024. Т. 27, № 3. С. 159–168. DOI: https://doi.org/10.55652/1683-805X_2024_27_3_159-168

19. Burkov A.A., Chigrin P.G., Kulik M.A. Effect of TaC content on microstructure and wear behavior of PRMMC Fe-TaC coating manufactured by electrospark deposition on AISI304 stainless steel // *Surface and Coatings Technology*. 2024. Vol. 494. Article 131446. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.surfcoat.2024.131446>
20. Kozin V.M. Modeling of flexural-gravity waves in ice cover on elastic films // *Mechanics of Solids*. 2024. Vol. 59. P. 61–74. DOI: <https://doi.org/10.1134/S0025654423600587>
21. Барсукова Н.В., Попов А.В., Комаров О.Н. Эволюция структуры и свойств железоуглеродистых сплавов, получаемых алюмотермией при дифференциации фракционного состава шихтовых материалов // *Металлург*. 2024. № 11. С. 102–112.
22. Багдасарян Н.А. Концептуальные основы и методические рекомендации по разработке региональных стратегий инновационного и научно-технологического развития // *Экономика и предпринимательство*. 2021. № 11(136). С. 475–481. DOI: <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.11.136.092>
23. Gnidenko A., Chigrin P. Modeling of the oxygen defect formation in $YCrO_3$ // *International Journal of Quantum Chemistry*. 2024. Vol. 124, № 1. Article e27311. DOI: <https://doi.org/10.1002/qua.27311>
24. Komarov O.N., Sevastyanov G.M., Abashkin E.E., Khudyakova V.A. Shift of a spherical layer under high pressures // *Metallurgist*. 2023. Vol. 67. P. 801–813. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11015-023-01568-3>
25. Prokhorenko A.V., Chibisov A.N., Gnidenko A.A., Chibisova M.A., Obrazcov K.V., Vasenko A.S., Srivastava A. Ab Initio study of the influence of spin and orbital magnetic moments on the stability of magnetic and charge distribution in Co:ZnO monolayer // *Journal of Physical Chemistry Letters*. 2024. Vol. 15, Iss. 41. P. 10295–10300. DOI: <https://doi.org/10.1021/acs.jpcllett.4c02744>
26. Суховой А.Ф., Голова И.М. Дифференциация стратегий инновационного развития регионов как условие повышения эффективности социально-экономической политики в РФ // *Экономика региона*. 2020. Т. 16, № 4. С. 1302–1307. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-20>.
27. Крюков В.Г., Пугачев И.Н. Роль формирования транспортно-энергетического каркаса в освоении минерально-сырьевой базы Дальнего Востока России // *Транспортное, горное и строительное машиностроение: наука и производство*. 2025. № 30. С. 85–92. DOI: <https://doi.org/10.26160/2658-3305-2025-30-85-92>
28. Рассказов И.Ю., Пугачев И.Н., Крюков В.Г. Транспортные проблемы освоения минерально-сырьевой базы Арктической зоны России // *Горная промышленность*. 2025. № 1S. С. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.30686/1609-9192-2025-1S-05-13>

29. Беляков Г.П., Багдасарян Н.А. Формирование системы стратегического планирования научно-технологического развития региона // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18-2. С. 141–146.

References

1. Rasskazov I.Yu., Usikov V. I., Fedotova Yu.V. Geodinamicheskoe rajonirovanie mestorozhdenij, sklonnyh k gornym udaram, s ispol'zovaniem cifrovyyh modelej rel'efa [Geodynamic zoning of rockburst-prone deposits using digital terrain models]. *Gornyi Zhurnal*, 2024, no. 6, pp. 38–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17580/gzh.2024.06.06>

2. Makhinov A.N., Liu Sh., Kryukova M.V., Makhinova A.F. Influence of Floods and pollutants on development of plant abiotic stress in the Amur River floodlands. *Russian Journal of Pacific Geology*, 2024, vol. 18, no. 6, pp. 763–772. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1819714024700441>

3. Pugachev I.N., Korol R.G., Nesterova N.S. Razvitie transportno-logisticheskogo kompleksa Dal'nevostochnogo regiona Rossii [Development of transport and logistics complex of the Far Eastern regions of Russia]. *Pacific Rim Countries Transportation System*, 2022, no. 4 (33), pp. 25–34. (In Russ.).

4. Kondrat'eva A.Yu., Aseeva T.A. Fotosinteticheskaya deyatelnost' i urozhajnost' sortov fasoli zernovoj v zavisimosti ot urovnya mineral'nogo pitaniya [Photosynthetic activity and productivity of grain bean varieties depending on the level of mineral nutrition]. *Vestnik of the FEB RAS*, 2024, no. 4, pp. 108–118. (In Russ.).

5. Shulyupin A.N., Chermoshentseva A.A., Varlamova N.N. Vliyanie geometrii trassy truboprovoda na ustojchivost' parovodyanogo techeniya pri ekspluatacii GeoES [Influence geometry of the pipeline at the stability of steam-water flow during the exploitation of a geopower station]. *Vestnik KRAUNC. Fiz.-mat. nauki*, 2020, vol. 32, no. 3, pp. 143–153. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26117/2079-6641-2020-32-3-143-153>

6. Sorokin A.A., Malkovsky S.I. Ocenka effektivnosti vychislitel'nyh platform na baze arhitektury POWER [Evaluating the efficiency of computing platforms based on the POWER architecture]. *Informacionnye tekhnologii i vysokoproizvoditel'nye vychisleniya: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Khabarovsk, September 11–13, 2023. Khabarovsk, 2023, pp. 212–214. (In Russ.).

7. Pugachev I.N., Klitsenko M.V. Specifika i tendencii razvitiya transportnogo obsluzhivaniya v turizme na Dal'nem Vostoke Rossijskoj Federacii [Specifics and trends in the development of transport services in tourism in the Far East of the Russian Federation]. *Proceedings of the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences*, 2023, no. 3-2, pp. 38–48. (In Russ.).

8. Kryukova M.V. Sistema osobo ohranyaemyh prirodnyh territorij rossijskoj chasti bassejna r. Amur i eyo rol' v sohranении biologicheskogo raznoobraziya rastitel'nogo pokrova [System of specially protected natural areas of the Russian part of the Amur River

basin and its role in conservation of biological diversity of vegetation cover]. *Pacific Geography*, 2023, no. 3, pp. 9–22. (In Russ.).

9. Kondratyeva L.M., Andreeva D.V., Litvinenko Z.N., Golubeva E.M. Effect of temperature on the activity of microorganisms in the area of the Bureiskiy Landslide. *Inland Water Biology*, 2024, vol. 17, no. 5, pp. 733–741. DOI: <https://doi.org/10.1134/S199508292470041X>

10. Pugachev I.N. Infrastrukturnoe soprovozhdenie strategii razvitiya mineral'no-syr'evoy bazy Rossijskoj Federacii do 2035 goda [Infrastructural support for the strategy for the development of the mineral resource base of the Russian Federation until 2035]. *Transport, Mining and Construction Engineering: Science and Production*, 2024, no. 28, pp. 72–76. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26160/2658-3305-2024-28-72-76>

11. Sekisov A.G., Rasskazova A.V., Konareva T.G. Kuchnoe vyshchelachivanie pervichnyh i smeshannyh kompleksnyh mednyh rud s ispol'zovaniem aktivacionnogo predokisleniya [Heap leaching of primary and mixed complex copper ores using activation peroxidation]. *Gornyi Zhurnal*, 2024, no. 6, pp. 71–76. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17580/gzh.2024.06.11>

12. Shulyupin A.N., Varlamova N.N. Maksimal'noe rabochee ust'evoe davlenie kak pokazatel' proizvoditel'nosti parliftnoj skvazhiny [Maximum working wellhead pressure as an indicator of steam-lift well productivity]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle*, 2023, iss. 3, p. 464–474. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.46689/2218-5194-2023-3-1-464-474>.

13. Alekseev V.S., Sery R.S., Banshchikova T. S. Issledovanie effektivnosti raboty promyvochnykh priborov pri otrabotke rossypnykh mestorozhdenij blagorodnykh metallov [Study of the efficiency of washing devices in the development of placer deposits of precious metals]. *Gornyi Zhurnal*, 2024, no. 6, pp. 82–87. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17580/gzh.2024.06.13>

14. Verkhoturov A.L., Stepanov A.S., Sorokin A.A., Bordakov A.S. Opyt ispol'zovaniya sputnikovyykh radiolokacionnykh dannykh dlya identifikacii i monitoringa sostoyaniya posevov sel'skohozyajstvennykh kul'tur (na primere Habarovskogo rajona i Amurskoj oblasti) [Experience of using satellite radar data for identification and monitoring of the state of agricultural crops (on the example of Khabarovsk district and Amur region)]. *Interekspo Geo-Sibir'*, 2024, vol. 4, no. 1, pp. 11–19. (In Russ.).

15. Sorokin A., Stepanov A., Dubrovin K., Verkhoturov A. Enhancement of comparative assessment approaches for synthetic aperture radar (SAR) vegetation indices for crop 2 monitoring and identification – Khabarovsk Territory (Russia) case study. *Remote Sensing*, 2024, vol. 16, iss. 14, article 2532. DOI: <https://doi.org/10.3390/rs16142532>

16. Aseeva T.A., Trifuntova I.B. Novyj sort yarovogo plynchatogo ovsa Dal'nevostochnyj kormovoj [New variety of spring film-covered oats Far Eastern forage]. *Agro-nauka*, 2024, vol. 2, no. 1, pp. 31–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2949-2211-2024-2-1-31-37>

17. Zenkina K.V., Aseeva T. A. Formirovanie urozhajnosti yarovoj myagkoj pshenicy v usloviyah Srednego Priamur'ya [Formation of yield of spring soft wheat in the conditions of the Middle Amur region]. *Vestnik KrasGAU*, 2024, no. 12, pp. 19–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.36718/1819-4036-2024-12-19-25>
18. Burkov A. A., Nikolenko S.V., Krutikova V. O., Shelmenok N.A. Elektroiskrovoe osazhdenie Ti-Ta pokrytij na titanovyj splav Ti6Al4V: zharostojkost' i tribologicheskie svojstva [Electric spark deposition of Ti-Ta coatings on titanium alloy Ti6Al4V: heat resistance and tribological properties]. *Fizicheskaya mezomekhanika*, 2024, vol. 27, no. 3, pp. 159–168. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.surfcoat.2024.131446>
19. Burkov A.A., Chigrin P.G., Kulik M.A. Effect of TaC content on microstructure and wear behavior of PRMMC Fe-TaC coating manufactured by electrospark deposition on AISI304 stainless steel. *Surface and Coatings Technology*, 2024, vol. 494, article 131446. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.surfcoa>
20. Kozin V.M. Modeling of flexural-gravity waves in ice cover on elastic films. *Mechanics of Solids*, 2024, vol. 59, pp. 61–74. DOI: <https://doi.org/10.1134/S0025654423600587>
21. Barsukova N.V., Popov A.V., Komarov O.N. Evolyuciya struktury i svojstv zhelezouglerodistykh splavov, poluchaemykh alyumotermiej pri differenciacii frakcionnogo sostava shihtovykh materialov [Evolution of the structure and properties of iron-carbon alloys obtained by aluminothermy during differentiation of the fractional composition of charge materials]. *Metallurg*, 2024, no. 11, pp. 102–112. (In Russ.).
22. Bagdasaryan N.A. Konceptual'nye osnovy i metodicheskie rekomendacii po razrabotke regional'nyh strategij innovacionnogo i nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya [Conceptual foundations and methodological recommendations for the development of regional strategies for innovative and scientific-technological development]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 2021, no. 11(136), pp. 475–481. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.11.136.092>
23. Gnidenko A., Chigrin P. Modeling of the oxygen defect formation in YCrO₃. *International Journal of Quantum Chemistry*, 2024, vol. 124, no. 1, article e27311. DOI: <https://doi.org/10.1002/qua.27311>
24. Komarov O.N., Sevastyanov G.M., Abashkin E. E., Khudyakova V.A. Shift of a spherical layer under high pressures. *Metallurgist*, 2023, vol. 67, pp. 801–813. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11015-023-01568-3>
25. Prokhorenko A.V., Chibisov A.N., Gnidenko A.A., Chibisova M.A., Obrazcov K.V., Vasenko A.S., Srivastava A. Ab Initio study of the influence of spin and orbital magnetic moments on the stability of magnetic and charge distribution in Co:ZnO monolayer. *Journal of Physical Chemistry Letters*, 2024, vol. 15, iss. 41, pp. 10295–10300. DOI: <https://doi.org/10.1021/acs.jpcllett.4c02744>

26. Sukhovey A.F., Golova I.M. Differenciatsiya strategij innovatsionnogo razvitiya regionov kak uslovie povysheniya effektivnosti social'no-ekonomicheskoy politiki v RF [Differentiation of strategies for innovative development of regions as a condition for improving the efficiency of socio-economic policy in the Russian Federation]. *Ekonomika regiona*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 1302–1307. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-20>.

27. Kryukov V.G., Pugachev I.N. Rol' formirovaniya transportno-energeticheskogo karkasa v osvoenii mineral'no-syr'evoy bazy Dal'nego Vostoka Rossii [The role of the formation of the transport and energy framework in the development of the mineral resource base of the Russian Far East]. *Transportnoe, gornoe i stroitel'noe mashinostroenie: nauka i proizvodstvo*, 2025, no. 30, pp. 85–92. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26160/2658-3305-2025-30-85-92>

28. Rasskazov I.Yu., Pugachev I.N., Kryukov V.G. Transportnye problemy osvoeniya mineral'no-syr'evoy bazy Arkticheskoy zony Rossii [Transport problems of development of the mineral resource base of the Arctic zone of Russia]. *Gornaya promyshlennost'*, 2025, no. 1S, pp. 5–13. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30686/1609-9192-2025-1S-05-13>

29. Belyakov G.P., Bagdasaryan N.A. Formirovanie sistemy strategicheskogo planirovaniya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya regiona [Formation of a system of strategic planning of scientific and technological development of a region]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*, 2023, no. 18-2, pp. 141–146. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

И.Н. Пугачев – доктор технических наук, заместитель руководителя Хабаровского федерального исследовательского центра Дальневосточного отделения Российской академии наук (Хабаровск, Российская Федерация),

✉ ipugachev64@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0345-4350>

I.N. Pugachev – Doctor of Technical Sciences, Deputy Head of Khabarovsk Federal Research Center of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 30.06.2025;

одобрена после рецензирования / revised 28.07.2025;

принята к публикации / accepted 28.08.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 45–55.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 45–55.

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/45-55>

Тенденции цифровой трансформации Таиланда

Елена Сергеевна Бурова

Центр изучения Вьетнама и АСЕАН,
Институт Китая и современной Азии РАН,
Москва, Российская Федерация

✉ burova@iccaras.ru

Аннотация. Данная статья анализирует перспективы цифровой трансформации Таиланда, рассматривая ключевые социально-экономические факторы, способствующие цифровизации страны, включая демографическую структуру, урбанизацию и рост среднего класса. В работе исследуется государственная политика в области цифровизации, включая создание специализированных институтов, разработку национальных стратегий и реализацию крупных инфраструктурных проектов. Статья также рассматривает динамику развития цифровой экономики, в частности электронной коммерции, и оценивает уровень вовлечённости населения в цифровую среду. Автор подчёркивает сохраняющиеся структурные проблемы, такие как неравномерность цифрового развития между городскими и сельскими регионами, а также отставание в цифровизации малого и среднего бизнеса. Основным выводом заключается в том, что, несмотря на значительный прогресс и наличие благоприятных условий для цифрового рывка, Таиланд сталкивается с серьёзными вызовами. Для реализации полного потенциала цифровой трансформации и достижения статуса регионального лидера стране необходимо преодолеть цифровое неравенство и активизировать интеграцию цифровых технологий в бизнес-процессы, особенно на уровне малых и средних предприятий.

Ключевые слова: Таиланд, цифровая экономика, цифровизация, электронная коммерция, цифровая политика

Для цитирования: Бурова Е.С. Тенденции цифровой трансформации Таиланда // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 45–55.

Original article

Thailand's digital transformation trends

Elena S. Burova

Center for Vietnamese and ASEAN Studies,
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

✉ burova@iccaras.ru

Abstract. This article analyzes the prospects of Thailand's digital transformation by examining key socio-economic factors driving the country's digitalization, including demographic structure, urbanization, and the growth of the middle class. The study explores government policies on digitalization, such as the establishment of specialized institutions, the development of national strategies, and the implementation of large-scale infrastructure projects. The article also examines the dynamics of the digital economy, particularly in the area of e-commerce, and assesses the level of public engagement with digital technologies. The author highlights persistent structural challenges, such as the uneven pace of digital development between urban and rural areas, as well as the lag in digital adoption among small and medium-sized enterprises (SMEs). The main conclusion is that, despite significant progress and favorable conditions for a digital leap, Thailand faces serious challenges. To fully realize the potential of digital transformation and achieve regional leadership, the country must overcome digital inequality and accelerate the integration of digital technologies into business processes, especially at the SME level.

Keywords: Thailand, digital economy, digitalization, e-commerce, digital policy

For citation: Burova E.S. Thailand's digital transformation trends. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 45–55. (In Russ.).

Введение

В условиях глобальной неопределённости, замедляющегося роста ВВП, темпы которого, по прогнозам Всемирного Банка, не превысят 1,8% в 2025 г. [1], и таких вызовов, как ослабление экспорта и замедление восстановления туризма, цифровая трансформация рассматривается как ключевой катализатор для повышения конкурентоспособности Таиланда, создания новых рабочих мест и обеспечения долгосрочного экономического роста. Цифровые технологии играют ключевую роль в экономическом развитии, являясь залогом успешного функционирования бизнес-структур и прочих хозяйствующих субъектов, и становятся всё более важными в повседневной жизни, улучшения качества жизни населения, служа основой для инноваций, что обуславливает актуальность изучения данной тематики.

Социально-экономический контекст

Таиланд является «второй экономикой» Юго-Восточной Азии. Объём ВВП в 2023 г. достиг 514,9 млрд долл. [2]. Страна относится к категории стран с доходами выше среднего. В 2023 г. население страны достигло 71,702 млн человек [3]. Подушевой показатель ВВП составил 7171,81 долл. [4].

Социально-экономическая ситуация в Таиланде отличается стабильностью и поступательной положительной динамикой, хотя и с существенным замедлением в последние годы.

Демографическая структура населения характеризуется преобладанием людей молодых и трудоспособных возрастов, более восприимчивых к цифровой среде и идущие в ногу с цифровыми технологиями. 70% населения составляет возрастная группа от 15 до 64 лет [5].

Таиланд также переживает активную урбанизацию, сопровождающуюся ростом городского населения. Так, в 2010–2023 гг. численность жителей городского населения возросла с 30,076 млн до 38,438 млн человек, а его доля увеличилась с 44 до 54% [6]. В среднем города увеличиваются на 2,7% в год.

Следует отметить, что распределение городского населения крайне неравномерно. Бангкок, будучи главным культурным, экономическим центром и генерируя значительную часть ВВП, концентрирует около 20% населения Таиланда.

Высокая плотность населения в городах, особенно в агломерациях вроде Бангкока, снижает удельные затраты на развёртывание дорогостоящей цифровой инфраструктуры и делает экономически оправданным внедрение инновационных цифровых сервисов: умный город, цифровые платформы, e-commerce логистика.

Вместе с тем города являются центрами сосредоточения среднего класса, основным потребителем цифровых услуг. По оценкам ВБ, средний класс составляет 37,5% населения [7]. Этот показатель имеет тенденцию к росту. Одновременно снижается индекс Джинни. Так, за 2012–2023 он сократился с 39,3 до 33,5 [8], что свидетельствует о сокращении неравенства в обществе.

Расходы на конечное потребление домохозяйств и личное потребление продолжают расти. В период 2012–2023 гг. они возрастали в среднем на 3,4% в год – с 211,77 млрд до 296,99 млрд долл. [9].

Негативным явлением является рост долговой нагрузки домохозяйств. Объёмы потребительских кредитов имеют тенденцию к увеличению и составляют треть от общего объёма долга домохозяйств. Возникающее бремя обслуживания долга в перспективе может создать угрозу снижения совокупного спроса и торможения экономики.

Государственная политика в области цифровизации и развитие цифровой инфраструктуры

Руководство Таиланда осознаёт важность развития цифровой экономики и уделяет этому сектору пристальное внимание. В 2016 г. было создано *Министерство*

цифровой экономики и общества. Данное ведомство разработало Национальный генеральный план цифровой экономики с двадцатилетним временным горизонтом, разделённым на четыре этапа. Они включают в себя закладку цифровых основ, достижение цифровой инклюзивности, переход к полной трансформации и, наконец, достижение статуса глобального цифрового лидера. Были также запущены такие инициативы, как «Цифровой Таиланд», «Таиланд 4.0» и специальная программа по развитию Восточного экономического коридора, в рамках которой планируется развитие цифровых парков [10].

Национальная стратегия цифровой трансформации направлена на превращение Таиланда в цифровую экономику и общество за счёт внедрения передовых технологий. Основные цели включают развитие цифровой инфраструктуры, повышение цифровой грамотности населения, поддержку стартапов и инноваций, а также переход госуслуг в онлайн-формат (e-Government). Для реализации этих задач правительство использует госинвестиции, партнёрства с частным сектором, например с такими компаниями, как Huawei и Google [11].

С момента внедрения программ цифрового развития с 2016 по 2023 г. неуклонно расширялись ряды пользователей сети Интернет. В абсолютных значениях этот показатель возрос почти вдвое – с 34,012 млн до 64,532 млн человек [12] (табл. 1). Динамика этого процесса была весьма быстрая – средние темпы роста составили 10%.

Таблица 1

Численность пользователей сети Интернет в Таиланде
The number of Internet users in Thailand

Годы	Численность (млн человек)	Доля населения
2016	34,012	48%
2017	40,364	53%
2018	40,684	57%
2019	47,919	67%
2020	55,879	78%
2021	60,967	85%
2022	63,126	88%
2023	64,531	90%

Источник: The World Bank Data. URL: Population, total - Thailand | Data

Доля пользователей сети Интернет увеличилась с 48% до 90% в 2016–2023 гг., что создаёт основу для развития цифровых услуг. По показателю охвата населения Интернетом Таиланд входит в число лидеров региона, уступая Брунею (99%), Малайзии (98%) и Сингапуру (94%) [13].

Основной предпосылкой организации перехода к цифровой экономике стало стремительное развитие физической инфраструктуры доступа к Интернету. В резуль-

тате скоординированных усилий Министерства цифровой экономики и общества и компании TOT Public Company Limited удалось реализовать масштабный проект *Net Pracharat (или Сеть для людей)* по прокладке широкополосного Интернета в отдалённых районах страны. В рамках этого проекта в 75 тыс. деревнях, где ранее не было Интернета, был проведён широкополосный Интернет и созданы бесплатные точки Wi-Fi [14].

Общее число широкополосных подключений в 2022 г. составило 100,6 млн, причём 88% из них пришлось на мобильный Интернет [15]. На начало 2025 г. количество активных абонентских подключений сотовой мобильной связи в Таиланде достигло 99,5 млн, что соответствует 139% охвату от общей численности населения [16]. Мобильный широкополосный доступ сыграл ключевую роль в увеличении охвата населения Интернетом, особенно с развитием 5G. В 2017 г. мобильные сети достигли 98% покрытия населения технологиями 3G и 4G, а к 2022 г. 5G охватил уже 85% жителей [16]. Однако операторы сталкиваются с проблемой низкого показателя среднего дохода на одного пользователя на фоне растущих затрат на развёртывание 5G и развития инфраструктуры в сельской местности, а также относительно невысоких доходов сельских жителей.

Что касается фиксированного широкополосного доступа, то он серьёзно отстаёт, охватывая лишь 18% подключений [17]. Его высокая стоимость, которая в 2,5 раза выше мобильного Интернета, и фокус инфраструктуры на городах оставляет сельские районы без устойчивой связи. Скорость фиксированного Интернета составляет 203 Мбит/с, в то время как скорость мобильного Интернета существенно скромнее – 40 Мбит/с. Всё это вкуче существенно снижает возможности для ускорения процесса цифровизации.

Помимо активного расширения охвата населения Интернетом, руководство Таиланда создаёт необходимую инфраструктуру для упрощения цифровой трансформации. Ярким примером может служить национальная система цифровой идентификации (Digital ID), целью которой является улучшение цифровых услуг и транзакций, повышение их безопасности. Она включает в себя национальную платформу цифровой идентификации и мобильное приложение ThaiID, обеспечивающее безопасную и удобную онлайн-идентификацию и аутентификацию [18].

За последние годы Таиланд ввёл значительное количество новых нормативных актов в сфере цифровой экономики, выдвигаясь в число региональных лидеров по развитию цифрового законодательства. Вместе с тем руководство страны сохраняет жёсткие барьеры для иностранного капитала в телекоммуникационном секторе и онлайн-торговле.

Тенденции цифровизации

Таиланд быстро превращается в центр цифровой экономики, используя стратегические инициативы и значительные мировые инвестиции. Путь страны к цифро-

визации отмечен серией амбициозных проектов и коллабораций, которые направлены на то, чтобы вывести Таиланд на передовые позиции цифровой революции АСЕАН.

Цифровая экономика в Таиланде заметно расширяется. Так, в 2017–2023 гг. её объёмы возросли с 36 млрд до 41 млрд долл., увеличив вклад в ВВП до 6% [19]. Средние темпы роста составили 12%. Уровень потребления цифровых услуг является вторым по величине в Юго-Восточной Азии после Сингапура: 90% пользователей сети Интернет пользуются цифровыми услугами [17].

Быстрыми темпами развивается электронная коммерция. Ещё до пандемии тайские ритейлеры добились значительного прогресса в цифровой трансформации. Многие создали онлайн-каналы для своих клиентов, используя аналитику данных для лучшего понимания потребностей клиентов. Начиная с начала 2020 г. усиление социального дистанцирования, карантинных и других мер, связанных с пандемией, вызвало всплески в онлайн-торговле.

Движущими факторами этого роста являются более широкое использование Интернета и мобильных телефонов, а также улучшение логистики и систем электронных платежей. По данным Ассоциации электронной коммерции Таиланда, стоимость рынка электронной коммерции оценивается в 26,5 млрд долл. в 2023 г. по сравнению с 23,4 млрд долл. в 2022 г.

В 2021 г. почти 90% взрослого населения Таиланда совершали покупки онлайн. По этому показателю страна снова уступает лишь Сингапуру. Свыше 60% тайцев использовали цифровые платежи, что вновь ставит страну в число региональных лидеров. Для сравнения: в соседних странах, таких как Филиппины или Индонезия, уровень внедрения цифровых платежей остаётся значительно ниже. Цифры свидетельствуют о высокой потребительской вовлечённости Таиланда в цифровую среду.

Прорыв Таиланда в сфере цифровых платежей произошёл в результате запуска системы PromptPay. Данный проект стал одним из пяти ключевых проектов в рамках *Национального мастер-плана электронных платежей*, объявленного в декабре 2015 г. Его целью было создание интегрированной цифровой платёжной инфраструктуры в Таиланде для обеспечения лёгких, безопасных и удобных переводов средств для всех секторов [20]. Помимо облегчения базовых денежных переводов и платежей, PromptPay также является важным инструментом, используемым правительством для распределения социальных пособий целевым получателям путём прямого перевода денег с использованием идентификационного номера гражданина-получателя.

Популярность системы резко возросла во время пандемии, когда люди минимизировали контакты с наличными деньгами и перешли на онлайн-транзакции. PromptPay сыграл ключевую роль в расширении финансовой инклюзии, обеспечив доступ к финансовым услугам населению, не охваченному банковским сектором.

Данная платёжная система также стала важным катализатором роста электронной коммерции в Таиланде, обеспечивая безопасные и удобные онлайн-платежи.

Наиболее активной категорией онлайн-покупателей являются молодые тайцы в возрасте 17–36 лет, на них приходится 62% рынка, в то время как население в возрасте 37–50 лет составляют 33%, а тайцы в возрасте 51–71 года – лишь 5%. Преобладание молодых возрастов в демографической структуре населения создаёт дополнительные возможности для развития отрасли, создавая и расширяя рынок для новых продуктов и услуг.

Рынок электронной коммерции в Таиланде является высококонкурентным. На нём представлены разнообразные международные и местные онлайн-платформы. Lazada и Shopee, яростно конкурирующие за звание самых популярных тайских платформ электронной коммерции, вкладывают значительные средства в рекламу и маркетинговые кампании. Jib и Power Buy известны как торговые площадки ИТ и электронного оборудования в Таиланде с конкурентоспособными ценами и надёжным послепродажным обслуживанием. JD Central, совместное предприятие китайской JD.com и таиландской Central Group, была третьей по величине платформой электронной коммерции в Таиланде до закрытия деятельности в марте 2023 г.

Платформы электронной коммерции в Таиланде делятся на три категории: транзакции бизнес-бизнес (B2B), транзакции бизнес-потребитель (B2C) и транзакции бизнес-правительство (B2G). Среди трёх групп транзакций транзакции B2C являются крупнейшими и составляют 50%, за ними следуют транзакции B2B с 27% и транзакции B2G с 23% [21].

Внедрение цифровых коммерческих и платёжных технологий на уровне компаний не менее критично для раскрытия полного потенциала роста производительности и эффективности от цифровизации. Эти технологии позволяют компаниям повышать качество продуктов и услуг, сокращать операционные издержки, стимулировать инновации и расширять рыночное присутствие. Для малых и средних предприятий (МСП), которые составляют 99% всех предприятий Таиланда и обеспечивают 70% занятости, цифровые инструменты нивелируют конкурентные барьеры, помогая преодолеть традиционные ограничения масштаба, видимости и конкурентоспособности как на внутреннем, так и на глобальном рынках. Таким образом, укрепление цифровых компетенций МСП необходимо для обеспечения широкого и инклюзивного распределения выгод от цифровой трансформации.

Вместе с тем МСП, особенно микропредприятия, используют ключевую цифровую инфраструктуру в крайне ограниченном объёме. По данным ВБ, только 39% из них используют компьютеры и 68% – Интернет, тогда как крупные предприятия демонстрируют почти поголовное внедрение [17]. Этот базовый разрыв препятствует интеграции более сложных цифровых инструментов в бизнес-процессы.

Хотя многие МСП используют доступные платформы, такие как соцсети (48%), мессенджеры (38%) и онлайн-банкинг (44%), их применение носит неформальный и фрагментарный характер. Без полной цифровой интеграции эти инструменты не способны поддерживать сложные функции электронной коммерции: онлайн-обслуживание клиентов (29%), цифровые закупки и продажи (20%) или онлайн-рекрутинг (6%).

Данная динамика свидетельствует о том, что, несмотря на растущую вовлечённость в цифровую среду, МСП пока не вышли за рамки базового цифрового присутствия к полноценному использованию цифровизации как драйвера трансформации бизнеса.

Аналогично веб-присутствие и использование облачных сервисов, являющихся критически важными для масштабирования цифровых продаж и управления операциями, остаются минимальными. Данные разрывы указывают на нереализованный потенциал цифровых технологий в бизнесе.

Наблюдается и существенная географическая неоднородность использования цифровых технологий. Регионы с более высокими скоростями мобильного Интернета и широким покрытием 4G или 5G, такие как Бангкок, демонстрируют повышенный уровень использования электронной коммерции, онлайн-рекрутинга и общей цифровой вовлечённости.

Заключение

Таиланд обладает значительным потенциалом для цифрового рывка, имея благоприятный социально-экономический контекст, одну из самых развитых цифровых экономик в АСЕАН и сильную инфраструктурную базу: почти всеобщий охват мобильным Интернетом, передовые системы цифрового ID (ThaID) и мгновенных платежей (PromptPay), которые способствуют финансовой включённости и развитию электронной коммерции. Правительство стремится превратить страну в региональный цифровой хаб, всячески содействуя своими инициативами.

Однако, несмотря на прогресс, цифровизация в Таиланде сталкивается с определёнными дисбалансами и проблемами. Фиксированный широкополосный Интернет отстаёт по распространению, особенно в сельской местности, что сдерживает развитие и определяет географическое неравенство в доступе и использовании технологий. Операторы мобильной связи сталкиваются с низким уровнем дохода, исчисляемого на одного пользователя, на фоне высоких затрат на расширение покрытия. Критически слабым звеном является низкий уровень цифровизации бизнеса, что сдерживает рост продуктивности.

Таким образом, для реализации полного потенциала цифровой трансформации и достижения статуса регионального лидера стране необходимо преодолеть цифровое неравенство и активизировать интеграцию цифровых технологий в бизнес-процессы, особенно на уровне малых и средних предприятий.

Список источников

1. Thailand's digital future key to boosting growth // World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2025/07/03/thailand-s-digital-future-key-to-boosting-growth>
2. GDP (current US\$) – Thailand // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=TH>
3. Population, total – Thailand // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=TH>
4. GDP per capita (current US\$) – Thailand // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=TH>
5. Population ages 15–64, total – Thailand // World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.1564.TO?cid=GPDfr_1&locations=TH
6. Urban population (% of total population) – Thailand // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?locations=TH>
6. Thailand poverty brief // World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/780771636649923876/pdf/Thailand-Poverty-Brief.pdf>
8. Gini index – Thailand // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=TH>
9. Households and NPISHs Final consumption expenditure (current US\$) – Thailand // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.PRVT.CD?locations=TH>
10. Government initiative // The Eastern Economic Corridor. URL: <https://www.eeco.or.th/en/government-initiative>
11. Thailand digital economy and society development plan // Digwatch. URL: <https://dig.watch/resource/thailand-digital-economy-and-society-development-plan#:~:text=The%20Thailand%20Digital%20Economy%20and,targeting%20specific%20goals%20and%20milestones>
12. Individuals using the Internet (% of population) – Thailand // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=TH>
13. Individuals using the Internet (% of population) – Singapore, Malaysia, Brunei Darussalam, Thailand // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=SG-MY-BN-TH>
14. Village broadband Internet project (Net Pracharat) // Ministry of Digital Economy and Society. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/Village%20Broadband%20Internet%20Project%20%28Net%20Pracharat%29%2C%20MDES%20Thailand.pdf>
15. Robbie Mitchel. Unpacking Thailand's Internet resilience // Internet Society. URL: [Unpacking Thailand's Internet Resilience](https://www.internetsociety.org/unpacking-thailand-s-internet-resilience)
16. Digital 2025: Thailand // Datareportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-thailand>

17. Thailand economic monitor. Digital pathways to growth July 2025 // World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099070225024525808/pdf/P508079-c47ce804-a29b-46f2-9207-38d85c3f032b.pdf>

18. Digital ID verification and authentication system (Digital ID) // Digital Government Development Agency. URL: <https://www.dga.or.th/en/our-services/digital-platform-services/digitalid/>

19. Thailand country commercial guide // International Trade Administration. URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/thailand-digital-economy>

20. Payment systems roadmap // Bank of Thailand. URL: <https://www.bot.or.th/content/dam/bot/documents/en/our-roles/payment-systems/payment-systems-policy/PaymentRoadmap-2021.pdf>

21. Antonio Postigo. Governing the digital economy in Thailand: Domestic regulations and international agreements // ISEAS Perspective. URL: [ISEAS_Perspective_2023_58.pdf](https://www.iseas.edu.sg/images/stories/Perspectives/Perspective_2023_58.pdf).

References

1. Thailand's digital future key to boosting growth. *World Bank*. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2025/07/03/thailand-s-digital-future-key-to-boosting-growth>

2. GDP (current US\$) – Thailand. *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=TH>

3. Population, total – Thailand. *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=TH>

4. GDP per capita (current US\$) – Thailand. *World Bank*.

URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=TH>

5. Population ages 15–64, total – Thailand. *World Bank*. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.1564.TO?cid=GPDfr_1&locations=TH

6. Urban population (% of total population) – Thailand. *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?locations=TH>

7. Thailand poverty brief. *World Bank*. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/780771636649923876/pdf/Thailand-Poverty-Brief.pdf>

8. Gini index – Thailand. *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=TH>

9. Households and NPISHs Final consumption expenditure (current US\$) – Thailand. *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.PRVT.CD?locations=TH>

10. Government initiative. *The Eastern Economic Corridor*.

URL: <https://www.eeco.or.th/en/government-initiative>

11. Thailand digital economy and society development plan. *Digwatch*. URL: <https://dig.watch/resource/thailand-digital-economy-and-society-development->

plan#:~:text=The%20Thailand%20Digital%20Economy%20and,targeting%20specific%20goals%20and%20milestones

12. Individuals using the Internet (% of population) – Thailand. *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=TH>

13. Individuals using the Internet (% of population) – Singapore, Malaysia, Brunei Darussalam, Thailand. *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=SG-MY-BN-TH>

14. Village broadband Internet project (Net Pracharat). *Ministry of Digital Economy and Society*. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/Village%20Broadband%20Internet%20Project%20%28Net%20Pracharat%29%2C%20MDES%20Thailand.pdf>

15. Robbie Mitchel. Unpacking Thailand's Internet resilience. *Internet Society*. URL: [Unpacking Thailand's Internet Resilience](https://www.internetsociety.org/unpacking-thailand-s-internet-resilience)

16. Digital 2025: Thailand. *Datareportal*. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-thailand>

17. Thailand economic monitor. Digital pathways to growth July 2025. *World Bank*. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099070225024525808/pdf/P508079-c47ce804-a29b-46f2-9207-38d85c3f032b.pdf>

18. Digital ID verification and authentication system (Digital ID). *Digital Government Development Agency*. URL: <https://www.dga.or.th/en/our-services/digital-platform-services/digitalid/>

19. Thailand country commercial guide. *International Trade Administration*. URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/thailand-digital-economy>

20. Payment systems roadmap. *Bank of Thailand*. URL: <https://www.bot.or.th/content/dam/bot/documents/en/our-roles/payment-systems/payment-systems-policy/PaymentRoadmap-2021.pdf>

21. Antonio Postigo. Governing the digital economy in Thailand: Domestic regulations and international agreements. *ISEAS Perspective*. URL: [ISEAS_Perspective_2023_58.pdf](https://www.iseas.edu.sg/images/stories/Perspectives/Perspectives_2023_58.pdf).

Информация об авторах / Information about the authors

Е.С. Бурова – старший научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, Институт Китая и современной Азии РАН (Москва, Российская Федерация),

✉ burova@iccaras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1047-2573>

E.S. Burova – Senior Researcher at the Vietnam and ASEAN Studies Center, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 08.08.2025;

одобрена после рецензирования / revised 20.08.2025;

принята к публикации / accepted 20.08.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 56–64.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 56–64.

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/56-64>

Принцип добросовестности в корпоративных отношениях

Ксения Сергеевна Благодыр[✉], Ольга Александровна Макарова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ kseniablagodyr6@gmail.com

Аннотация. «На каждое действие найдётся противодействие», – так гласит Третий закон Ньютона. Данное правило применимо не только в физической науке, но и в юридической. Законы юридические дают субъектам правоотношений знание того, какими правами и обязанностями они обладают и как первые нужно осуществлять, а вторые исполнять, отступление от установленных законом правил называется «злоупотребление правом». Из монографии «Экономический анализ права» А.Г. Карапетова мы знаем, что у субъектов есть две траектории поведения – поступить честно или нечестно. Вероятность выбора второй траектории увеличивается, если сторона договора считает, что больше со своим контрагентом не встретится. В корпоративных отношениях (не всегда имеющих обязательственно-правовую природу, характерную для гражданских отношений) участники корпорации находятся на одной стороне – на стороне корпорации, и между ними всё равно возникают конфликты интересов в борьбе за прибыль, в этом специфика преломления принципа добросовестности в корпоративных отношениях. Судебная практика знает многочисленные и разнообразные способы недобросовестного поведения участников корпораций, которые постоянно совершенствуются с развитием экономики и права. В определении понятия «злоупотребление правом» исследователи поделились на два лагеря – на тех, кто считает, что злоупотреблением правом необходимо признавать только правомерные деяния, и на тех, кто считает, что злоупотреблением правом возможно признавать только правонарушения. В статье будет рассмотрено общее понятие добросовестности, понятие добросовестности в корпоративных отношениях, соотношение недобросовестного поведения и злоупотребления правом, влияние интереса корпорации на принцип добросовестности и состав правонарушения в корпоративных отношениях.

Ключевые слова: принцип добросовестности, недобросовестное поведение, злоупотребление правом, корпоративные отношения, активная добросовестность, пассивная добросовестность, шикана, обход закона, иное заведомо недобросовестное осуществление прав, нравственность, пределы осуществления прав, интерес корпорации

Для цитирования: Благодыр К.С., Макарова О.А. Принцип добросовестности в корпоративных отношениях // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 56–64.

Original article

Principle of good faith in corporate relations

Ksenia S. Blagodyr✉, **Olga A. Makarova**

St. Petersburg State University of Economics,

Saint Petersburg, Russian Federation

✉ kseniablagodyr6@gmail.com

Abstract. For every action there is a counteraction, so says Newton's Third Law. This rule is applicable not only in physical science, but also in legal science. Legal laws give the subjects of legal relations knowledge of what rights and obligations they have, and how the former should be exercised, and the latter to fulfill, deviation from the rules established by law is called abuse of right. From "Economic Analysis of Law" by A.G. Karapetov we know that subjects have two trajectories of behavior – to act honestly or dishonestly. The probability of choosing the second trajectory increases if a party to a contract believes that it will not meet its counterparty again. In corporate relations (not always having the obligatory-legal nature characteristic of civil relations) the participants of the corporation are on the same side – on the side of the corporation and between them there are still conflicts of interests in the struggle for profit, this is the specificity of the refraction of the principle of good faith in corporate relations. Judicial practice knows numerous and diverse ways of unfair behavior of corporate participants, which are constantly improving with the development of economy and law. In defining the concept of "abuse of right" researchers have divided into two camps – those who believe that only lawful acts should be recognized as abuse of right, and those who believe that only offenses can be recognized as abuse of right. The article will consider the general concept of good faith, the concept of good faith in corporate relations, the correlation of bad faith behavior and abuse of right, the impact of the interest of the corporation on the principle of good faith and the composition of the offense in corporate relations.

Keywords: principle of good faith, bad faith behavior, abuse of right, corporate relations, active good faith, passive good faith, chicane, circumvention of the law, other knowingly dishonest exercise of rights, morality, limits of the exercise of rights, the interest of the corporation

For citation: Blagodyr K.S., Makarova O.A. Principle of good faith in corporate relations. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 56–64. (In Russ.).

Определение принципа добросовестности

В соответствии с п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК) установлено, что гражданское законодательство регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения). Согласно п. 3 ст. 1 ГК, участники гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей должны действовать добросовестно. Таким образом, корпоративные отношения, как предмет гражданско-правового регулирования [1], подчиняются гражданско-правовому принципу – принципу добросовестности. Исходя из вышеизложенного, все участники корпоративных отношений должны руководствоваться принципом добросовестности как при реализации своих прав, так и при исполнении своих обязанностей.

Упоминания о добросовестности можно встретить в ГК с момента его принятия (в том числе в нормах корпоративного права, например, в п. 3 ст. 53 ГК), в то время когда принцип добросовестности ещё не был основным началом гражданского законодательства [2]. Так, в Постановлении Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 20 мая 2008 г. № 15756/07 (далее – ВАС) было употреблено синонимичное недобросовестному поведению понятие «злоупотребление правом» [2]. Этим была достигнута цель – использование ст. 10 ГК для признания недобросовестного поведения злоупотреблением правом, в то время когда в ст. 1 ГК [3] ещё не было упоминания о принципе добросовестности.

Принцип добросовестности, как довольно абстрактная категория, служит направлением для честного и совестливого поведения участников гражданских отношений, которое является желательным в социуме. Как и справедливость, добросовестность в то же время является субъективной категорией, в связи с чем всегда будет иметь место опасность губительного для гражданского оборота её применения. И.Б. Новицкий отметил, что добросовестность можно понимать как извинительное незнание о факте (субъективный смысл), так и как стандарт минимального честного поведения (объективный смысл) [3].

Злоупотребление правом и недобросовестность

М.В. Демьянова считает, что злоупотребление правом и недобросовестность соотносятся как частное и общее [3], так, злоупотребление правом рассматривается автором как крайнее проявление недобросовестного поведения [3]. О.В. Черкасова занимает противоположную позицию, считая, что данные категории равнозначны [4]. Словесное толкование норм права, заключённых в п. 3 ст. 1 ГК, ст. 10 ГК, позволяет

сделать вывод, что в гражданском праве признаётся принцип добросовестности как всеобщее и основополагающее правило. В случае если участники гражданских отношений действуют недобросовестно, то есть переступают видимую границу разрешённого законодателем поведения (например, их действия или бездействие могут дать повод для утверждения, что они намеренно причиняют вред другому лицу, обходят закон или иным образом злоупотребляют правом (п. 1 ст. 10 ГК)), тогда имеет место злоупотребление правом. В этом случае взамен антонимов понятий «добросовестность» – «недобросовестность», применяется «злоупотребление правом», что логично отражает суть явления, понятие же «недобросовестность» в данном контексте не употребляется. Именно поэтому нельзя утверждать, что недобросовестность или злоупотребление правом является более тяжким деянием.

При этом исследователями критикуется категория «злоупотребление правом», ввиду того что злоупотребление находится за пределами права [5]. Представители данной концепции (например, О.И. Цыбулевская, Е.Б. Абакумова) полагают, что злоупотребление правом означает нарушение норм нравственности, а не права [6]. Так, Е.Б. Абакумова считает, что только правомерные деяния должны оцениваться на предмет добросовестности, в иных случаях в этом нет необходимости [7]. Однако другие исследователи критически относятся к возможности признания поведения правомерным злоупотреблением права и считают, что злоупотребление правом – это правонарушение [3; 5; 6]. Представитель данной концепции Я.А. Смирнова высказывает особый взгляд на проблему, что нарушение принципа добросовестности будет правонарушением, так как эти действия нарушают только пределы осуществления права [сообразно наименованию ст. 10 ГК], в остальном же они полностью соответствуют всем правовым предписаниям [8]. Представляется, что данная позиция противоречит одному из законов логики – закону исключённого третьего: деяние не может быть одновременно правомерным и неправомерным, поэтому необходимо давать однозначную характеристику правовому явлению с целью избегания двойных стандартов.

Другая представительница этого же подхода, О.А. Поротикова, выступает строго против понимания злоупотребления правом как правомерного явления, так как право, впитав в себя нормы нравственности, уже не должно обращаться к исходной точке – к самим нравственным правилам [5]. С автором нельзя не согласиться, но требуется уточнить, что данное высказывание может быть признано верным тогда и только тогда, когда социум будет руководствоваться нравственностью больше, чем правом, когда человек станет думать о том, как уменьшить тяготы других, как завещал нам Ф.В. Тарановский [9]. Сейчас же это время ещё не настало, и участникам гражданских и корпоративных отношений необходимо руководствоваться не только нормами права, но и тем же самым принципом добросовестности, который установлен ГК.

Создателем идеи того, что право должно быть определённым, является И.А. Покровский. И как бы ни была заманчива и безусловно логична идея признавать злоупотреблением права только правомерные деяния как способ отсеивания тех деяний, с которыми право «не смогло справиться» из-за законодательных пробелов и иных причин, необходимо признать, что диспозитивность в праве порождает свободу усмотрения, которая нередко приводит к осуществлению права в противовес духу закона. Чем точнее норма права, тем её труднее обойти. Поэтому для признания того или иного деяния злоупотреблением правом, а также его подвидом, необходимо руководствоваться подходом, что злоупотребление правом является правонарушением, а значит, для квалификации его таковым необходимо наличие всех элементов состава правонарушения – а это противоправное деяние в форме действия или бездействия, наличие убытков, причинно-следственная связь между противоправным деянием и наступившими последствиями и вина правонарушителя [5].

Легальными видами злоупотребления правом являются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (другое название, принятое в доктрине, – шикана), действия в обход закона с противоправной целью и иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (п. 1 ст. 10 ГК). Каждый из этих подвидов злоупотребления правом имеет свои особенности, что будет отражаться на том или ином элементе квалификации правонарушения.

Противоправное деяние

Судить о деянии как о противоправном можно только тогда, когда осуществление права одним лицом затрагивает права другого лица (например, участники общества имеют право на обращение в суд с требованием к обществу, право на обжалование корпоративных решений общества, право на оспаривание сделок общества и др., и неоднократное необоснованное осуществление этих прав может послужить признанием их злоупотреблением [7]).

Противоправное деяние может выражаться в поведении, противоречащем активной и пассивной добросовестности в корпоративных отношениях. Активная добросовестность заключается в обязанности учитывать права и законные интересы корпорации, а также действовать добросовестно в её интересах [3]. Она возлагается на членов органов управления и контролирующих лиц (п. 3 ст. 53 и п. 3 ст. 53.1 ГК) [3]. Примерами несоблюдения активной добросовестности могут служить следующие ситуации: директор совершил сделку без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов корпорации, или же директор знал или должен был знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам корпорации [4] и т.п.

Пассивная добросовестность предполагает необходимость «действовать добросовестно [всех остальных участников корпорации, не являющихся контролирующими

ми лицами] при реализации собственного интереса, учитывая интересы иных лиц» [3, с. 69]. К примеру, «неучастие участника общества в общих собраниях общества без уважительной причины, если такое неучастие затрудняет деятельность общества» [3, с. 145], «намеренное непринятие мажоритарным акционером, владеющим также привилегированными акциями, решения о выплате дивидендов, если экономическое состояние общества позволяет принимать такое решение» [3, с. 147], и т.п.

Наличие убытков

«Потерпевшим» в корпоративных отношениях будет то лицо, которому причинен вред или создаётся угроза его причинения в случае шиканы [5]. Вред в корпоративных отношениях причиняется корпорации, а значит, он представляет собой убытки в форме реального ущерба или упущенной выгоды.

Причинно-следственная связь между противоправным деянием и наступившими последствиями

Это обязательный признак состава правонарушения, заключающийся в том, что только действие или бездействие, например, участника корпорации влекут причинение вреда корпорации.

Вина правонарушителя

Вина правонарушителя – участника хозяйственного общества, ввиду его особого статуса как осознанного участника гражданского оборота, чья деятельность направлена на извлечение прибыли посредством вложения инвестиций в акционерное общество, может быть как в виде умысла, так и в виде небрежности.

Принято понимать, что для квалификации деяния как шиканы необходимо наличие прямого умысла – «исключительного намерения причинить вред», точно также как и для квалификации деяния как действий в обход закона – «действия с противоправной целью», тогда как для иного недобросовестного осуществления гражданских прав прямой умысел возможен, но необязателен, достаточно будет и одной небрежности или небрежности в совокупности с прямым умыслом в случае злоупотребления правом нескольких лиц [6]. Об умысле или небрежности участника корпоративного отношения может свидетельствовать его интерес.

В корпоративных отношениях имеют значение интересы следующих субъектов корпоративных отношений: это интересы корпорации, её участников, членов органов управления [3]. Интересы мажоритарных и миноритарных участников в хозяйственном обществе не совпадают: когда интерес мажоритарных участников направлен на реализацию долгосрочных многоприбыльных проектов, миноритарные участники предпочитают просто получать дивиденды [3]. У корпорации имеется собственный интерес, и он не приравнивается к совокупности интересов участников: при определении интересов юридического лица следует учитывать, что основной целью

деятельности коммерческой организации является извлечение прибыли, а также необходимо учитывать положения учредительных документов и решений органов юридического лица (п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица») [3]. Следовательно, недобросовестное поведение участников корпоративных отношений оценивается с позиции соблюдения интересов корпорации.

Выводы

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что принцип добросовестности является общим регулятором для всех подотраслей гражданского права, в каждой из которых он показывает возможные пределы осуществления прав и исполнения обязанностей, и подотрасль корпоративного права не является исключением. Принцип добросовестности является межотраслевым принципом, но это не означает, что в каждой подотрасли гражданского права он имеет абсолютно одинаковое значение. В корпоративном праве принцип добросовестности означает обязанность действовать добросовестно в интересах юридического лица. Соответственно, от контролирующих лиц и членов органов управления требуется беспрекословно поступать в интересах юридического лица (активная добросовестность), а от остальных участников юридического лица требуется лишь учитывать интересы других участников при добросовестной реализации своих интересов (пассивная добросовестность). Нарушение принципа добросовестности называется злоупотреблением своим правом. Выделяют две концепции определения данного понятия – концепция «злоупотребление правом – правонарушение» и концепция «правомерное злоупотребление правом». Для эффективности выявления злоупотреблений правом участниками корпоративных отношений и квалификации правонарушения как конкретной формы злоупотребления правом стоит придерживаться первой концепции, представители которой разработали состав корпоративного правонарушения, который включает такие элементы, как противоправное деяния, наличие убытков, вина и причинно-следственная связь. При наличии всех элементов состава правонарушения можно утверждать о том, что имело место конкретная форма злоупотребления правом (шикана, действия в обход закона или иное заведомо недобросовестное осуществление прав).

Список источников

1. Кравченко А.А. Реализация принципа добросовестности в сфере несостоятельности (банкротства): правовые вопросы: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2020. 270 с.
2. Бевзенко Р.С., Егоров А.В. Адаптация договора к изменившимся обстоятельствам и добросовестность сторон // О договорах: сборник статей к юбилею В.В. Витрянского. М.: Статут, 2017. С. 19–60. URL: <https://ssrn.com/abstract=3575696>

3. Демьянова М.В. Принцип добросовестности в корпоративном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2022. 252 с.
4. Черкасова О.В. Принцип добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц: дисс. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. (12.00.03). Екатеринбург, 2022. 230 с.
5. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: монография. Москва: Юрайт, 2024. 241 с. URL: <https://urait.ru/bcode/540054>
6. Макарова О.А., Попондопуло В.Ф. Корпоративное право: учебник и практикум для вузов. Москва: Юрайт, 2024. 531 с. URL: <https://urait.ru/bcode/536370>
7. Абакумова Е.Б. Принципы добросовестности и разумности в корпоративных правоотношениях // Вестник арбитражной практики. 2020. № 4. С. 32–40. DOI: https://doi.org/10.18411/Abakumova_1234-5678.
8. Смирнова Я.А. Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2019. 246 с.
9. Тарановский Ф.В. Интерес и нравственный долг в праве. Варшава: типография Варшавского учебного округа, 1899. 22 с.

References

1. Kravchenko A.A. Realizaciya principa dobrosovestnosti v sfere nesostoyatel'nosti (bankrotstva): pravovy'e voprosy' [Realization of the principle of good faith in the sphere of insolvency (bankruptcy): legal issues]: Ph. D. thesis: 12.00.03. Moscow, 2020. 270 p. (In Russ.).
2. Bevzenko R.S, Egorov A.V. Adaptaciya dogovora k izmenivshimsya obstoyatel'stvam i dobrosovestnost' storon [Adaptation of the contract to changed circumstances and good faith of the parties]. *O dogovorax: sbornik statej k yubileyu V. V. Vitryanskogo*. Moscow: Statute, 2017. P. 19–60. URL: <https://ssrn.com/abstract=3575696>. (In Russ.).
3. Demyanova M.V. Princip dobrosovestnosti v korporativnom prave [Principle of good faith in corporate law]: Ph. D. thesis: 12.00.03. Moscow, 2022. 252 p. (In Russ.).
4. Cherkasova O.V. Princip dobrosovestnosti v korporativny'x pravootnosheniyax kommercheskix yuridicheskix licz [Principle of good faith in corporate legal relations of commercial legal entities]: Ph. D. thesis: 5.1.3. (12.00.03). Ekaterinburg, 2022. 230 p. (In Russ.).
5. Porotikova O.A. Problema zloupotrebleniya sub'ektivny'm grazhdanskim pravom [The problem of abuse of subjective civil right: monograph]. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 241 p. URL: <https://urait.ru/bcode/540054> (In Russ.).
6. Makarova O.A., Popondopulo V. F. Korporativnoe pravo: uchebnik i praktikum dlya vuzov [Corporate law: textbook and practice for universities]. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 531 p. URL: <https://urait.ru/bcode/536370> (In Russ.).
7. Abakumova E.B. Principy' dobrosovestnosti i razumnosti v korporativny'x pravootnosheniyax [Principles of good faith and reasonableness in corporate legal relations]. *Vestnik arbitrazhnoj praktiki*, 2020, no. 4, pp. 32–40. DOI: https://doi.org/10.18411/Abakumova_1234-5678. (In Russ.).

8. Smirnova Ya.A. Zloupotrebleniya korporativny'mi pravami uchastnikami hozyajstvenny'x obshhestv [Abuse of corporate rights by participants of economic societies]: Ph. D. thesis: 12.00.03. Moscow, 2019. 246 p. (In Russ.).

9. Taranovsky F.V. Interes i npravstvenny'j dolg v prave [Interest and moral duty in law. Warsaw: printing house of the Warsaw school district], 1899. 22 p. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

К.С. Благодыр – магистрант Института магистратуры, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация), ✉ kseniablagodыр6@gmail.com

K.S. Blagodyr – Master's Student of Institute of Master's Degree, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation).

О.А. Макарова – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права Юридического факультета, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация),

✉ moamoа@mail.ru

O.A. Makarova – Doctor of Law, Professor of the Department of Civil and Corporate Law of Faculty of Law, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 13.06.2025;

одобрена после рецензирования / revised 07.08.2025;

принята к публикации / accepted 18.08.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 65–71.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 65–71.

ПОЛИТИКА / POLITICS

Научная статья

УДК 323

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/65-71>

Инструменты креативного политического маркетинга в России

Лиана Фидаилевна Губайдуллина ✉, Кирилл Владимирович Фадеев

Уфимский университет науки и технологий,

Уфа, Российская Федерация

✉ lianagubai@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа инструментов креативного политического маркетинга в современной России. Рассматриваются причины обращения политических субъектов к креативным технологиям, основные виды таких технологий и их специфика в условиях цифровизации политической коммуникации. Особое внимание уделено вирусному маркетингу, сторителлингу, инфлюенс-маркетингу, геймификации VR-технологий. Успешное использование креативных инструментов в политическом маркетинге требует глубокого понимания социальной динамики и ценностных установок целевой аудитории. Сделан вывод о перспективах развития креативных технологий в российском политическом пространстве как неотъемлемого фактора повышения гражданской вовлечённости и эффективности политической коммуникации.

Ключевые слова: креативные технологии, креативный политический маркетинг, политические технологии, политическая реклама, интернет-коммуникации, вирусный маркетинг, цифровая среда, политическая коммуникация, инфлюенс-маркетинг, политический брендинг

Для цитирования: Губайдуллина Л.Ф., Фадеев К.В. Инструменты креативного политического маркетинга в России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 65–71.

Original article

Tools of creative political marketing in Russia

Liana F. Gubaidullina✉, Kirill V. Fadeev

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

✉ lianagubai@mail.ru

Abstract. The article presents the results of an analysis of the tools of creative political marketing in modern Russia. The reasons for the appeal of political actors to creative technologies, the main types of such technologies and their specifics in the context of digitalization of political communication are considered. Special attention is paid to viral marketing, storytelling, influencer marketing, and gamification of VR technologies. The successful use of creative tools in political marketing requires a deep understanding of the social dynamics and values of the target audience. The conclusion is made about the prospects for the development of creative technologies in the Russian political space as an integral factor in increasing civic engagement and the effectiveness of political communication.

Keywords: creative technologies, creative political marketing, political technologies, political advertising, Internet communications, viral marketing, digital environment, political communication, influencer marketing, political branding

For citation: Gubaidullina L.F., Fadeev K.V. Tools of creative political marketing in Russia. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 27, no. 3, pp. 65–71. (In Russ.).

Современное развитие политического маркетинга в России обусловлено радикальными изменениями в сфере коммуникаций, глобальной цифровизацией общественного пространства и изменением характера взаимодействия между политическими субъектами и гражданами. В настоящее время традиционные методы политической рекламы, опирающиеся на стандартизированные образы и лозунги, утрачивают свою эффективность, уступая место креативным стратегиям, способным привлечь внимание аудитории, преодолеть коммуникативные барьеры и активизировать гражданскую и электоральную вовлечённость [1].

Переход к использованию креативных технологий в российском политическом маркетинге стал реакцией на снижение интереса граждан к политическим процессам, что отображается в результатах ряда социологических исследований последних лет. Согласно данным исследования Левада-центра (признан иностранным агентом), опубликованного в июне 2023 года, существенная доля аполитизма в среде граждан России сохраняется на достаточно значимом уровне. 78% респондентов не выразили

готовности более активно участвовать в политической жизни, мотивируя это отсутствием реальной возможности влиять на события, низким уровнем понимания политических процессов или занятостью повседневными делами. Только 22% опрошенных заявили о потенциальной готовности к политическому участию, причём наибольшую активность демонстрируют респонденты в возрасте от 18 до 24 лет [7]. Эти данные объективно свидетельствуют о необходимости переориентации на эксплуатацию наиболее эффективных, ориентированных на эмоциональное вовлечение граждан, инструментов политической коммуникации. Проблема состоит не только в снижении электоральной активности, но и в глубокой апатии и недоверии к традиционным каналам политической информации, что требует кардинального обновления способов взаимодействия политических акторов с обществом.

В настоящее время крайне очевидным представляется тот факт, что интернет-коммуникации заняли прочные ключевые позиции в комплексной совокупности средств креативного политического маркетинга. Виртуальные платформы предоставляют уникальные возможности для непосредственного и интерактивного контакта политиков с избирателями, позволяя оперативно адаптировать сообщения под интересы различных целевых аудиторий. Активное использование социальных сетей, блогов, мессенджеров и видеохостингов становится неотъемлемой частью избирательных кампаний, формируя новую культуру политического взаимодействия, основанную на принципах сетевой горизонтальности и партисипативности [6].

Неоспоримым следует признать и то обстоятельство, что вирусный маркетинг, персонализация и сторителлинг, инфлюенс-маркетинг, интерактивные акции и флешмобы, креативная наружная реклама, таргетированная реклама, а также геймификация и технологии дополненной и виртуальной реальности (AR/VR) имеют непосредственное отношение к креативным технологиям политико-маркетинговой деятельности.

Особое значение в современных кампаниях приобретает вирусный маркетинг, предполагающий стремительное распространение агитационных материалов через социальные сети за счёт самих пользователей, с упором на новый креативный контент и менее агрессивную подачу по сравнению с традиционной рекламой [5]. Такой подход позволяет добиться максимального охвата при минимальных затратах ресурсов и формирует восприятие информации как более достоверной и привлекательной. Идентичные ролевые позиции занимает инфлюенсер-маркетинг, подразумевающий привлечение для продвижения политических идей известных личностей или популярных блогеров [3]. Инфлюенсер-маркетинг усиливает эффект доверия, поскольку лидеры мнений обладают значительным влиянием на аудиторию в силу авторитета и популярности [10]. Персонализация предвыборных сообщений и сторителлинг

подразумевают адаптацию агитационных посланий под конкретные группы электората и их подачу в форме нарратива, что способствует установлению эмоциональной связи с аудиторией [2].

Креативные политические технологии проявляются также в изменении формата проведения агитационных мероприятий. Интерактивные акции, массовые флеш-мобы и культурные события становятся частью политического процесса, способствуя эмоциональной вовлечённости и укреплению идентификации граждан с определёнными политическими проектами.

Наружная реклама в современном политическом маркетинге приобретает креативный характер через нестандартные визуальные решения, рассчитанные на привлечение максимального внимания [8]. Важным направлением становится также таргетированная реклама, обеспечивающая персонализацию сообщений различным сегментам аудитории. Внедрение игровых элементов через геймификацию, использование дополненной и виртуальной реальности повышают вовлечённость аудитории, делая процесс потребления политической информации интерактивным и более интересным.

Политический брендинг как инструмент креативного маркетинга включает в себя разработку уникальных идентификационных образов политических акторов, партий и движений. Современные кампании ориентируются не столько на продвижение программных положений, сколько на конструирование привлекательного, запоминающегося имиджа, соответствующего ценностным ожиданиям целевых групп.

Анализ российской практики показывает, что активное внедрение креативных технологий связано прежде всего с деятельностью оппозиционных структур. Использование нестандартных стратегий позволяет им эффективнее конкурировать за внимание аудитории. Достаточно показательными представляются примеры ряда предвыборных видеороликов политических кампаний 2013 года. Их специфическая черта состоит в намеренном отсутствии навязчивых лозунгов или негатива в адрес оппонировавших сторон, а вместо этого задействованы простые и понятные визуальные образы, вызывающие у представителей электоральной среды положительные эмоции. Данные ролики многие исследователи приводят как яркие свидетельства зарождения креатива в российских политтехнологиях. Настоящий опыт демонстрирует, что гибкое реагирование на запросы аудитории и отказ от устаревших методов агитации способны повысить эффективность политического маркетинга. Властные политические акторы также постепенно интегрируют элементы креативных технологий в свою деятельность, осознавая их эффективность. Одним из важных шагов стало усиление присутствия официальных кандидатов в интернете. Рост аудитории Рунета делает онлайн-кампании практически обязательным элементом современного политического маркетинга.

На современном этапе наблюдается активная адаптация зарубежного опыта креативного политического маркетинга в российских реалиях. Практики американских и европейских избирательных кампаний, основанные на использовании Big Data, микронацеливания рекламы, вовлечения лидеров мнений и сетевых сообществ, постепенно находят отражение в отечественной политической практике [9]. Однако специфические культурные и институциональные особенности России требуют модификации данных моделей, что обуславливает развитие оригинальных форм креативного взаимодействия с обществом.

Эффективность креативных инструментов определяется не только их инновационностью, но и способностью учитывать особенности общественных настроений, политической культуры и медийной среды. Применение креативных стратегий без глубокого понимания ценностных установок аудитории может привести к росту недоверия и отчуждения. В этой связи особое значение приобретает комплексный анализ социокультурной динамики как основа для разработки эффективных политических кампаний [4].

Таким образом, креативные технологии в российском политическом маркетинге представляют собой необходимый ответ на вызовы современной информационной эпохи. Они способствуют обновлению форм и методов политической коммуникации, повышению уровня электоральной и гражданской активности, укреплению эмоциональных связей между политическими субъектами и обществом. Внедрение креативных инструментов позволяет выходить за рамки традиционных агитационных моделей, осваивать новые пространства взаимодействия и повышать эффективность политических кампаний. Перспективы развития политического маркетинга в России будут напрямую зависеть от способности политических акторов адаптировать креативные практики с учётом особенностей социальной динамики и запросов современного общества.

Список источников

1. Аксенов А.А. Реклама в политике: учебное пособие. Комсомольск-на-Амуре: КнАГТУ, 2013. С. 5–8.
2. Войнов Д.А. Креативность интернет-коммуникации как способ индивидуального политического участия граждан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 1. С. 119–126.
3. Григорьева Н.В. Особенности привлечения инфлюенсеров к политическому PR в России: почему российские блогеры не хотят пиарить политиков // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 23(2). С. 345–360.
4. Кияница Е.О. Использование креативных технологий в политической рекламе: управленческий аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 56–60.

5. Разумовская Н.А. Роль и развитие вирусного маркетинга в современном Интернете (на примере социальной сети TikTok) // Молодой ученый. 2021. № 17. С. 164–167.
6. Рыжова Т.О. Новые технологии и интернет в политической рекламе: российские и американские реалии // Материалы ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2014. С. 25–30.
7. Готовность к участию в политике // Левада-центр (признан иностранным агентом). Оpubл. 20.06.2023. URL: <https://www.levada.ru/2023/06/20/gotovnost-k-uchastiyu-v-politike/>
8. Farkas X. Visual political communication research: A literature review from 2012 to 2022 // Journal of Visual Political Communication. 2023. № 10(2). P. 95–126. DOI: https://doi.org/10.1386/jvpc_00027_1
9. Kreiss D. Micro-targeting, the quantified persuasion // Internet Policy Review. 2016. № 6(4). URL: <https://doi.org/10.14763/2017.4.774>
10. Roginsky S. Social network sites: an innovative form of political communication? A socio-technical approach to media innovation // The Journal of Media Innovations. 2014. Vol. 1, № 2. P. 97–125. DOI: <https://doi.org/10.5617/jmi.v1i2.842>

References

1. Aksenov A. A. Reklama v politike: uchebnoe posobie [Advertising in politics: a textbook]. Komsomolsk-on-Amur: KnAGTU, 2013. P. 5–8. (In Russ.).
2. Voynov D. A. Kreativnost' internet-kommunikacii kak sposob individual'nogo politicheskogo uchastiya grazhdan [Creativity of Internet communication as a way of individual political participation of citizens]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 2012, no. 1, pp. 119–126. (In Russ.).
3. Grigoreva N. V. Osobennosti privlecheniya inflyuenserov k politicheskomu PR v Rossii: pochemu rossijskie blogery ne hotyat piarit' politikov [The need to attract investors to political cooperation in Russia: why Russian bloggers don't want to promote politicians]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*, 2021, no. 23(2), pp. 345–360. (In Russ.).
4. Kiyanitsa E. O. Ispol'zovanie kreativnyh tekhnologij v politicheskoy reklame: upravlencheskij aspekt [The use of creative technologies in political advertising: a managerial aspect]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2015, no. 1, pp. 56–60. (In Russ.).
5. Razumovskaya N. A. Rol' i razvitie virusnogo marketinga v sovremennom Internete (na primere social'noj seti TikTok) [The role and development of virtual marketing on the modern Internet (for the first time on the TikTok social network)]. *Molodoj uchenyj*, 2021, no. 17, pp.164–167. (In Russ.).
6. Ryzhova T. O. Novye tekhnologii i internet v politicheskoy reklame: rossijskie i amerikanske realii [New technologies and the Internet in political advertising: Russian and American realities]. *Materialy NNGU im. N.I. Lobachevskogo*, 2014, pp. 25–30. (In Russ.).

7. Gotovnost' k uchastiyu v politike [Willingness to participate in politics]. Levada Center (Foreign agent in Russian Federation). Publ. 20.06.2023. (In Russ.). URL: <https://www.levada.ru/2023/06/20/gotovnost-k-uchastiyu-v-politike/>

8. Farkas X. Visual political communication research: A literature review from 2012 to 2022. *Journal of Visual Political Communication*, 2023, no. 10(2), pp. 95–126. DOI: https://doi.org/10.1386/jvpc_00027_1

9. Kreiss D. Micro-targeting, the quantified persuasion. *Internet Policy Review*, 2016, no. 6(4). URL: <https://doi.org/10.14763/2017.4.774>

10. Roginsky S. Social network sites: an innovative form of political communication? A socio-technical approach to media innovation. *The Journal of Media Innovations*, 2014, vol. 1, no. 2, pp. 97–125. DOI: <https://doi.org/10.5617/jmi.v1i2.842>

Информация об авторах / Information about the authors

Л.Ф. Губайдуллина – магистрант, Уфимский университет науки и технологий (Уфа, Российская Федерация),

✉ lianagubai@mail.ru

L.F. Gubaidullina – Master's Student, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation).

К.В. Фадеев – кандидат политических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий (Уфа, Российская Федерация),

✉ rodinafadeev@mail.ru

K.V. Fadeev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 29.04.2025;

одобрена после рецензирования / revised 07.08.2025;

принята к публикации / accepted 15.09.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 72–88.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 72–88.

Научная статья

УДК 321.011

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/72-88>

Технологический суверенитет в меняющемся мире: концептуально-политические трактовки и символические практики

Даниил Александрович Аникин✉, Алексей Юрьевич Мамычев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Москва, Российская Федерация

Владивостокский государственный университет,

Владивосток, Российская Федерация

✉ dandee@list.ru

Аннотация. В статье анализируются процессы технологических изменений и цифровых трансформаций в общественно-политической организации, их влияние на независимость страны и цивилизационный вектор развития общественных систем. Авторы представляют концептуально-политический анализ понятия «технологический суверенитет», выделяют и содержательно рассматривают его структурные элементы в контексте обеспечения национальной безопасности, а также обсуждают направления символической политики, которая формирует новый тип технологически и цивилизационно ориентированной мыследеятельности российского общества.

В работе доказывается, что приоритетами современной политики государства является суверенность критической инфраструктуры, разработка и внедрение инновационных национальных технологий в жизнедеятельность общества. При этом технологический суверенитет трактуется в качестве комплексного и многоуровневого феномена. Кроме того, авторы обосновывают, что развитие нового технологического уклада общества неотделима от системной символической политики, предполагающей создание и активное внедрение в образовательную среду образов самостоятельно разработанных технологий, их национальных авторов, что позволит вписать ценность технологического суверенитета в систему базовых ценностей современной российской молодежи.

Ключевые слова: государственная политика, национальная безопасность, символические практики, технологический суверенитет, цивилизация, цифровизация

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Минобрнауки РФ и ЭИСИ № FZUG-2023-0007

Для цитирования: Аникин Д.А., Мамычев А.Ю. Технологический суверенитет в меняющемся мире: концептуально-политические трактовки и символические практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 72–88.

Original article

Technological sovereignty in a changing world: conceptual and political interpretations and symbolic practices

Daniil A. Anikin✉, **Alexey Yu. Mamychyev**

Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russian Federation;
Vladivostok State University,
Vladivostok, Russian Federation
✉ dandee@list.ru

Abstract. The article analyzes the processes of technological changes and digital transformations in socio-political organizations, their impact on the independence of the country and the civilizational vector of development of social systems. The authors present a conceptual and political analysis of the concept of "technological sovereignty", identify and meaningfully consider its structural elements in the context of ensuring national security, and also discuss the directions of symbolic policy, which forms a new type of technologically and civilizationaly oriented activity of Russian society.

The paper proves that the priorities of modern state policy are the sovereignty of critical infrastructure, the development and implementation of innovative national technologies in the life of society. At the same time, technological sovereignty is interpreted as a complex and multilevel phenomenon. In addition, the authors substantiate that the development of a new technological way of society is inseparable from a systemic symbolic policy involving the creation and active introduction into the educational environment of images of independently developed technologies, their national authors, which will allow the value of technological sovereignty to be inscribed into the system of basic values of modern Russian youth.

Keywords: state policy, national security, symbolic practices, technological sovereignty, civilization, digitalization

Funding: The study was supported by the grant of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and EISI No. FZUG-2023-0007

For citation: Anikin D.A., Mamychev A. Yu. Technological sovereignty in a changing world: conceptual and political interpretations and symbolic practices. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 27, no. 3, pp. 72–88. (In Russ.).

Введение

Современный мир стремительно меняется, изменения уже затрагивают не только отдельные институты и сферы жизнедеятельности, но и мировоззренческие основания общественных систем. В настоящий момент происходит формирование нового социально-технологического режима функционирования экономических, политических, правовых, энергетических и иных систем. Внедрение цифровых технологий и алгоритмических решений, цифровых компетенций и инновационных технологических продуктов становится стратегической доминантой и ключевым направлением деятельности бизнес-структур, государства, различных организаций. Крупные государственные и негосударственные корпорации разрабатывают и конкурируют в сфере проектирования и внедрения специфического типа социально-технологической реальности.

Проект «информационное общество», который выступал определённой формой технологической идеологии западноевропейского мира, так и не воплотился в полном объёме, третье тысячелетие знаменовалось ещё большими трансформационными, переходными процессами, которые ведут к иному качественному состоянию общественных систем – социо-технологической эпохе [1; 2]. В отличие от предшествующих технологических изменений, энергетических переходов, промышленных трансформаций зарождающаяся социотехническая реальность порождает более тесное, чем прогнозировалось, переплетение социального и технологического, где технологическое развитие общества, а также технологическая независимость общественно-политической системы становится экзистенциальными для личности, общества и государства.

Справедливо отмечается, что формирование нового технологического уклада общества, ориентация на суверенность критической инфраструктуры и технологические инновации – «это не просто один из факторов экономического роста, а необходимое условие национальной безопасности. Они определяют перспективы развития экономики и социальной сферы, благосостояние и качество жизни граждан» [3, с. 196].

Отметим, что новая технологическая реальность, в отличие от традиционной социокультурной реальности, имеет специфические траектории развития, существенно влияя на экономические, политические, правовые, культурные и другие отношения. В этом плане представляя экспертный анализ развития различных общественных систем или моделируя развития конкретных социальных институтов, мы вынуждены учитывать как тренды и траектории развития новой для человека реальности, так и тесное переплетение социального и технологического, порождающее

разнообразные эмерджентные эффекты. В этом плане насущная задача современных исследовательских и прикладных разработок также должна быть ориентирована на описание сущностных и структурных характеристик этого нового пространства существования человека и социальных институций – социально-технологической реальности, адаптируя управленческие стратегии к разворачивающимся технологическим трансформациям.

В более прикладном аспекте технологический суверенитет общества связан с неправомерной практикой санкционного давления так называемого коллективного Запада на крупнейшие экономики не западного мира, прежде всего Россию, Китай и др. Так, санкционная политика западноевропейских стран по отношению к Российской Федерации ориентирована не столько на подрыв экономической мощи государства, сколько на стимулирование технологической деградации и социокультурной напряжённости в российском обществе. В этом плане сегодня технологический суверенитет не сводится к экономической стратегии развития российского общества, а выступает экзистенциальным основанием независимого развития России как государства-цивилизации.

Концептуально-политическая трактовка технологического суверенитета

В общественно-политическом дискурсе существуют различные трактовки и интерпретации технологического суверенитета, его содержательных и структурных элементов. Хотя данное понятие активно используется в рамках государственной политики с середины XX века, в то же время в разных странах по-разному трактовалась связка между технологиями и суверенитетом или влияния технологий на экономическое могущество страны (смогргунов). Более того, в современную эпоху технологических инноваций и цифровых трендов развития общественных систем технологический суверенитет в большинстве случаев стал рассматриваться уже не как элемент экономической политики государства, а как самостоятельная качественная характеристика государственно-правовой и социокультурной организации общества. Рассмотрим ряд наиболее часто встречающихся версий в трактовке технологического суверенитета.

Во-первых, технологический суверенитет в инструментальном аспекте отражает деятельность правительства, которая ориентирована на пересмотр фундаментальных оснований и приоритетов социально-экономического развития страны. Данный пересмотр, как правило, вызван изменяющейся геополитической и геоэкономической ситуацией, вынуждая национальные государства перестраивать глобальные и региональные кооперации цепочек, технологический обмен и проч. с иностранными государствами и транснациональными корпоративными структурами.

Справедливо в данном аспекте отмечается, что «прекращение деятельности западных компаний на российском рынке обусловило необходимость обеспечить эко-

номику критически важными технологиями только за счёт внутренних ресурсов. В текущих условиях добиться этого возможно только на основе достижения технологического суверенитета. Становится очевидным, что технологический суверенитет, основанный на технологических инновациях, является главным фактором экономического роста и условием национальной безопасности» [4, с. 140].

При этом качественные изменения в функционировании национальной социально-экономической системы связаны с достижением независимости от иностранных технологий и поставок, с производством собственных конкурентноспособных продуктов, технологических решений во всех сферах жизнедеятельности общества, а также создание новой логистики поставок и межгосударственных высокотехнологических альянсов.

Во-вторых, технологический суверенитет, в более широком мировоззренческом аспекте, представляет собой определённый тип общественно-политической мыследеятельности, свойственный современной эпохе цифровой трансформации общественных систем.

Данный тип технологического мышления и деятельности призван содержательно описать и структурно адаптировать социальные институты: *с одной стороны*, к кардинальным изменениям, распространяющимся во всех сферах общественной жизнедеятельности, связанных с внедрением в социальное взаимодействие инновационных технологий и разнообразных алгоритмических систем (например, систем искусственного интеллекта, технологий больших данных, блокчейн-технологий и т.п.); а *с другой* – к новому образу технологического будущего общества, к новой системе социально-экономических и общественно-политических отношений.

В этом случае речь идёт не столько об интенсивности и глубине внедрения новых технологических решений и распространения разнообразных технологических продуктов, сколько об изменении мыследеятельности общества. Другими словами, меняется сама мировоззренческая структура общества¹, т.е. происходит формирование новой социотехнической реальности (взаимодействие социокультурной и виртуальной реальности, традиционных ценностей и приоритетов технологического развития общества, где потребности технологического развития становятся *экзистенциальными* с точки зрения безопасности личности, общества и государства), трансформируются ценностно-нормативные основания социальной и профессиональной

¹ Мировоззренческая структура общества в данном контексте трактуется нами в качестве многоуровневой и масштабной системы представлений, знаний, убеждений, когнитивных и психоэмоциональных готовностей, связанных с различными форматами современного существования человека – физическая (материальная), природная, биологическая, социокультурная и социотехническая реальности, находящей своё выражение в аксиоматических положениях, ценностях, идеалах, образах, нормах и типах мыследеятельности личности и социальных групп.

деятельности, структурно перестраиваются национальные и региональные *поля стратегических действий*¹.

При этом ведущим ориентиром в разрабатываемых проектах будущего суверенного развития общества становится технологическое развитие и доминирование социотехнической реальности, что обуславливает новый характер и тип взаимодействия между различными форматами жизнедеятельности человека (физической, биологической, социокультурной, цифровой).

В-третьих, технологический суверенитет в последнее время начал рассматриваться в качестве неотъемлемой качественной характеристики цивилизационной стратегии развития российского общества в XXI веке. Так, Президент РФ В.В. Путин в своём выступлении на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума в 2022 году обозначил, что технологический суверенитет является новым фундаментальным принципом развития государства, обеспечивающий независимость и безопасность общества в XXI веке. Последний ориентирует на выстраивание абсолютно всех сфер жизнедеятельности современного общества *«на качественно новый технологический уровень и при этом быть не просто пользователями чужих решений, а иметь технологические ключи к созданию товаров и услуг следующих поколений... Технологическое развитие – это сквозное направление, которое определит не только текущее десятилетие, но и весь 21 век»* [6].

Здесь технологическое развитие страны, как отмечалось выше, связано с обеспечением экзистенциальных интересов (национальный интерес как гармонизированная система интересов личности, общества, государства) и социокультурной (цивилизационной) безопасности российского общества в период меняющегося мира и трансформации международного порядка. В этом плане инновационное технологическое развитие, создание независимой критической инфраструктуры [7], цифровой трансформации социально-экономической сферы сегодня напрямую связывается с обеспечением национальной безопасности, энергетической и продовольственной независимостью, развитием транспортной инфраструктуры и проч., а также с обеспечением информационной суверенности, поддержанием необходимого уровня разработки сложных систем ориентированного машинного обучения,

¹ Концепт «поля стратегических действий», предложенный Н. Флигстином и Д. Макадам, представляется удачным для описания сущности, динамики и направленности коллективных действий в обществе или тех или иных сообществ (местных, профессиональных и т.п.), которые направлены на формирование, изменение и воспроизводство определённых пространств (географических и профессиональных, реальных и виртуальных), их взаимодействия с другими социальными полями. Они представляют «собой сконструированный социальный порядок мезоуровня, к которому акторы (индивиды или коллективы) привязаны и в котором они взаимодействуют друг с другом на основе разделяемых (но не консенсуальных) пониманий о предназначении данного поля, отношениях к другим акторам в данном поле, о правилах, регулирующих легитимные действия в поле» [5, с. 49].

сложных алгоритмических решений в публичной и частной жизнедеятельности общества [8; 9].

В этом плане можно констатировать, что технологический суверенитет уже не рассматривается как элемент инновационной экономической политики государства, а становится комплексным феноменом, отражающим ценностно-нормативно ориентированную деятельность государства и общества во всех сферах жизнедеятельности общества. Справедливо в этом плане отмечается, что «экономическая прагматика импортозамещения смещается в сторону экзистенциально цивилизационной стратегии, при которой технологический суверенитет рассматривается не только с позиции технологической независимости или поддержания технологического баланса между внутренними и внешними факторами, но с точки зрения базовых ценностей общества» [10, с. 9].

В-четвёртых, технологический суверенитет связан с обеспечением независимости информационно-коммуникативной инфраструктуры, а развитие цифрового пространства приведено в соответствие с интересами и потребностями страны [11]. В данной интерпретации технологический суверенитет содержательно совпадает с суверенной юрисдикцией государства в цифровом пространстве коммуникаций, суверенитетом данных или информационным суверенитетом.

Глобальная цифровая среда здесь рассматривается в качестве сложного и неоднородного сетевого взаимодействия, состоящего из специфических цифровых пространств, находящихся под юрисдикцией суверенных государств. Последнее существенно расширяет и целый спектр традиционных политико-правовых категорий и легальных дефиниций, используемых в национальном законодательстве и международном праве. Существенно усложнятся и качественные характеристики суверенности государства, особенно в аспекте обеспечения кибербезопасности, технологической и операционной/программной независимости.

В этом аспекте государство должно уметь располагать соответствующими технологиями, которые являются критически значимыми для обеспечения безопасности данных граждан и их организаций, «для обеспечения благосостояния и конкурентоспособности, а также возможность самостоятельно разрабатывать их или получать от экономик других стран без односторонней структурной зависимости» [12, с. 15].

В свою очередь, адекватной моделью технологического суверенитета является конвергационная модель, сочетающая традиционные социокультурные основания общества и инновационные формы развития общественно-политической организации и публично-властной коммуникации в системе «личность – общество – государство».

При проектировании доктринальных и нормотворческих предложений исследовательский коллектив будет исходить из того, что суверенные качества связаны с возможностью государства совместно с различными национальными корпорациями,

инновационными центрами и т.д. формировать и защищать технологическую и энергетическую инфраструктуру страны, региона или местного сообщества, стимулировать создание, внедрение и эксплуатацию национальных цифровых сервисов и продуктов, принимать и реализовывать программы развития электронных компетенций и цифровой культуры общества.

Кроме того, в контексте обеспечения суверенности цифрового пространства, сохранения и воспроизводства социокультурной целостности важным является понимание, что развитие цифровых институтов, несмотря на их алгоритмическую природу, должно реализовываться с учётом национальных, этнополитических, духовных и иной специфики российского пространства.

В этом плане следует скептически относиться к различным формам этической саморегуляции и практик добровольной социальной ответственности технокорпоративных структур и IT-корпораций, поскольку, как показывает практика, последние используют их в качестве технологий легитимации своего функционирования, социального оправдания результатов своей деятельности. Поэтому формирование национальных технологических комплексов, продуктов, сетей и проч. должны контролироваться и регулироваться в рамках суверенной юрисдикции государства, поскольку последнее обеспечивает защиту национально-культурной специфики общества и адекватность развития сквозных цифровых технологий уникальным траекториям развития тех или иных мировоззренческих систем.

Технологический суверенитет, с нашей точки зрения, это комплексный феномен, характеризующий технологическую независимость и уровень технологической самостоятельности современной государственно-правовой организации общества. Содержательно технологический суверенитет включает ряд смысловых структурных элементов (оснований): 1) независимая материальная, технологическая и энергетическая основа; 2) развитая критическая инфраструктура, конкурентные национальные технологические продукты и актуальные технологические компетенции; 3) национальная система адаптации и гармонизации национально-культурных закономерностей развития общества с технологическими изменениями и траекториями развития цифрового пространства; 4) доктринально и нормативно закреплённые векторы и правовые режимы технологической трансформации общества и отдельных отраслей народного хозяйства; 5) легитимный образ технологического будущего общества.

Парадокс технологического суверенитета и символическая политика

Т.Р. Гареев отмечает, что существует определённый парадокс технологического суверенитета, который заключается в том, что технологический суверенитет возможен только как продукт свободных экономических отношений, но появление техно-

логического суверенитета приводит к логическому завершению подобных отношений [13]. С экономической и технологической точки зрения суть этого парадокса заключается в том, что возможность достижения автономности от межгосударственных технологических платформ или государств, уже обладающих технологическим суверенитетом, заключается в достижении такого уровня технологического и экономического развития, который делает возможной самостоятельную разработку критических технологий.

В свою очередь, достижение этого уровня оказывается возможным только в случае сотрудничества с теми технологическими акторами, которые уже обладают соответствующим уровнем развития. Возникает потребность в сотрудничестве, которое, однако, рано или поздно должно привести к добровольному отказу от этого сотрудничества. И если на нормативном уровне этот процесс выглядит как своевременный отказ от продолжения сотрудничества, то на ценностном уровне он нуждается, как минимум, в соответствующей публичной репрезентации, формируемой не *post factum*, а заранее, причём в соответствии с определёнными цивилизационными ориентирами развития общества.

Проблема российского перехода к технологическому суверенитету в данном случае заключается в его догоняющем и вынужденном характере, когда режим технологических и экономических санкций сделал насущной потребностью сначала режим импортозамещения, а затем и постулирование необходимости технологического суверенитета, что выступило резким диссонансом по сравнению с повседневными практиками и символическими ориентирами российского общества.

Л.В. Сморгунов выделяет несколько стратегий обоснования необходимости технологического суверенитета, из которых, с политологической точки зрения, стоит обратить внимание на цивилизационную стратегию, которая соотносит необходимость достижения данной формы суверенитета с реализацией уникальных цивилизационных ценностей, прекращением технологического колониализма, использованием дискурса идентичности [10]. Показательным является тот факт, что цивилизационная стратегия используется, как правило, представителями органов государственной власти, в то время как другие участники коалиции (крупный бизнес) предпочитают апеллировать не к цивилизационным, а к экономическим и технологическим стратегиям обоснования, апеллирующим к непосредственным преимуществам технологического суверенитета для населения.

Из этого различия логически вытекает, что обоснование технологического суверенитета в настоящее время сосредотачивается не на стратегических целях, а на кратковременных средствах их достижения, что препятствует превращению политики технологического суверенитета в полноценную характеристику политического образа российского будущего. Апелляция к тактической выгоде от внедрения технологического суверенитета отодвигает на задний план потребность в выстраивании

символического дизайна технологического суверенитета, сделавшего бы данную ценность приоритетной для современного российского общества.

Существенным элементом обеспечения технологического суверенитета, таким образом, является его символическая репрезентация, обеспечивающая, наряду с наличием соответствующих технологий, уверенность граждан в поддержании собственной цивилизационной идентичности. В этом смысле достижение технологического суверенитета может рассматриваться как общая цель представителей естественнонаучных и гуманитарных специальностей, отвечающих за различные аспекты обеспечения функционирования технологического базиса в условиях независимой цивилизационной государственности. Вместе с тем такая постановка вопроса заставляет обратиться к анализу конкретных символических практик, которые будут ориентированы на формирование представлений о технологическом суверенитете как одной из ценностных констант современного российского общества.

Под символической политикой в данном случае понимается особый вид политической коммуникации, посредством которого происходит создание визуальных или вербальных образов, определяющих отношение граждан к политической системе [14].

В рамках изучения символической политики важный вопрос касается её соотношения с реальной политикой, то есть насколько формируемые символы должны соотноситься с реально существующими целями и векторами развития властных структур. Достаточно распространённой является точка зрения, согласно которой символическая политика слабо соотносится с реальными политическими интересами, представляя собой, скорее, вариант публичной риторики, направленной на легитимизацию политических целей и интересов для различных групп граждан.

Однако такая трактовка, как представляется, не учитывает сильное эмоциональное воздействие, обеспечиваемое символической политикой, которое само по себе становится важным фактором политической динамики, заставляя в том числе и реальную политику приспосабливаться под уже артикулированные символические паттерны.

О.Ю. Малинова понимает «под символической политикой деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определённых способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих. Рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью, а скорее, специфическим аспектом “реальной” политики» [15, с. 91].

Данное уточнение оказывается необходимо в контексте изучения механизмов формирования технологического суверенитета, поскольку ставит вопрос не просто о важности формирования публичного образа отечественных технологий и научных школ, но и о соответствии формируемых образов ожиданиям самих граждан. Иначе говоря, символическая политика не является односторонним процессом, в ходе кото-

рого происходит пассивное восприятие со стороны населения сформированных государством значимых образов и символов. Имеет место взаимный процесс формирования символической повестки и её интерпретации в соответствии с теми ценностными ориентирами, которые уже присутствуют у различных групп населения, прежде всего, у молодёжи.

Неотъемлемым элементом символической политики является политика памяти, под которой понимается целенаправленное использование определённых образов прошлого для легитимации современного политического порядка и определения векторов его развития. Особенностью реализации политики памяти становится формирование определённых коммеморативных практик, которые позволяют «опривычивать» ценностные установки, делать их элементом повседневной реальности, существенно усиливая их перформативный характер [16, с. 105]. В связи с этим актуальным становится вопрос различения технологического прогресса и технологического суверенитета в качестве ценностей для российской молодёжи [17].

Как показывают данные социологических опросов, в российском обществе присутствует не только большой интерес к технологическим инновациям, но и безусловное одобрение технологического прогресса, особенно в молодёжной среде. Опрос ВЦИОМ в июне 2023 года свидетельствует: «Исследование установило, что опрошенные россияне доверяют технологиям будущего (77%), доля не доверяющих – 18%.

Максимальное доверие выражает молодёжь 18–24 лет – 84%, тогда как с возрастом к таким технологиям относятся всё с большей настороженностью (в группе 18–24 лет не доверяют технологиям будущего 12%, 25–34 лет – 14%, 35–44 лет – 20%, 45–55 лет – 21%). Но, несмотря на то что часть опрошенных относится к технологиям будущего с недоверием, абсолютное большинство (94%) считают важным развивать их для человечества в целом: 60% выбрали вариант “однозначно важно”, ещё 34% – “скорее важно» [18].

Из этого следует, что для молодёжи ценность технологического развития является одной из основополагающих ценностей, поэтому стремление противопоставить ей технологический суверенитет является малореальной задачей, которая способна лишь усугубить поколенческие разрывы в российском обществе. Более оптимальной представляется задача конвергенции этих двух ценностных установок, при которой технологический суверенитет будет рассматриваться как средство, позволяющее достичь технологического прогресса на более справедливых и правильных условиях.

Заключение

В рамках современной технологической политики государства устойчивым трендом становится ориентация на суверенность критической инфраструктуры, разработку и внедрение инновационных национальных технологий в жизнедеятельность общества. Последнее рассматривается не только в качестве драйвера социально-эко-

номического развития и ключевого фактора общественно-политической динамики, но и как экзистенциальной основы системы национальной безопасности.

Сегодня технологический суверенитет рассматривается в нескольких взаимосвязанных аспектах: с одной стороны, это деятельность правительства, ориентированная на пересмотр фундаментальных оснований и приоритетов социально-экономического развития страны; с другой – это определённый тип общественно-политической мыследеятельности и качественная характеристика цивилизационной стратегии развития российского общества в эпоху цифровой трансформации социальных систем.

Следовательно, технологический суверенитет – это комплексный феномен, характеризующий технологическую независимость и уровень технологической самостоятельности современной государственно-правовой организации общества. Он включает пять основных смысловых блоков (структурных подсистем): 1) материальную, технологическую и энергетическую независимость страны; 2) развитую критическую инфраструктуру и национальные технологические продукты, а также технологические компетенции и инновации; 3) доктринальную систему адаптации и гармонизации национально-культурных закономерностей развития общества к технологическим изменениям; 4) нормативно закреплённые цивилизационные векторы и правовые режимы технологической трансформации общества и отдельных отраслей народного хозяйства; 5) легитимный образ технологического будущего государства и общества.

В свою очередь, методологическим принципом символического обоснования технологического суверенитета является формирование представления о том, что последний не является противоположностью технологическому прогрессу. Инструментарием реализации данного принципа является создание и активное внедрение в образовательную среду образов самостоятельно разработанных технологий и их авторов, что позволит вписать ценность технологического суверенитета в систему базовых ценностей современной российской молодёжи.

Список источников

1. Володенков С.В., Артамонова Ю.Д., Федорченко С.Н. Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. № 3. С. 230–253.
2. Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 96–113. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.08>.
3. Камчатова Е.Ю., Муратова М.Н. Возможности применения ресурсного подхода при обеспечении технологического суверенитета промышленности РФ // Инновации и инвестиции. 2023. № 2. С. 196–201.

4. Горячева Т.В., Мызрова О.А. Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, № 2. С. 134–145.

5. Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. 464 с.

6. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 05.12.2023).

7. Дежина И. Г., Пономарев А. К. Подходы к обеспечению технологической самостоятельности России // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 3. С. 54–68.

8. Указ Президента РФ от 14 апреля 2022 г. № 203 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Справочная правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/404483518> (дата обращения: 05.12.2023).

9. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам...» // Справочная правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406641957/>

10. Сморгунов Л. В. Доказательная политика технологического суверенитета и ее дизайн // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. № 3. С. 6–19.

11. Garrido M. V. All your Internet are belong to us: on nation states' claims of sovereignty over ICT architecture and contents.

URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5fa2e9e7-656f800f-4a43487b-74722d776562/https/bfogg.org/blog/2016-04-all-your-internet-are-belong-to-us-on-nation-states-claims-of-sovereignty-over-ict-architecture-and-contents/ (дата обращения: 05.12.2023).

12. Константинов И.Б., Константинова Е.П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22. № 5. С. 12–22.

13. Гареев Т.Р. Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации // *Terra Economicus*. 2023. № 21(4). Р. 38–54.
14. Поцелуев С.П. «Символическая политика»: К истории концепта // *Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.- информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. М., 2012. С. 17–53.
15. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис*. 2010. № 2. С. 90–105.
16. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития*. 2017. № 4. С. 3–20.
17. Аникин Д.А. Научно-технологические инновации как предмет исторической политики: основные теоретические модели // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. Вып. 11.
18. Технологии будущего. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego> (дата обращения: 05.12.2023).

References

1. Volodenkov S.V., Artamonova Yu.D., Fedorchenko S.N. Sociotexnicheskaya real'nost' cifrovogo prostranstva sovremennoj politiki: struktura i osobennosti [Sociotechnical reality of the digital space of modern politics: structure and features]. *Politicheskaya e`kspertiza: POLITE`KS*, 2022, no. 3, pp. 230–253. (In Russ.).
2. Kochetkov A.P., Mamy`chev A.Yu. Gosudarstvennaya politika Rossii v cifrovuyu e`poxu: osnovny`e trendy`, scenarii i regulatoryny`e praktiki [State policy of Russia in the digital age: main trends, scenarios and regulatory practices]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2023, no. 1, pp. 96–113. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.08>. (In Russ.).
3. Kamchatova E.Yu., Muratova M.N. Vozmozhnosti primeneniya resursnogo podxoda pri obespechenii texnologicheskogo suvereniteta promy`shlennosti RF [Possibilities of applying the resource-based approach in ensuring the technological sovereignty of the Russian industry]. *Innovacii i investicii*, 2023, no. 2, pp. 196–201. (In Russ.).
4. Goryacheva T.V., My`zrova O.A. Rol' i mesto texnologicheskogo suvereniteta v obespechenii ustojchivosti e`konomiki Rossii [The role and place of technological sovereignty in ensuring the stability of the Russian economy]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: E`konomika. Upravlenie. Pravo*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 134–145. (In Russ.).
5. Fligstin N., Makadam D. Teoriya polej [Field theory]. М.: Izd. dom VShE`, 2022. 464 p. (In Russ.).
6. Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo e`konomicheskogo foruma [Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum]. *Prezident Rossii*.

[E`lektronny`j resurs]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (accessed: 05.12.2023). (In Russ.).

7. Dezhina I. G. Ponomarev A. K. Podxody` k obespecheniyu texnologicheskoy samostoyatel`nosti Rossii [Approaches to ensuring the technological independence of Russia]. *Upravlenie naukoy: teoriya i praktika*, 2022, vol. 4, no. 3, pp. 54–68. (In Russ.).

8. Ukaz Prezidenta RF ot 14 aprelya 2022 g. № 203 «O Mezhhvedomstvennoj komissii Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii po voprosam obespecheniya texnologicheskogo suvereniteta gosudarstva v sfere razvitiya kriticheskoy informacionnoj infrastruktury` Rossijskoj Federacii» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Decree of the President of the Russian Federation of April 14, 2022 No. 203 “On the Interdepartmental Commission of the Security Council of the Russian Federation on ensuring the technological sovereignty of the state in the sphere of development of the critical information infrastructure of the Russian Federation” (with amendments and additions)]. *Spravochnaya pravovaya sistema «Garant»*. URL: <https://base.garant.ru/404483518/> (accessed: 05.12.2023). (In Russ.).

9. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 15 aprelya 2023 g. № 603 «Ob utverzhdenii prioritny`x napravlenij proektov texnologicheskogo suvereniteta i proektov strukturnoj adaptacii e`konomiki Rossijskoj Federacii i Polozheniya ob usloviyax otneseniya proektov k proektam texnologicheskogo suvereniteta i proektam strukturnoj adaptacii e`konomiki Rossijskoj Federacii, o predstavlenii svedenij o proektax texnologicheskogo suvereniteta i proektax strukturnoj adaptacii e`konomiki Rossijskoj Federacii i vedenii reestra ukazanny`x proektov, a takzhe o trebovaniyax k organizaciyam, upolnomochenny`m predstavlyat` zaklyucheniya o sootvetstvii proektov trebovaniyam k proektam texnologicheskogo suvereniteta i proektam ...» [Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2023 No. 603 "On approval of priority areas of technological sovereignty projects and projects of structural adaptation of the economy of the Russian Federation and the Regulation on the conditions for classifying projects as technological sovereignty projects and projects of structural adaptation of the economy of the Russian Federation, on the submission of information on technological sovereignty projects and projects of structural adaptation of the economy of the Russian Federation and maintaining a register of these projects, as well as on the requirements for organizations authorized to submit conclusions on the compliance of projects with the requirements for technological sovereignty projects and projects ..."]. *Spravochnaya pravovaya sistema «Garant»*. [E`lektronny`j resurs].

URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406641957> (In Russ.).

10. Smorgunov L.V. Dokazatel`naya politika texnologicheskogo suvereniteta i ee dizajn [Evidence-based policy of technological sovereignty and its design]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social`ny`x nauk*, 2022, no. 3, pp. 6–19. (In Russ.).

11. Garrido M.V. All your Internet are belong to us: on nation states' claims of sovereignty over ICT architecture and contents. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5fa2e9e7-656f800f-4a43487b-74722d776562/https/bfोगp.org/blog/2016-04-all-your-internet-are-belong-to-us-on-nation-states-claims-of-sovereignty-over-ict-architecture-and-contents/ (accessed: 05.12.2023).
12. Konstantinov I.B., Konstantinova E.P. *Technologicheskij suverenitet kak strategiya budushhego razvitiya rossijskoj e`konomiki* [Technological sovereignty as a strategy for the future development of the Russian economy]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 12–22. (In Russ.).
13. Gareev T.R. *Technologicheskij suverenitet: ot konceptual`ny`x protivorechij k prakticheskoy realizacii* [Technological sovereignty: from conceptual contradictions to practical implementation]. *Terra Economicus*, 2023, no. 21(4), pp. 38–54. (In Russ.).
14. Poceluev S.P. «Simvolicheskaya politika»: K istorii koncepta [“Symbolic politics”: Towards the history of the concept]. *Simvolicheskaya politika: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr social. nauch.- inform. issled. Otd. polit. nauki; Otv. red.: Malinova O.Yu. Vy`p. 1: Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastny`j resurs. M., 2012. P. 17–53.* (In Russ.).
15. Malinova O.Yu. *Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoj Rossii* [Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia]. *Polis*, 2010, no 2, pp. 90–105. (In Russ.).
16. Malinova O.Yu. *Kommemoraciya istoricheskix soby`tij kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel`nogo analiza* [Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: possibilities of comparative analysis]. *Politiya*, 2017, no. 4, pp. 3–20. (In Russ.).
17. Anikin D.A. *Nauchno-technologicheskie innovacii kak predmet istoricheskoy politiki: osnovny`e teoreticheskie modeli* [Scientific and technological innovations as a subject of historical policy: main theoretical models]. *E`lektronny`j nauchno-obrazovatel`ny`j zhurnal «Istoriya»*, 2023, vol. 14, no. 11. (In Russ.).
18. *Technologii budushhego* [Technologies of the future]. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego> (accessed: 05.12.2023). (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Д.А. Аникин – кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией исторической памяти факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); научный сотрудник лаборатории социально-экономических и политико-правовых исследований, Владивостокский государственный университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ dandee@list.ru

D.A. Anikin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Historical Memory of the Faculty of Political Science, Moscow State University (Moscow, Russian Federation); Researcher at the Laboratory of Socio-Economic and Political-Legal Studies, Vladivostok State University (Vladivostok, Russian Federation).

А.Ю. Мамычев – доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры российской политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); заведующий лабораторией социально-экономических и политико-правовых исследований, Владивостокский государственный университет (Владивосток, Российская Федерация),

✉ mamychhev@yandex.ru

A.Yu. Mamychev – Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University (Moscow, Russian Federation); Head of the Laboratory of Socio-Economic and Political-Legal Research, Vladivostok State University (Vladivostok, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 28.07.2025;
одобрена после рецензирования / revised 07.08.2025;
принята к публикации / accepted 14.09.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 89–102.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 89–102.

Научная статья

УДК 327.83

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/89-102>

Новые векторы международного имиджа России

Мария Игоревна Ведерникова

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ maria.vedernikowa@yandex.ru

Аннотация. Улучшение имиджа государства – это сложный и долгий процесс, требующий последовательности и привлечения значительных ресурсов, а также постоянного мониторинга текущей ситуации. Поэтому вектор продвижения международного имиджа России может трансформироваться в зависимости от актуального состояния международных отношений. Международный дискуссионный клуб «Валдай» является одной из немногих площадок, на которой не только обсуждают актуальные проблемы в сфере политики, экономики, общественной жизни, но и формируют стратегию развития на несколько лет вперёд. Именно поэтому представляется актуальным проанализировать основные месседжи и смыслы, которые Россия будет в ближайшей перспективе активно транслировать на внешние аудитории. В данном исследовании были проанализированы выступления В.В. Путина на заседаниях Международного дискуссионного клуба «Валдай» в период с 2013 по 2024 год. Объектом исследования выступают новые векторы международного имиджа России, а предметом – направления векторов международного имиджа России. Гипотеза исследования состоит в том, что направления векторов международного имиджа России значительно изменялись после значимых исторических событий: присоединения Крыма к России и начала СВО на Украине. Методология исследования: при помощи программного обеспечения AntConc (v. 4.2.4) тексты выступлений В.В. Путина на заседаниях Международного дискуссионного клуба «Валдай» были автоматически обработаны согласно алгоритмам программы. Научная новизна заключается в исследовании смены векторов продвижения международного имиджа России. Можно сделать вывод, что векторы продвижения имиджа России, направленного на внешнюю аудиторию, сместились и стали более разноплановыми. Ориентиры во внешней политике, обозначенные на заседаниях Международного дискуссионного клуба «Вал-

дай», будут основой для работы органов власти, отвечающих за формирование и продвижение имиджа России на внешнюю аудиторию.

Ключевые слова: имидж, имидж страны, вектор имиджа, вектор, PR, Россия, восприятие, продвижение, «Валдай», Владимир Путин

Для цитирования: Ведерникова М.И. Новые векторы международного имиджа России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 2. С. 89–102.

Original article

New vectors of Russia's international image

Maria I. Vedernikova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ maria.vedernikowa@yandex.ru

Abstract. Improving the image of a state is a complex and lengthy process that requires consistency and the involvement of significant resources, as well as constant monitoring of the current situation. Therefore, the vector of promoting Russia's international image can be transformed depending on the current state of international relations. The Valdai International Discussion Club is one of the few platforms where not only the current issues in politics, economics, and public life are discussed, but also a development strategy for several years to come is formed. That is why it seems relevant to analyze the main messages and meanings that Russia will actively broadcast to external audiences in the near future. This study analyzes V.V. Putin's speeches at the Valdai International Discussion Club from 2013 to 2024. The object of the study is the new vectors of Russia's international image, and the subject is the directions of the vectors of Russia's international image. The hypothesis of the study is that the directions of the vectors of Russia's international image have changed significantly after significant historical events: the accession of Crimea to Russia and the beginning of the special military operation in Ukraine. Research methodology: using the AntConc software (v. 4.2.4), the texts of V.V. Putin's speeches at the International Discussion Club were automatically processed according to the program algorithms. The scientific novelty lies in the study of the change in the vectors of promoting Russia's international image. It can be concluded that the vectors of promoting Russia's image aimed at an external audience have shifted and become more diverse. The foreign policy guidelines outlined at the Valdai International Discussion Club will be the basis for the work of government bodies responsible for forming and promoting Russia's image to an external audience.

Keywords: image, country image, image vector, vector, PR, Russia, perception, promotion, Valdai, Vladimir Putin

For citation: Vedernikova M.I. New vectors of Russia's international image. PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 89–102. (In Russ.).

Введение

Международный дискуссионный клуб «Валдай» является одной из немногих площадок, на которой не только обсуждают актуальные проблемы в сфере политики, экономики, общественной жизни, но и формируют стратегию развития на несколько лет вперед [1]. Также Международный дискуссионный клуб «Валдай» – это та площадка, которая позитивно влияет на имидж России [2]. Каждое выступление президента РФ В.В. Путина становится знаковым событием, поскольку в нём явно прослеживаются стратегические направления внутренней и внешней российской политики на ближайшие годы, а возможно, и десятилетия.

История Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Международный дискуссионный клуб «Валдай» был создан в 2004 году. Своим названием клуб обязан месту проведения первой конференции, которая состоялась в Великом Новгороде, недалеко от озера Валдай.

В.В. Путин активно принимал участие в деятельности клуба с момента его основания:

- 2004 год – во время проведения первой встречи клуба «Валдай» президент принял зарубежных гостей в подмосковной резиденции Ново-Огарёво;
- 2005 год – В.В. Путин принял участие в следующей встрече клуба «Валдай» и отвечал на вопросы от зарубежных журналистов и политологов около трёх часов;
- 2006 год – заседание клуба «Валдай» завершилось встречей иностранных экспертов, журналистов и представителей бизнеса с В.В. Путиным в резиденции Ново-Огарёво;
- 2007 год – заседание клуба «Валдай» в 2007 году завершила ставшая традицией встреча иностранных участников с В.В. Путиным, которая прошла в Сочи;
- 2008 год – заседание клуба «Валдай» прошло на высшем уровне и завершилось встречей с В.В. Путиным и Д.А. Медведевым;
- 2009 год – на форуме прошли встречи с В.В. Путиным и Д.А. Медведевым;
- 2010 год – В.В. Путин встретился с участниками Международного дискуссионного клуба «Валдай» и ответил на вопросы экспертов и журналистов;
- 2011 год – В.В. Путин провёл встречу с участниками Международного дискуссионного клуба «Валдай»;
- 2012 год – В.В. Путин принял участие во встрече с участниками клуба «Валдай» и прокомментировал возможность установки безвизового режима с ЕС.

Только в 2013 году состоялось традиционное выступление В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». Поэтому в данном исследовании

довании анализируются все выступления с 2013 по 2024 год, но при этом автором были рассмотрены тематики, выступления и материалы по всем заседаниям клуба «Валдай» с 2004 года (см. табл. 1).

Таблица 1

Темы заседаний Международного дискуссионного клуба «Валдай»
Topics of the meetings of the Valdai International Discussion Club

Год	Тема
2004	Россия на рубеже веков: надежды и реалии
2005	Россия – политический калейдоскоп
2006	Глобальная энергетика XXI века: роль и место России
2007	Россия на перекрёстке: выбор пути и поиск идентичности
2008	Мировая геополитическая революция начала XXI века: роль России
2009	Россия – Запад: назад в будущее
2010	Россия: история и перспективы развития
2011	Выборы 2011–2012 и будущее России. Сценарии развития на 5–8 лет
2012	Будущее создаётся сегодня: сценарии экономического развития России
2013	Многообразие России для современного мира
2014	Мировой порядок: новые правила или игра без правил?
2015	Война и мир: человек, государство и угроза большого конфликта в XXI веке
2016	Будущее начинается сегодня: контуры завтрашнего мира
2017	Созидательное разрушение: возникнет ли из конфликтов новый мировой порядок?
2018	Россия: программа на XXI век
2019	Заря Востока и мировое политическое устройство
2020	Уроки пандемии и новая повестка: как превратить мировой кризис в возможность для мира
2021	Глобальная встряска – XXI: человек, ценности, государство
2022	Мир после гегемонии: справедливость и безопасность для всех
2023	Россия и Центральная Азия: сопряжение с меняющимся миром
2024	Прочный мир – на какой основе? Всеобщая безопасность и равные возможности для развития в XXI веке

Описание исследования

В качестве метода исследования был использован количественный контент-анализ. Данный метод позволяет проанализировать дискурс автора с помощью количественных данных [3]. Также применялся сравнительный анализ.

При поддержке программного обеспечения AntConc (v. 4.2.4) каждый текст выступления был автоматически обработан согласно алгоритмам программы. На первом этапе исследования текста на основании анализа семантического поля были выявлены ключевые слова, а на втором этапе – проанализирован дискурс о выбранных ключевых словах.

При проведении контент-анализа текстов выступлений было выделено 5 основных категорий: «Культура и традиции», «Экономика», «Политика», «География», «Угроза». Из выступлений В.В. Путина на заседаниях Международного дискуссионного клуба «Валдай» к каждой категории были выбраны ключевые слова, которые наиболее полно раскрывают саму категорию и выступают маркерами смены вектора развития имиджа страны (см. табл. 2).

Таблица 2

Категории и ключевые слова
Categories and keywords

Категория	Ключевые слова
Культура и традиции	<i>Культура, исторический опыт</i> (именно эти понятия позволяют получить представление о том, насколько культурная составляющая и отсылка к историческому опыту важны для транслируемого имиджа)
Экономика	<i>Экономика</i> (для анализа транслируемого на международную аудиторию имиджа России представляется целесообразным рассмотреть только данное ключевое слово, не рассматривая другие экономические понятия)
Политика	<i>Политика, демократия, государство, суверенитет, международный</i> (к этой категории относится как внешняя, так и внутренняя политика России)
География	<i>Цивилизация, Россия, страна, колонии, государство, США (Америка), Азия, Европа, Индия, Китай (КНР, Китайская Народная Республика), Африка</i>
Угроза	<i>Враг, сила, угроза, НАТО</i>

Ключевые слова анализируются во всех словоформах: как в единственном числе, так и во множественном, а также в разных падежах. Помимо этого, рассматриваются однокоренные слова других частей речи (например, при анализе частоты упоминания ключевого слова экономика также рассматривается слово экономический).

Исследуемый временной период можно разделить на три интервала:

– 2013 год – Россия готовится к Олимпиаде-2014, год перед присоединением Крыма;

– 2014–2021 годы – конфронтация с Западом из-за присоединения Крыма к России, начало вооружённого конфликта на востоке Украины;

– 2022–2024 годы – вхождение в состав России новых территорий (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области), начало СВО, ужесточение санкций и усиление противостояния с Западом.

В исследовании рассматривается изменение вектора имиджа России на каждом из этих этапов.

Транслируемый международный имидж России: основные характеристики

Важно понимать, что многие транслируемые национальным лидером смыслы и месседжи являются не только основой внешней политики России, но и ключевыми «кирпичиками фундамента», на котором строится международный имидж России [4]. Также выступления В.В. Путина на заседаниях Международного дискуссионного клуба «Валдай» являются важным элементом внешней информационной политики России, направленной в т.ч. и на построение «правдивого международного имиджа нашей страны» [5]. Прошедшие заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» в полной мере подтверждают данное утверждение.

В связи с этим представляется актуальным проанализировать основные месседжи и смыслы, которые Россия транслирует на внешнюю аудиторию с 2013 года и будет в ближайшей перспективе продолжать активно транслировать.

Так, можно заметить, что в выступлении В.В. Путина на фруме Международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2013 году преобладают такие слова, как *Россия, страна, государство, политика и культура*. Соответственно, можно сделать вывод, что на международную аудиторию транслировался имидж России как страны, у которой в приоритете политические и культурные сферы, без признаков превосходства страны в военной сфере. Сама речь носит позитивно-нейтральный характер, который полностью соответствует заявленной тематике «Многообразие России для современного мира».

Следующий период, 2014–2021 гг., был самым продолжительным. Выступление В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай»–2014 было встречено с особым вниманием, поскольку в 2014 году произошло присоединение Крыма к России и обострение ситуации на Украине. Учитывая негативную реакцию западных стран на эти события, в выступлении было уделено много внимания гегемонии США и истории противостояния с Россией. Также было обозначено, что активная политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе началась не в связи с санкциями и не в 2014 году, а продолжалась на протяжении нескольких лет.

2015 год – выступление В.В. Путина посвящено вопросам войны и мира, а также конфликту в Сирии.

2016 год – выступление В.В. Путина началось со слов, что за прошедший с предыдущего форума год международная ситуация не изменилась в лучшую сторону.

2017 год – выступление В.В. Путина было посвящено прогнозированию будущего развития России и всего мира.

2018 год – не было выступления В.В. Путина на заседании клуба в привычном формате. Президент принял участие в дискуссии, однако сравнивать цитаты из дискуссии с полноценным выступлением некорректно, поэтому за этот год не проводился анализ текста.

2019 год – выступление В.В. Путина было посвящено расширению сотрудничества России с азиатскими и восточными странами.

2020 год – выступление В.В. Путина касалось глобальных вопросов устройства современного миропорядка и невозможности игнорирования устоявшихся норм международных отношений некоторыми странами по своему усмотрению.

2021 год – выступление В.В. Путина затрагивало тему перманентного изменения миропорядка.

В период 2014–2021 гг. интересно отслеживать изменение частотности использования слова *сила*: можно сказать, что частота его употребления является маркером напряжённости в международных отношениях. Когда внешнеполитическая ситуация была особенно напряжённой, слово *сила* использовалось значительно чаще, чем в более спокойные периоды. В 2014 году произошло два значительных события: присоединение Крыма к России и начало вооружённого конфликта на востоке Украины. Частотность использования слова *сила* значительно увеличилась в этом году: с 8 упоминаний в 2013 году до 15 – в 2014 году.

В следующем периоде, с 2022 по 2024 гг., также заметен значительный рост упоминания слова *сила*: с 5 – в 2022 году до 21 – в 2024. Также интересным является тот факт, что в 2021 году слово *сила* было употреблено 20 раз. Соответственно, можно сделать вывод, что на внешнюю аудиторию заранее начал транслироваться имидж России с упором на эту характеристику.

Также интересен рост упоминаемости слова *культура*: с 7 – в 2021 году до 19 – в 2022. Это говорит о том, что категория «Культура и традиции» резко стала более актуальной, что также представляется логичным в сложившейся политической ситуации.

Выступление В.В. Путина на форуме Международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2022 году в значительной степени было посвящено обострению международной обстановки и «повышению градуса» противостояния России и Запада.

Основываясь на анализе выступления В.В. Путина на форуме Международного дискуссионного клуба «Валдай»–2023, можно выдвинуть гипотезу, что векторы продвижения имиджа России, направленного на внешнюю аудиторию, сместились и стали более разноплановыми.

Если до 2022 года основной упор был сделан на создание позитивного имиджа России в европейских странах и в США, то в последнее время акцент смещается на продвижение имиджа России в большем количестве регионов, не менее приоритетными становятся другие регионы.

Проведённый анализ семантических полей выступления В.В. Путина заседании на Международного дискуссионного клуба «Валдай»–2023 показывает, что *Европа* упоминается не чаще, чем *Индия*. Кроме того, в 2 раза чаще *Европы* упоминаются бывшие европейские колонии. Это огромные территории, на которых размещается множество разных государств и проживает большое количество народов, что открывает новые возможности для формирования имиджа России.

Слово *Африка* в своих выступлениях В.В. Путин не произносит, но делать на основе этого вывод о том, что африканский континент не является значимым для продвижения позитивного имиджа России, не стоит. Президент РФ упоминает колонии Запада, к которым относились и африканские страны.

Для наглядности была составлена таблица с частотой использования выбранных ключевых слов (см. табл. 3).

Таблица 3

**Частота употребления выбранных слов с 2013 по 2024 гг.
(в 2018 году не было выступления)**

Frequency of use of selected words from 2013 to 2024 (there was no speech in 2018)

Частота употребления ключевых слов по годам	2013	2014	2015	2016	2017	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Культура	15	7	3	3	6	6	8	7	19	8	12
Исторический опыт	1	0	0	0	0	0	3	1	1	3	1
Экономика	1	13	3	7	2	2	1	0	7	2	16
Политика	17	15	3	2	8	2	5	7	9	15	34
Демократия	0	6	1	2	6	3	1	1	7	1	7
Суверенитет	3	5	0	3	1	4	3	1	2	4	4
Международный	3	16	13	10	15	11	8	10	9	8	21
Цивилизация	4	1	2	1	2	2	0	0	15	22	9
Страна	29	23	13	17	13	18	22	26	27	9	40
Государство	20	21	11	7	16	21	18	20	10	5	10
Колония	2	0	0	0	0	0	6	0	4	6	7
Россия	37	14	12	16	25	23	11	12	20	11	26
США (Америка)	1	9	10	8	20	2	3	1	9	3	3
Азия	1	4	0	0	1	19	3	0	3	3	3
Европа	5	6	4	5	7	2	2	3	7	2	6
Индия	0	0	0	0	0	5	2	0	0	2	0
Китай (КНР, Китайская Народная Республика)	1	1	1	0	0	5	1	4	0	1	0
Африка	0	0	1	1	1	2	0	0	2	0	1
Угроза	0	4	8	8	1	3	2	16	4	2	7
Враг	0	3	3	1	0	0	6	0	5	6	2
Сила	8	15	13	4	9	3	4	20	5	3	21
НАТО	0	0	0	3	1	0	4	0	1	4	7

Таблица позволяет наглядно отследить динамику упоминания того или иного слова или словосочетания. Так, можно заметить, что отсылка к цивилизациям, а не к

отдельным странам, была особенно активной в 2020, 2022 и 2023 гг., а США больше всего упоминались с 2014 по 2017 г. и вновь вернулись на повестку в 2022 году. Также с 2020 по 2024 г. в выступлениях присутствовала явная отсылка к *историческому опыту*.

В 2013, 2022 и 2024 гг. *культура* упоминается чаще во время выступления, чем в предыдущие годы.

Частота употребления слова *культура* варьируется от минимального значения 3 до максимального 19. Это свидетельствует о следующих моментах:

– колебание частоты употребления изменяется от года к году. Это может указывать на то, что интерес к теме культуры не является стабильным и зависит от различных факторов (например, международных и внутрисоссийских событий, новостей, информационной повестки);

– присутствуют периоды всплеска интереса. Так, есть два ярко выраженных пика: значение 19 и значение 15. Согласно выдвинутой гипотезе, эти годы (2013 и 2022) связаны с важными событиями и желанием руководства страны сделать акцент на культурную составляющую транслируемого на внешнюю аудиторию имиджа России;

– постоянное употребление слова *культура* указывает на то, что тема культуры регулярно присутствует в выступлении, но не всегда ей отводится центральное место;

– минимальное значение употребления слова *культура* составляет 3 и встречается в 2015 и 2016 гг. Это может свидетельствовать о том, что в этот период обсуждение вопросов культуры было менее актуальным.

На основе анализа данных можно заключить, что слово *культура* используется достаточно часто, но частота его употребления подвержена сильным колебаниям. Из этого можно сделать вывод, что культурная грань международного имиджа России редко являлась приоритетной.

Словосочетание *исторический опыт* встречается в тексте неравномерно: 1 раз упоминается в 2013 году, с 2014 по 2019 год оно не упоминается, зато в период с 2020 по 2024 год встречается регулярно: от 1 до 3 раз за выступление.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что В.В. Путин периодически проводит отсылку к теме исторического опыта, но делает это в зависимости от темы выступления, контекста поднимаемых вопросов и информационной повестки. Обращение к теме исторического опыта стало особенно актуально с 2020 года, когда выступление было посвящено теме борьбы с пандемией «Уроки пандемии и новая повестка: как превратить мировой кризис в возможность для мира», и в 2023 году, когда стала очевидна кардинальная смена международной обстановки, а тема звучала как «Россия и Центральная Азия: сопряжение с меняющимся миром». В связи с этим обращение к опыту является особенно актуальным, поскольку позволяет придать большую значимость аргументам.

Подводя итог, можно заключить, что слова категории «Культура и традиции» встречаются в выступлениях В.В. Путина на форумах Международного дискуссион-

ного клуба «Валдай» неравномерно, однако частота их использования зависит не только от темы каждого конкретного выступления, но и от сложившейся международной обстановки и от тех смыслов, которые транслируются на внешнюю аудиторию.

Анализируя частоту употребления слова экономика, можно заключить, что частота употребления слова варьируется от 0 (в 2016 году) до 16 раз (в 2024 году) в различных выступлениях. Это свидетельствует о том, что экономическая тема то активно поднимается, то уходит на второй план, уступая место другим словам, продиктованным повесткой. Так, в 2016 году темой встречи участников Международного дискуссионного клуба «Валдай» была следующая: «Будущее начинается сегодня: контуры завтрашнего мира», а в 2024 – «Прочный мир – на какой основе? Всеобщая безопасность и равные возможности для развития в XXI веке».

Очевидно, что частота употребления слова экономика не связана напрямую с темой форума, а зависит именно от транслируемых смыслов в самом выступлении. Можно заметить, что в некоторые годы в приоритете другие темы. Можно заключить, что использование слова экономика носит переменный характер, но присутствует почти во всех выступлениях В.В. Путина на форумах Международного дискуссионного клуба «Валдай». Это говорит о том, что экономический вектор имиджа России никогда не был доминирующим, но присутствовал в информационной повестке форума.

Для анализа категории «Политика» ключевыми словами стали политика, демократия, суверенитет и международный. Эта категория охватывает как внутреннюю, так и внешнюю политику России.

Проанализировав частоту употребления слова политика в различных словоформах в выступлениях В.В. Путина на форумах Международного дискуссионного клуба «Валдай», можно сделать следующие выводы:

– высокая частота в 2013 и 2014, а также в 2023 и 2024 годах свидетельствует о том, что эти выступления больше других фокусировались именно на политических вопросах;

– выступление 2024 года содержит рекордное количество упоминаний политики (34 раза), что значительно превосходит число упоминаний в других выступлениях. Это свидетельствует о том, что политическая сфера приобретает всё большее значение. Объяснить это можно сложившейся внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуацией, которая также отражается в теме форума «Прочный мир – на какой основе? Всеобщая безопасность и равные возможности для развития в XXI веке»;

– интересно провести параллель между периодами 2013–2014 и 2022–2024 гг.: в оба временных интервала присутствуют значимые исторические события (присоединение Крыма и СВО), поэтому политическая сфера становится более значимой, чем в годы, более далёкие от подобных событий. 2022 год также был одним из рекордсменов по числу употребления слова *политика*, когда оно упоминалось 9 раз;

– в период 2015–2021 гг. число употребления слова *политика* колебалось от 2 до 7.

Соответственно, можно заключить, что в 2024 году произошёл значительный рост значимости политической сферы в повестке форума, а политическая грань имиджа страны стала более весомой.

Слово *демократия* также встречается наибольшее число раз в 2022 и 2024 годах: по 7 раз, что указывает на рост значимости этого понятия наряду с политической сферой.

Слово *суверенитет* стабильно употребляется на протяжении двух последних выступлений: одинаковое число раз (по 4) в 2023 и 2024 годах. Также это слово встречается 5 раз в 2014 году. Можно заключить, что в значимые, переломные моменты в истории России поднимается вопрос независимости страны.

Суверенитет упоминается в каждой речи В.В. Путина на заседаниях Международного дискуссионного клуба «Валдай», кроме выступления в 2015 году. Это говорит о значимости этого понятия для трансляции на международную аудиторию.

Слово *международный* встречается максимальное число раз в 2014 (16 раз) и 2024 годах (21 раз). Также оно присутствует во всех остальных выступлениях и встречается не менее 3 раз в каждом из них. Из этого можно сделать два вывода:

каждое выступление В.В. Путина на форуме Международного дискуссионного клуба «Валдай» ориентировано на международную аудиторию, и международным вопросам уделяется значительное внимание;

в годы, когда происходят значимые для России события, увеличивается упоминание международной повестки в выступлении В.В. Путина на форумах Международного дискуссионного клуба «Валдай».

Таким образом, можно сделать вывод, что в последнее время значительно возросла роль политической грани имиджа России, транслируемого на внешнюю аудиторию.

При анализе категории «География» рассматривались следующие ключевые слова в различных словоформах: *цивилизация, страна, государство, колония*, а также названия стран и регионов: *Россия, США (Америка), Азия, Европа, Индия, Китай (КНР, Китайская Народная Республика), Африка*.

Анализ употребления слова *цивилизация* в выступлениях В.В. Путина на форумах Международного дискуссионного клуба «Валдай» показывает неравномерное распределение этого термина. В некоторых текстах слово встречается довольно часто (например, 22 раза в 2023 году), тогда как в других выступлениях оно вообще не используется или используется единично. Это может свидетельствовать о том, что в выступлениях были расставлены различные акценты.

Президент РФ в 2023 году 22 раза произносит слово *цивилизация* и его производные, делая акцент на важности существования различных цивилизаций. Исходя из этого, можно сделать вывод, что стратегия продвижения положительного имиджа России не будет ограничиваться физическими размерами конкретных стран, а будет

направлена на взаимодействие с цивилизациями, не имеющими конкретных географических очертаний, а базирующимися на культурной и гуманитарной общности.

Соответственно, это стало причиной того, что в выступлении ключевое слово *цивилизация* в различных словоформах встречалось значительное количество раз.

Слова *страна*, *государство* и их производные иногда используются в качестве синонимов, заменяя названия конкретных стран. Сами по себе слова *страна* и *государство* не показывают динамику трансформации вектора международного имиджа России, однако имеют отношение к территориальной грани имиджа страны.

Интересна статистика употребления слова *колония* и его производных. Это слово употребляется постоянно в период с 2022 по 2024 год от 4 до 7 раз за выступление. В выступлениях 2022, 2023 и 2024 гг. можно найти отсылки к колониальной политике Запада. Таким образом противопоставляется политика России, направленная на построение справедливого многополярного мира, и политика западных стран, направленная только на их собственное благополучие.

Слово *Россия* и его производные также упоминаются различное число раз в разные годы выступлений. Однако делать какие-то выводы на основе частоты употребления этого слова не стоит, поскольку иногда оно заменяется конструкциями *наша страна* или *наше государство*. Поэтому не представляется возможным провести анализ, насколько действительно употребление слова *Россия* указывает на ориентацию речи в сторону российской политики.

Интересна статистика упоминания *Соединённых Штатов Америки* – по 9 раз в 2014 и 2022 годах. Это может говорить об усиливающемся противостоянии с США во внешней политике в исторически важные годы для нашей страны.

При анализе частоты упоминания других стран и регионов (*Азия, Европа, Индия, Китай, Африка*) не представляется возможным сделать вывод о принципиальных изменениях частоты потребления этих слов, поскольку они не встречаются в выступлениях достаточно часто. Это обстоятельство не позволяет сделать какие-то выводы о смене географического вектора международного имиджа России.

При анализе частоты употребления слов из категории «Угроза» интересен рост употребления следующих слов и их производных из данной категории: *угроза, враг, сила, НАТО*.

Как можно заметить, в наиболее значимые годы (2014 и 2022), в которые происходили переломные события для истории нашей страны, и в годы, которые предшествовали или шли после них, значительно увеличилось использование слов, относящихся к категории «Угроза».

Например, упоминание блока *НАТО* увеличилось в последние три года. Также возросло общее число употребления слов из категории «Угроза». Это может свидетельствовать о том, что выступления В.В. Путина на заседаниях Международного дискуссионного клуба «Валдай» отражают изменение международной обстановки и

рост международной напряжённости; выступления соответствуют международной повестке и используются как инструмент трансляции позиции России и формирования имиджевой политики, а также для построения международного имиджа России.

Выводы

Проведённое исследование выступлений В.В. Путина на форумах Международного дискуссионного клуба «Валдай» с 2013 по 2024 гг. показывает трансформацию транслируемого имиджа России на международную аудиторию. Прослеживается явная взаимосвязь между международной обстановкой и транслируемыми характеристиками.

Также явно прослеживается рост частоты упоминания военного блока НАТО: в 2024 году *НАТО* упоминалось 7 раз, при том что в 2013 году военный блок не упоминался.

Кроме того, в 2024 году максимальное число раз упоминается слово *политика*, что указывает на явный рост значимости политической грани имиджа России.

Также интересны стабильные с 2020 по 2024 г. отсылки к историческому опыту, поскольку в период с 2014 по 2019 г. он практически не упоминался. Это указывает на рост значимости такой грани имиджа России, как «Культура и традиции».

Выступления В.В. Путина на форумах Международного дискуссионного клуба «Валдай» с 2013 по 2024 г. всегда соответствовали актуальной международной повестке и являлись значимым способом продвижения международного имиджа России на внешнюю аудиторию.

Список источников

1. Барабанов О.Н. Глобальные трансформации в отражении экспертных дискуссий на Сочинском «Валдае» // Международные процессы. 2014. Т. 12, № 3(38). С. 6–7.
2. Камышанская С.С. Валдайский форум как площадка политической коммуникации: артикулирование культурных, духовных и политических традиций России // Коммуникология. 2021. № 4. С. 114–123.
3. Расторгуев С.В. Применение метода контент-анализа к политологическим исследованиям // Вестник ТГУ. 2011. № 11. С. 343–349.
4. Быков И. А. Влияние на экспертное сообщество и журналистов через специальные мероприятия (на примере Международного дискуссионного клуба «Валдай») // Имидж государства/региона в современном информационном пространстве: Материалы симпозиума, Санкт-Петербург, 23–24 марта 2009 года / отв. ред. А.Д. Кривоносов. Санкт-Петербург: Издательство «Роза мира», 2010. С. 358–362.
5. Меньшиков П.В., Борискина А.А. Актуальные аспекты трансформации государственной информационной политики РФ на современном этапе // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 163. С. 9–24.

References

1. Barabanov O.N. Global'nye transformacii v otrazhenii ekspertnyh diskussij na Sochinskom "Valdae" [Global transformations in the reflection of expert discussions at the Sochi "Valdai"]. *Mezhdunarodnye processy*, 2014, vol. 12, no. 3 (38), pp. 6–7. (In Russ.).
2. Kamyshanskaya S.S. Valdajskij forum kak ploshchadka politicheskoj kommunikacii: artikulirovanie kul'turnyh, duhovnyh i politicheskikh tradicij Rossii [Valdai Forum as a platform for political communication: articulating cultural, spiritual and political traditions of Russia]. *Kommunikologiya*, 2021, no. 4, pp. 114–123. (In Russ.).
3. Rastorguev S.V. Primenenie metoda kontent-analiza k politologicheskim issledovaniyam [Application of the content analysis method to political science research]. *Vestnik TGU*, 2011, no. 11, pp. 343–349. (In Russ.).
4. Bykov I.A. Vliyanie na ekspertnoe soobshchestvo i zhurnalistov cherez special'nye meropriyatiya (na primere Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdaj") [Influencing the expert community and journalists through special events (using the Valdai International Discussion Club as an example)]. *Imidzh gosudarstva/regiona v sovremennom informacionnom prostranstve: Materialy simpoziuma*, St. Petersburg, March 23–24, 2009 / ed. A.D. Krivososov. St. Petersburg: Roza Mira Publishing House. 2010. P. 358–362. (In Russ.).
5. Menshikov P.V., Boriskina A.A., Men'shikov P.V., Boriskina A.A. Aktual'nye aspekty transformacii gosudarstvennoj informacionnoj politiki RF na sovremennom etape [Actual aspects of the transformation of the state information policy of the Russian Federation at the present stage]. *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura*, 2022, no. 163, pp. 9–24. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

М.И. Ведерникова – аспирант, Факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация),

✉ maria.vedernikowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6216-3767>

M.I. Vedernikova – Postgraduate Student, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 29.03.2025;

одобрена после рецензирования / revised 07.08.2025;

принята к публикации / accepted 13.08.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 103–117.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 103–117.

Научная статья

УДК 342.6

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/103-117>

Функции государственного управления высшим образованием в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (сравнительно-правовое исследование)

Максим Алексеевич Каплюк

Ростовский государственный университет путей сообщения,

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ kma@rgups.ru

Аннотация. В статье приводится сравнительно-правовой анализ особенностей реализации функций государственного управления высшим образованием в ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона, имеющих крупную сеть высших учебных заведений: Австралия, Вьетнам, Индонезия, Китай, Малайзия, Мьянма, Тайланд, Филиппины, Южная Корея, Япония. Решается задача по выделению общих принципов построения системы государственных функций в сфере высшего образования, которые могут быть использованы при совершенствовании системы российских органов государственного управления высшим образованием. Приводится характеристика модели и структура системы управления высшим образованием в этих странах. Проанализированы перечни государственных функций в сфере высшего образования в каждой стране, выявлены схожие функции, присущие практически всем центральным государственным органам управления высшим образованием. Подчеркивается, что модель системы полномочий различных органов управления высшим образованием в разных странах отличается в зависимости от преобладания государственных или негосударственных образовательных организаций, реализующих программы высшего образования, к которым во многих странах относятся не только университеты, но и значительное число колледжей, и на которые направлено управляющее воздействие центральных органов государственного управления высшим образованием. При этом отмечается тенденция на расширение автономии образовательных организаций, реализующих программы высшего образования, в решении вопросов управленческого, кадрового, финансового и хозяйственного характера, что, соответственно, отражается на реализации государственных функций центральными органами

ми государственного управления высшим образованием. Также во многих странах Азиатско-Тихоокеанского региона выявлено сходство с перечнем государственных функций в сфере высшего образования в нашей стране.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, государственные функции, государственное управление, государственные органы, высшее образование, Министерство образования, закон об образовании, лицензирование, аккредитация, контроль, надзор

Для цитирования: Каплиук М.А. Функции государственного управления высшим образованием в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (сравнительно-правовое исследование) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 103–117.

Original article

Functions of public administration of higher education in the Asia-Pacific countries (comparative legal research)

Maksim A. Kapliuk

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ kma@rgups.ru

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of the features of the implementation of the functions of public administration of higher education in a number of countries in the Asia-Pacific region with a large network of higher education institutions: Australia, Vietnam, Indonesia, China, Malaysia, Myanmar, Thailand, the Philippines, South Korea, Japan. The task is solved to identify the general principles of building a system of state functions in the field of higher education, which can be used to improve the system of Russian public administration of higher education. The paper describes the model and structure of the higher education management system in these countries. The lists of state functions in the field of higher education in each country are analyzed, and similar functions inherent in practically all central state bodies of higher education management are identified. It is emphasized that the model of the system of powers of various higher education management bodies in different countries differs depending on the predominance of state or non-state educational organizations implementing higher education programs, which in many countries include not only universities, but also a significant number of colleges, and which are subject to the controlling influence of the central government bodies of higher education. At the same time, there is a tendency to expand the autonomy of educational organizations implementing higher education programs in solving issues of a managerial, personnel, financial and economic nature, which accordingly affects the implementation of state functions by the central bodies of state administration

of higher education. Also, in many countries of the Asia-Pacific region, similarities have been revealed with the list of government functions in the field of higher education in our country.

Keywords: Asia-Pacific region, government functions, public administration, government agencies, higher education, Ministry of Education, education law, licensing, accreditation, control, supervision

For citation: Каплик М.А. Functions of public administration of higher education in the Asia-Pacific countries (comparative legal research). PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 2, pp. 103–117. (In Russ.).

Введение

Во всех странах высшее образование рассматривается в качестве ключевого инструмента инвестирования в граждан, сокращения бедности и повышения национальной конкурентоспособности. На современном этапе развития высшего образования в России усиливается роль интернационализации образовательных процессов, включения российской системы высшего образования в мировое образовательное пространство. Трансформация международных связей между странами на современном этапе отражается также на изменении вектора политики России по сотрудничеству в образовательной сфере и поиску новых подходов в сфере высшего образования с Запада на Восток. В этой связи актуальным представляется изучение опыта по реализации государственных функций в сфере высшего образования в ряде зарубежных стран Азиатско-Тихоокеанского региона, имеющих крупную сеть высших учебных заведений: Австралия, Вьетнам, Индонезия, Китай, Малайзия, Мьянма, Тайланд, Филиппины, Южная Корея, Япония. При этом акцент будет сделан на центральные исполнительные органы, осуществляющие государственное управление в сфере высшего образования. Масштаб управленческой деятельности указанных органов напрямую связан с количеством образовательных организаций, реализующих программы высшего образования. Например, в КНР и Индонезии таких организаций более 3 тысяч, на Филиппинах – более 2 тысяч, в Японии – более одной тысячи, во Вьетнаме, Южной Корее и Малайзии – более 300, более 400 и более 500 соответственно, а наименьшее количество – в Мьянме, Тайланде, Австралии – около 200. При этом наибольший государственный сектор высшего образования в Южной Корее, КНР и Мьянме – 80, 91 и 100 процентов соответственно, наименьший – в Индонезии и Тайланде – 3 и 6 процентов соответственно [1].

Учитывая, что в большинстве стран в отличие от России программы высшего образования реализуют не только университеты и институты, но и колледжи, высшие школы и т.п., то более корректным вместо термина «высшее учебное заведение» будет использование термина «организация, реализующая программы высшего образования».

Австралия. Государственными исполнительными органами Австралии в сфере высшего образования являются Департамент образования Австралийского правительства и Агентство по качеству и стандартам высшего образования (TEQSA) [2]. Несмотря на отсутствие министерства образования, в составе правительства имеется министр образования, в непосредственном подчинении которого находятся оба данных органа.

Ранее правительство Австралии имело ограниченные конституционные полномочия в сфере образования и определяло политику в сфере высшего образования в основном за счёт регулирования условий финансирования вузов. В 2012 году на основе использования полномочий корпоративного управления правительство заменило государственные органы с функциями по аккредитации и контролю качества высшего образования на Агентство по качеству и стандартам высшего образования. Как отмечается в литературе, это позволило правительству давать прямые указания, а не «покупать» соблюдение его указаний. При этом под контролем правительства находятся все вузы, а не только получающие государственные средства [3].

В соответствии с приказом генерал-губернатора Австралии от 01.06.2022 «Об административных полномочиях» [4] правительственный департамент образования осуществляет следующие государственные функции в сфере высшего образования: определение государственной образовательной политики, осуществление правового регулирования, управление образовательными программами, координацию международного образовательного сотрудничества, администрирование законов в области регулирования и финансирования образовательной деятельности.

В соответствии со статьёй 108 закона Австралии от 2011 года № 73 Агентство по качеству и стандартам высшего образования осуществляет такие государственные функции, как регистрация, аккредитация и проведение независимой оценки образовательных организаций, проверка соблюдения норм законодательства об образовании, сбор, анализ информации и др. [5].

Правительство Австралии нацелено на децентрализацию регуляторных государственных функций в сфере высшего образования. Для этого планируется сократить функции вышеуказанного Агентства, усилив его регуляторную функцию, оптимизировать сроки выполнения процедур регистрации и аккредитации образовательных организаций, а также создать единое национальное агентство по сбору данных о высшем образовании.

Данная функциональная структура схожа с российской, в которой Минобрнауки России определяет политику, осуществляет нормотворчество и распределяет финансовые средства между подведомственными вузами, а Рособрнадзор осуществляет контрольно-надзорные функции, в том числе связанные с разрешением/запрещением ведения образовательной деятельности и оценкой/подтверждением качества образования, при этом не находясь в непосредственном подчинении данному министерству.

Вьетнам. Построенная по образцу образовательной системы СССР система образования Вьетнама по-прежнему остаётся в высшей степени централизованной и в сфере высшего образования управляется государственными исполнительными органами: Министерством образования и подготовки кадров и Агентством по управлению качеством образования [6].

Функции Министерства образования и подготовки кадров определены постановлениями Правительства Вьетнама от 25.05.2017 № 69/2017/ND-CP [7] и от 09.01.2016 № 123/2016/ND-CP [8]. Ранее министерство осуществляло широкомаштабный контроль над высшими учебными заведениями, что являлось препятствием для развития вьетнамского образования. Сейчас вузам предоставлена более широкая автономия. В настоящее время в сфере высшего образования министерство реализует следующие функции [9]:

- 1) подготовка проектов законов и нормативных правовых актов правительства, стратегий, планов и целевых программ развития, а также организация их реализации;
- 2) утверждение национальных образовательных стандартов и издание руководящих документов по вопросам компетенции;
- 3) установление процедур открытия, оценки и реализации образовательных программ;
- 4) подготовка государственных бюджетно-финансовых планов высшего образования, мониторинг и инспектирование их исполнения;
- 5) координация международной деятельности;
- 6) организация статистической работы;
- 7) инспектирование, рассмотрение жалоб и обращений, предотвращение коррупции, обеспечение бережливости, а также рассмотрение нарушений в соответствии с законом.

Указанные функции прописаны достаточно подробно по аналогии с российскими органами государственного управления высшим образованием. Также значительное число вьетнамских вузов находится в ведении других отраслевых министерств.

Агентство по управлению качеством образования содействует министру образования и подготовки кадров в осуществлении управления обеспечением и аккредитацией качества образования, организацией экзаменов и оценки качества образования, выдачей дипломов и сертификатов.

Также, как отмечает ряд авторов, в сфере высшего технического образования всё более заметной становится роль правительств провинций Вьетнама в управлении учебными заведениями, что является ответом на необходимость учёта общественных потребностей [10].

Индонезия. Центральным органом управления высшим образованием в Индонезии является Министерство образования, культуры, исследований и технологий, которое реализует следующие функции в сфере высшего образования, определённые

Постановлением президента Республики Индонезия от 2021 г. № 62 [11]: определение образовательной политики и её реализация; разработка образовательных стандартов и учебных программ; осуществление надзора за выполнением функций в сфере образования в регионах; управление государственной собственностью.

В соответствии с Законом Индонезии о национальной системе образования от 2003 года № 20 правительство определяет национальную политику и стандарты образования, а непосредственное управление национальной системой образования с учётом принципа автономии вузов находится в компетенции министра. Вопросы оценки и аккредитации образовательных программ и образовательных организаций находятся в ведении правительственных органов и общественных организаций [12]. Вместе с тем, как отмечает А.Ф. Херавати, «на практике роль общества ограничивается внесением вклада в плату за образование, а в определении образовательной политики доминирует правительство» [13, с. 141].

Национальное агентство по аккредитации высшего образования Индонезии является органом, осуществляющим обеспечение качества и стандартов вузов и программ посредством аккредитации и признания.

Китай. Конституция КНР 1982 г. относит создание учебных заведений и развитие высшего образования к прямым функциям государства [14]. В результате – в КНР самая большая в мире государственная образовательная система. При этом более 95% вузов управляются региональными властями, а в непосредственном ведении Министерства образования КНР находится только 77 вузов. Министерство образования является центральным органом управления высшим образованием, к основным функциям которого относится разработка государственной политики, координация, планирование, регулирование и управление изменениями в системе высшего образования; подготовка проектов законов, правил, стандартов; осуществление надзора и аудита в сфере образования; руководство аккредитацией; управление финансированием образования; организация приёма абитуриентов; руководство международным сотрудничеством; участие в разработке политики по трудоустройству выпускников.

Управление по надзору в сфере образования разрабатывает правила и стандарты надзора за образованием, организует и осуществляет надзор, экспертизу, проверку, контроль качества на всех уровнях образования, обеспечивает деятельность межведомственного Комитета по надзору за образованием в составе Государственного совета. Как отмечает И. Сун, «надзорные подразделения на всех уровнях могут поручать сторонним агентствам по оценке и мониторингу и общественным организациям проводить оценку и мониторинг качества образования путём приобретения услуг со стороны правительства» [15, с. 166]. В целом образовательная система высшего образования в КНР является высокоцентрализованной, без широкой автономии образовательных организаций.

Малайзия. Законодательство Малайзии предусматривает наличие двух органов управления высшим образованием на высшем уровне: Национальный совет по высшему образованию и Министерство высшего образования [16]. Согласно Закону об образовании Малайзии от 1996 года № 550 министр несёт ответственность за общее руководство процессом предоставления высшего образования [17]. Согласно Закону от 1996 года № 546 Национальный совет по высшему образованию должен осуществлять функции по определению политики и регулированию ключевых вопросов в области высшего образования [18]. Однако с 2011 года деятельность данного Совета была приостановлена. Таким образом, в настоящее время центральным государственным органом управления высшим образованием в Малайзии фактически является Министерство высшего образования.

На университеты Малайзии, как отмечает профессор Л.Т. Жанузакова, ранее распространялись строгие требования, установленные Национальным аккредитационным комитетом (LAN) [19, с. 185]. Сейчас качество обучения подтверждается процедурами аккредитации, реализуемыми Агентством квалификации Малайзии, которое является государственным органом, подведомственным Министерству высшего образования и осуществляющим управленческие функции в области аккредитации, регулирования образовательных программ и утверждения образовательных стандартов.

Мьянма. Согласно закону о национальном образовании Мьянмы от 2014 года № 41 в сфере высшего образования государственное управление осуществляют 4 органа: Министерство образования, Комиссия по национальному образованию, Комитет по национальным образовательным стандартам и подтверждению качества, Комитет по взаимодействию в сфере высшего образования [20].

К функциям Министерства образования в сфере высшего образования относится определение образовательной политики и стратегии, разработка и реализация проектов и программ, направленных на повышение качества образования, руководство эффективным использованием бюджетных средств. Вопросы академической и административной политики, касающиеся вузов независимо от ведомственной принадлежности, решаются двумя советами под председательством министра: центральным советом университетов, отвечающим за разработку общей политики и координацию работы вузов, и советом академических органов университетов, принимающим академические регламенты и координирующим учебную работу.

На Комиссию по национальному образованию, в состав которой входит министр образования, другие министры и представители педагогической общественности, возложены функции по руководству реализацией национальных образовательных целей, по проведению оценки системы образования и образовательной политики, по формированию политики в области стандартов качества и утверждению образовательных стандартов, а также по разработке финансовой политики. Основной функ-

цией Комитета по национальным образовательным стандартам и подтверждению качества является обеспечение качества образования. Основной функцией Комитета по взаимодействию в сфере высшего образования является организация сотрудничества и ведение переговоров по вопросам высшего образования. Также к совместной функции данного комитета и министерства образования относится управление вузами.

Избыточное количество органов с дублирующими функциями привело к тому, что, как отмечает Д.С. Ухалов, «высшее образование в Мьянме совершенно не соответствует мировым критериям» [21, с. 125].

Тайланд. Зона ответственности за государственное управление в сфере высшего образования в Тайланде сконцентрирована в нескольких ведомствах.

Центральным государственным органом, осуществляющим управление в сфере высшего образования в Тайланде, является Министерство образования, которое отвечает за разработку и реализацию политики, стандартов, правовое регулирование и руководство в сфере образования, мобилизацию ресурсов на цели образования, а также осуществляет мониторинг, инспекцию и надзор за деятельностью университетов. Для реализации данных функций в ведении Министерства находится Комиссия по высшему образованию [22], к основным полномочиям которой относится решение всех вопросов управления высшим образованием, включая разработку стратегии, управление и продвижение высшего образования с учётом академической автономии вузов, разработку критериев и принципов распределения ресурсов между вузами, создание вузов и подготовка предложений по их реорганизации и ликвидации, координация деятельности вузов в сфере управления персоналом, а также внедрение систем мониторинга, аттестации и сбора данных для управления высшим образованием.

Отраслевое управление в сфере высшего образования осуществляют также иные ведомства (в сфере транспорта, медицины, полиции и др.), в ведении которых находится 68 (треть) вузов страны [23, с. 462, 469–470].

Также существует независимый орган – Служба по национальным образовательным стандартам и подтверждению качества, которая осуществляет внешнюю оценку качества образования.

Филиппины. Центральным государственным органом управления высшим образованием в Филиппинах является Президентская комиссия по высшему образованию. В соответствии с республиканским законом Филиппин о высшем образовании от 1994 года № 7722 к основным функциям данной комиссии относится разработка планов развития, государственной политики, приоритетов и программ в сфере высшего образования, установление минимальных требований к образовательным программам и вузам и обеспечение их выполнения, мониторинг и оценка эффективности программ и вузов, наложение административных мер ответственности, разработка предложений по финансированию государственных вузов, правовое регулирование создания и реорганизации вузов, утверждение их уставов [24].

Отдельно следует выделить полномочия по изданию правил, положений и осуществлению иных функций, которые необходимы для эффективного выполнения целей и задач, предусмотренных законом о высшем образовании, а также для дальнейшего развития высшего образования. По нашему мнению, наличие таких, хотя и общих, неконкретных полномочий, но имеющих цель применения, способствует исключению случаев, когда за реализацию определённых государственных функций ни один государственный орган не отвечает, поскольку предусмотреть исчерпывающий перечень функций и полномочий в Положении о министерстве образования в условиях постоянно совершенствующейся системы высшего образования невозможно.

Функции по аккредитации образовательных программ и вузов выполняют аккредитационные агентства, уполномоченные Президентской комиссией по высшему образованию и образующие национальную сеть агентств по обеспечению качества [25, с. 35].

Южная Корея. Центральным органом управления высшим образованием в Южной Корее является Министерство образования. Роль правительства Южной Кореи в развитии высшего образования, как правило, «заключается в непосредственном регулировании, а не в координировании» [26, с. 558]. Министерство образования разрабатывает образовательную политику, осуществляет надзор за вузами и управление ими, а также осуществляет контроль за выполнением академических требований и требований к преподавательскому составу. Аккредитация вузов является функцией негосударственного совета по университетскому образованию, а аккредитация образовательных программ осуществляется специальными органами, уполномоченными Министерством образования.

Япония. Центральным государственным органом управления высшим образованием в Японии является Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологии, которое даёт разрешения на создание образовательных организаций, обеспечивает качество образования, осуществляет реформу высшего образования, администрирует отбор абитуриентов, поддержку студентов и интернационализацию [27].

С 2004 года все национальные университеты преобразованы в корпорации и получили автономию в решении кадровых, финансовых и управленческих вопросов, но под общим руководством министерства. Министерство утверждает среднесрочные цели на 6-летний период, которые служат основой для разработки планов развития вузов.

В соответствии с законом об образовании Японии от 2006 г. № 120 правительство разрабатывает базовый план развития образования, который утверждается парламентом страны. На его основе местные органы принимают свой план развития образования с учётом региональных особенностей [28].

В Японии разрешительная система и система аккредитации в сфере высшего образования объединены. Для создания университетов министр даёт одобрение, на ос-

новании которого Совет по учреждению университетов и Корпорация учебных заведений проводят проверку на соответствие минимальным требованиям для учреждения университетов.

Ассоциации по обеспечению качества и аккредитации сертифицируются министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий. К организациям, осуществляющим контроль качества и аккредитацию университетов, относится Японская ассоциация по аккредитации университетов, Национальный институт академических степеней и оценки университетов, Японский институт оценки высшего образования. Вместе с тем, как отмечает Н.П. Дронишинец, «созданный при Министерстве образования Комитет стандартов обучения в частных университетах был весьма лоялен при выдаче лицензий, а Министерство образования не было представлено в нём и не располагало необходимым влиянием. В результате бесконтрольной политики доля частных учебных заведений среди вузов Японии по сравнению с другими странами оказалась исключительно высокой, что негативно отразилось на качестве и структуре подготовке» [29, с. 70].

Выводы

В целом, можно выделить следующие основные функции, присущие практически всем государственным органам управления высшим образованием в исследуемых странах Азиатско-Тихоокеанского региона:

- участие в определении и непосредственная реализация государственной политики в сфере высшего образования, правотворчество;
- создание, реорганизация и ликвидация образовательных организаций;
- лицензирование образовательной деятельности;
- установление образовательных стандартов;
- распределение финансовых средств;
- проведение мониторингов и организация статистики.

Функции по аккредитации образования, как правило, осуществляются не центральным органом управления высшим образованием, а специально созданными агентствами, находящимися в подчинённой связи с этим органом.

Можно отметить сходство принципов определения перечней государственных функций центральных государственных органов управления высшим образованием в России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Также была выявлена зависимость модели системы государственного управления высшим образованием от преобладания государственных или негосударственных образовательных организаций, реализующих программы высшего образования. В странах с большой долей государственных (публичных) организаций, реализующих программы высшего образования (более 80%): Китае, Мьянме, Южной Корее, – достаточно сильное централизованное управление системой высшего образования

и подведомственными образовательными организациями. При этом в большинстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в которых в сфере высшего образования преобладают образовательные организации негосударственного сектора, организациям, реализующим программы высшего образования, предоставляется достаточно широкая автономия в осуществлении своей деятельности – решении кадровых, финансовых и иных управленческих вопросов, а также в некоторых случаях в вопросах определения структуры и содержания высшего образования.

Список источников

1. Global data and business intelligence platform «Statista». URL: <http://www.statista.com> (дата обращения: 10.07.2024).
2. Official website of Department of Education of Australian Government. URL: <https://www.education.gov.au> (дата обращения: 01.02.2024).
3. Williams G., Pillai S. Commonwealth power over higher education // 30 University of Queensland Law Journal. 2012. № 24. P. 287–303.
4. Official website of Australian Government.
URL: <https://www.pmc.gov.au/sites/default/files/resource/download/aao-01-june-2022.pdf> (дата обращения: 02.02.2024).
5. Tertiary education quality and standards agency Act 2011 № 73 // Federal Register of Legislation of Australian Government. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2011A00073/2021-07-01/text> (дата обращения: 01.02.2024).
6. Trines S. Education in Vietnam // World Education News + Reviews. 2017. № 8. URL: <https://wenr.wes.org/2017/11/education-in-vietnam> (дата обращения: 14.06.2024).
7. Decree № 69/2017/ND-CP dated May 25, 2017 of the Government on defining the functions, tasks, powers and organizational structure of the Ministry of Education and Training // English Legal Normative Documents LuatVietnam. URL: <https://english.luatvietnam.vn/decree-no-69-2017-nd-cp-dated-may-25-2017-of-the-government-on-defining-the-functions-tasks-powers-and-organizational-structure-of-the-ministry-of-114603-doc1.html> (дата обращения: 17.06.2024).
8. Decree № 123/2016/ND-CP dated September 01, 2016 of the Government on defining the functions, tasks, powers and organizational structures of ministries and ministerial-level agencies // English Legal Normative Documents LuatVietnam. URL: <https://english.luatvietnam.vn/decree-no-123-2016-nd-cp-dated-september-01-2016-of-the-government-on-defining-the-functions-tasks-powers-and-organizational-structures-of-ministr-108179-doc1.html> (дата обращения: 17.06.2024).
9. Official website of Ministry of Education and Training of Vietnam. URL: <https://en.moet.gov.vn/Pages/home.aspx> (дата обращения: 08.02.2024).
10. Westerheijden D.F., Cremonini L., Empel R. Accreditation in Vietnam's Higher Education System // Higher Education Dynamics. 2010. Vol. 29, № 29. P. 183–195.

11. Kementerian Pendidikan, Kebudayaan Riset, dan Teknologi. URL: <https://www.kemdikbud.go.id> (дата обращения: 27.02.2024).
12. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 20 Tahun 2003 Tentang Sistem Pendidikan Nasional. URL: <https://www.banpt.or.id/wp-content/uploads/2019/03/UU-Nomor-20-Thun-2003.pdf> (дата обращения: 18.07.2024).
13. Херавати А.Ф. Система образования и высшие учебные заведения в Республике Индонезия // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XV Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 25 июня 2022 г. / науч. ред. В.И. Казаренков. Москва: РУДН, 2022. С. 138–142.
14. Конституция КНР от 04.12.1982. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 19.06.2024).
15. Сун И. Функции контроля и надзора в сфере общего образования Китая (в XXI веке) // Школа будущего. 2023. № 2. С. 160–169.
16. Kementerian Pendidikan Tinggi. URL: <https://www.mohe.gov.my/en> (дата обращения: 20.06.2024).
17. Malaysian Education Act 1996 № 550. URL: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/default/files/ressources/malaysia_education_act_1996.pdf (дата обращения: 24.06.2024).
18. National council on Higher Education Act 1996 № 546. URL: http://commonlii.org/my/legis/consol_act/ncohea1996328 (дата обращения: 24.06.2024).
19. Жанузакова Л.Т., Кулжабаева Ж.О. Высшее образование в Малайзии // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2009. № 1(13). С. 182–187.
20. National Education Law of Myanmar 2014 № 41. URL: https://themimu.info/sites/themimu.info/files/documents/National_Education_Law_2014_ENG.pdf (дата обращения: 27.06.2024).
21. Ухалов Д.С. Текущее состояние сферы высшего образования в Мьянме // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 124–133.
22. Official website of Ministry of Education of Thailand. URL: <https://www.bic.moe.go.th/images/stories/book/ed-eng-series/intro-ed08.pdf> (дата обращения: 28.06.2024).
23. Nitungkorn S. Higher education reform in Thailand // Southeast Asian Studies. 2001. Vol. 38, № 4. P. 461–480.
24. Philippine Republic Act on Creating the Commission on Higher Education, Appropriate Funds therefor and for Other Purposes 1994 № 7722. URL: https://laws.chanrobles.com/republicacts/78_republicacts.php?id=7726 (дата обращения: 31.01.2024).
25. Adeyemo K.S., Sehoole C. Higher education and the challenges of skills production in the Philippines // South African Journal of Higher Education. 2016. Vol. 29, № 2. P. 23–41. DOI: <https://doi.org/10.20853/29-2-475>

26. Terri K. Higher education reforms in South Korea: Public-private problems in internationalising and incorporating universities // *Policy Futures in Education*. 2008. Vol. 6, № 5. Pp. 558–568.

27. Official website of Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology of Japan. URL: <https://www.mext.go.jp/en/index.htm> (дата обращения: 21.05.2024).

28. Basic Act on Education 2006 № 120 of Japan. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/2442> (дата обращения: 22.05.2024).

29. Дронишинец Н.П. Проблемы управления системой высшего образования в Японии // *Университетское управление: практика и анализ*. 2002. № 1. С. 70–79.

References

1. Global data and business intelligence platform «Statista». URL: <http://www.statista.com> (accessed: 10.07.2024).

2. Official website of Department of Education of Australian Government. URL: <https://www.education.gov.au> (accessed: 01.02.2024).

3. Williams G., Pillai S. Commonwealth power over higher education. *30 University of Queensland Law Journal*, 2012, no 24, pp. 287–303.

4. Official website of Australian Government.
URL: <https://www.pmc.gov.au/sites/default/files/resource/download/aao-01-june-2022.pdf> (accessed: 02.02.2024).

5. Tertiary education quality and standards Agency Act 2011 no. 73. Federal Register of Legislation of Australian Government. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2011A00073/2021-07-01/text> (accessed: 01.02.2024).

6. Trines S. Education in Vietnam. *World Education News + Reviews*, 2017, no 8. URL: <https://wenr.wes.org/2017/11/education-in-vietnam> (accessed: 14.06.2024).

7. Decree no. 69/2017/ND-CP dated May 25, 2017 of the Government on defining the functions, tasks, powers and organizational structure of the Ministry of Education and Training. *English Legal Normative Documents LuatVietnam*. URL: <https://english.luatvietnam.vn/decree-no-69-2017-nd-cp-dated-may-25-2017-of-the-government-on-defining-the-functions-tasks-powers-and-organizational-structure-of-the-ministry-of-114603-doc1.html> (accessed: 17.06.2024).

8. Decree no. 123/2016/ND-CP dated September 01, 2016 of the Government on defining the functions, tasks, powers and organizational structures of ministries and ministerial-level agencies. *English Legal Normative Documents LuatVietnam*. URL: <https://english.luatvietnam.vn/decree-no-123-2016-nd-cp-dated-september-01-2016-of-the-government-on-defining-the-functions-tasks-powers-and-organizational-structures-of-ministr-108179-doc1.html> (accessed: 17.06.2024).

9. Official website of Ministry of Education and Training of Vietnam. URL: <https://en.moet.gov.vn/Pages/home.aspx> (accessed: 08.02.2024).

10. Westerheijden D.F., Cremonini L., Empel R. Accreditation in Vietnam's Higher Education System. *Higher Education Dynamics*, 2010, vol. 29, no. 29, pp. 183–195.
11. Kementerian Pendidikan, Kebudayaan Riset, dan Teknologi.
URL: <https://www.kemdikbud.go.id> (accessed: 27.02.2024).
12. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 20 Tahun 2003 Tentang Sistem Pendidikan Nasional. URL: <https://www.banpt.or.id/wp-content/uploads/2019/03/UU-Nomor-20-Thun-2003.pdf> (accessed: 18.07.2024).
13. Kheravati A.F. Sistema obrazovaniya i vysshie uchebnye zavedeniya v Respublike Indoneziya [Education system and higher education institutions in th Republic of Indonesia]. *Vysshaya shkola: opyt, problemy, perspektivy: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (June 25, 2022)*. Moscow: RUDN, 2022, pp. 138–142. (In Russ.).
14. Constitution of China People's Republic (December 4, 1982). URL: https://china-law.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (accessed: 19.06.2024).
15. Sun I. Funktsii kontrolya i nadzora v sfere obshchego obrazovaniya Kitaya (v XXI veke) [Control and supervision functions in China's general education system (in the 21st century)]. *Shkola budushchego*, 2023, no. 2, pp. 160–169. (In Russ.).
16. Kementerian Pendidikan Tinggi. URL: <https://www.mohe.gov.my/en> (accessed: 20.06.2024).
17. Malaysian Education Act 1996 no. 550.
URL: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/default/files/ressources/malaysia_education_act_1996.pdf (accessed: 24.06.2024).
18. National council on Higher Education Act 1996 no. 546. URL: http://commonlii.org/my/legis/consol_act/ncohea1996328 (accessed: 24.06.2024).
19. Zhanuzakova L.T., Kulzhabaeva Zh.O. Vysshee obrazovanie v Malaizii [Higher education in Malaysia]. *Vestnik Instituta zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan*, 2009, no. 1(13), pp. 182–187. (In Russ.).
20. National Education Law of Myanmar 2014 no. 41. URL: https://themimu.info/sites/themimu.info/files/documents/National_Education_Law_2014_ENG.pdf (accessed: 27.06.2024).
21. Ukhalov D.S. The current state of higher education in Myanmar. *Oriental Institute Journal*, 2024, no. 1, pp. 124–133. (In Russ.).
22. Official website of Ministry of Education of Thailand.
URL: <https://www.bic.moe.go.th/images/stories/book/ed-eng-series/intro-ed08.pdf> (accessed: 28.06.2024).
23. Nitungkorn S. Higher Education reform in Thailand. *Southeast Asian Studies*, 2001, vol. 38, no. 4, pp. 461–480.
24. Philippine Republic Act on Creating the Comission on Higher Education, Appropriate Funds therefore and for Other Purposes 1994 no. 7722. URL: https://laws.chanrobles.com/republicacts/78_republicacts.php?id=7726 (accessed: 31.01.2024).

25. Adeyemo K.S., Sehoole C. Higher education and the challenges of skills production in the Philippines. *South African Journal of Higher Education*, 2016, vol. 29, no. 2, pp. 23–41. DOI: <https://doi.org/10.20853/29-2-475>

26. Terri K. Higher Education reforms in South Korea: Public-private problems in internationalising and incorporating universities. *Policy Futures in Education*, 2008, vol. 6, no. 5, pp. 558–568.

27. Official website of Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology of Japan. URL: <https://www.mext.go.jp/en/index.htm> (accessed: 21.05.2024).

28. Basic Act on Education 2006 no. 120 of Japan. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/2442> (accessed: 22.05.2024).

29. Dronishinets N.P. Problemy upravleniya sistemoi vysshego obrazovaniya v Yaponii [Problems of management of the higher education system in Japan]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2002, no. 1, pp. 70–79.

Информация об авторах / Information about the authors

М.А. Каплик – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Ростовский государственный университет путей сообщения (Ростов-на-Дону, Российская Федерация),

✉ kma@rgups.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9037-5823>

М.А. Каплик – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management, Rostov State Transport University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 28.04.2025;
одобрена после рецензирования / revised 07.08.2025;
принята к публикации / accepted 14.08.2025.

ПРАВО/ LAW

Научная статья

УДК 349

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/118-129>

Значение принципов в регулировании правоотношений в сфере наёмного труда

**Виктор Александрович Процевский, Юрий Борисович Оболенский,
Максим Александрович Моисеенко** ✉

Севастопольский государственный университет,

Севастополь, Российская Федерация,

✉ maksimkappel140@gmail.com

Аннотация. В научной статье рассмотрена этимология понятия «принцип права». Приводится различие в теории толкования этого понятия. Применяется сравнительно-исторический анализ точек зрения отечественных и иностранных учёных-юристов относительно понятийной и количественной характеристики принципов трудового права.

Особое внимание уделяется декларациям Международной организации труда. В научной работе отражено соотношение конституционных принципов и принципов в сфере труда. Освещается нормативно-правовое закрепление принципов трудового права в действующем Трудовом кодексе Российской Федерации. Принципы трудового права рассматриваются наряду с предметом и методом регулирования трудовых отношений как руководящие идеи, которые лежат в основе трудового права и служат критерием определения её самостоятельности в Российской правовой системе.

Ключевые слова: правовые принципы, предмет и метод правового регулирования, трудовые правоотношения, конвенции Международной организации труда, рекомендации Международной организации труда

Для цитирования: Процевский В.А., Оболенский Ю.Б., Моисеенко М.А. Значение принципов в регулировании правоотношений в сфере наёмного труда // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 118–129.

Original article

The importance of principles in the regulation of legal relations in the sphere of wage labour

Viktor A. Protsevsky, Yury B. Obolensky, Maksim A. Moiseenko ✉

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

✉ maksimkappel140@gmail.com

Abstract. The scientific article considers the etymology of the concept of principle of law. The differences in the theory of interpretation of this concept are given. The comparative-historical analysis of the points of view of domestic and foreign legal scholars concerning the conceptual and quantitative characteristics of the principles of labour law is applied.

Special attention is paid to the Declarations of the International Labour Organization. The scientific work reflects the correlation of constitutional principles and principles in the sphere of labour. The normative-legal consolidation of the principles of labour law in the current Labour Code of the Russian Federation is covered. Principles of labour law are considered in the scientific work, along with the subject and method of regulation of labour relations as guiding ideas that lie at the heart of labour law and serve as a criterion for determining its independent place in the Russian legal system.

Keywords: legal principles, subject and method of legal regulation, labour legal relations, conventions of the International Labour Organization, recommendations of the International Labour Organization

For citation: Protsevsky V.A., Obolensky Yu.B., Moiseenko M.A. The importance of principles in the regulation of legal relations in the sphere of wage labour. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 118–129. (In Russ.).

Введение

Природа и сущность такого явления, как принцип права, раскрывается в переводе его с латинского языка *principium*, что означает «первичный, определяющий, то, из чего исходит всё остальное, основа, начало». Именно общечеловеческие естественные принципы – справедливость, добросовестность, разумность – и служат критериями правомерности действий граждан. Формирование новых принципов права началось с изменением общественных отношений, которые произошли в последнее время. Именно изменения в объективной действительности и формируют новые взгляды на право, поскольку меняются идеи, ценности, категории и т.п.

При определении принципа как категории, как явления большинство авторов словарей исходят из того, что это понятие латинского происхождения, что оно означает основу, начало. Так, Владимир Даль считал, что принцип означает «научную

или моральную основу чего-нибудь, начало, правило, от которого отступать нельзя» [1, с. 431].

Авторы современного словаря иностранных слов под принципом понимают «основное, исходное положение какой-либо теории, учения и так далее; внутреннее убеждение, взгляд на вещи, который определяет норму поведения» [2, с. 490].

Разнообразие взглядов на определение принципа как категории, как общественного явления дало основание учёным общей теории права сформулировать своё видение принципов права. Все они исходят из объективно существующей общественно-экономической формации государства и этапа развития гражданского общества. И поэтому при формировании принципов права обязательно уделяется внимание экономической, политической, социальной, а также правовой системе общества [3]. Теория права исследует принципы права в двух направлениях: во-первых, это те, которые выработаны учёными-юристами. Они сформулированы в виде фундаментальных идей, отображающих объективные закономерности функционирования общества. Во-вторых, существующие в качестве исходных нормативно-руководящих основ (императивные требования), обеспечивающие общее направление правового регулирования общественных отношений. Принципы права всегда выступают в виде общеобязательных требований и являются важнейшими элементами правовой системы. Принципы права не содержат санкций, что отличает их от норм. Однако в силу социально-правового значения и фундаментальности отдельные нормы права могут одновременно существовать в качестве принципов права, так называемые нормы-принципы [4].

Принципы права существуют, во-первых, в виде определённых социальных ценностей, в форме фундаментальных идей и на уровне научного и профессионального правосознания. Во-вторых, в виде принципов права как общеобязательных требований. Они существуют как нормы-принципы.

Можно утверждать, что в основе формирования правовых принципов определяющую роль играет правовая идеология, которая даёт обоснование действующих юридических отношений и формирует правосознание на теоретическом уровне [5]. Отдельные учёные считают, что правовая идеология является концептуально сформулированной как система представления о сущности, о формах воплощения правовых представлений в жизнь, в объективную необходимость [6].

Правовая идеология – это система идей, правовых взглядов, научных концепций, теорий, выражающих отношение к правовой деятельности и её оценке. Правовая идеология является формой систематизированных знаний, в основе которой лежит норма права. Она должна быть сориентирована на нормирование социальных отношений с учётом доминирующих социальных ценностей [7].

Учёные, рассматривая принципы права как важнейшие способы развития национальных и международных правовых систем, применяют различные критерии их классификации. Фактически они сходятся на том, что в действительности существу-

ют такие виды принципов права: *общечеловеческие (цивилизационные), типологические, конкретно-исторические, отраслевые, межотраслевые*. Санкт-Петербургская школа трудового права предложила свою классификацию принципов права. Так, А.С. Пашков считал, что существуют принципы отдельных правовых институтов [8]. Дальнейшее разъяснение этой классификации дал С.П. Маврин. Он полагал, что принципы, которые содержатся в естественном праве, являются наиболее стабильными и не поддаются конъюнктурным изменениям. Их называют «общими принципами права» [9].

В.Н. Карташов утверждает, что существенную роль в жизнедеятельности всех государств должны играть общие принципы права, которые признаны большинством государств («общепризнанные принципы права») [3]. Эти принципы являются общими, универсальными, исходными, нормативно-руководящими, влияющими на все сферы жизни. Эти принципы закреплены во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹, в Европейской конвенции защиты прав человека и основных свобод 1950 г.², в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.³ и в других международных нормативных актах.

Принципы права классифицируют также на: *общеправовые*, которые присущи всем отраслям права; *межотраслевые*, которые отражают общие черты нескольких отраслей права; *отраслевые*, характеризующие специфику конкретной отрасли; *внутриотраслевые*, относящиеся к отдельным правовым институтам.

Межотраслевые принципы создают определённую правовую общность. Среди европейских учёных достаточно распространённым является мнение о том, что трудовое право есть часть социального права. Признание социального права как объективно существующего феномена является фактом выработки единой социальной политики Европейского Союза [10, с. 225]. Европейское социальное право рассматривается учёными как правовая структура, в состав которой входят: трудовое право, право социального обеспечения и другие нормы по защите социальных прав.

Поддерживает эту идею и Э.И. Доморацкая. Под социальным законодательством она понимает совокупность норм, которые регулируют общественные отношения в области труда, социального обеспечения, образования, охраны здоровья и в сфере социального обслуживания населения [11].

¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/dec-larations/-declhr.shtml (дата обращения: 03.03.2025).

² Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 03.03.2025).

³ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А(XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/docu-ments/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 03.03.2025).

Этому законодательству характерны такие принципы, как социальная справедливость, социальная солидарность, социальная стандартизация, гарантирование обеспечения социальных прав и государственных социальных стандартов, социальное партнёрство. Однако эти принципы свойственны и трудовому праву.

В юридической литературе встречается и иная классификация. На взгляд В.Н. Карташова, принципы можно классифицировать в зависимости от способов внешнего выражения в формально-юридических источниках [12].

Однако главным фактором в этом вопросе являются реальные общественные отношения, которые фактически сложились в обществе и отвечают интересам государства. Это обстоятельство является началом формирования правовых принципов, которые благодаря правотворческой деятельности преобразуются в правовые предписания определённой отрасли права.

Всё это свидетельствует о природе принципов трудового права и раскрывает их социальное назначение. Трудовые отношения, объектом которых является создание материальных и духовных ценностей, необходимы для существования и развития общества. Природу трудовых отношений обуславливают принципы права и содержание нормативно-правовых актов, которые служат для их правового регулирования. Именно принципы трудового права являются тем идеологическим направлением, которые обеспечивают необходимость существования отдельной отрасли права в соответствии с её социальным назначением.

Для последней существенное значение имеет то, что фундаментальные положения Конституции Российской Федерации обеспечивают большую юридическую силу, чем принципы права, которые содержатся в общих законах и подзаконных нормативно-правовых актах.

Известно, что ядром предмета трудового права являются социально-трудовые отношения, основанием возникновения которых служит реализация права на труд путём заключения трудового договора. Из этого факта вытекает, что в основе построения всей системы трудового права лежит труд как естественная способность человека создавать материальные и духовные ценности для удовлетворения потребностей своей семьи и общества в целом.

В соответствии с законами логического силлогизма принципы трудового права должны основываться на естественных постулатах справедливости, равенности, свободы, поскольку они связаны с существованием и регулированием естественной способности человека к труду. Конституция РФ гарантирует права и свободы человека и гражданина (статья 17), защиту чести и доброго имени (статья 23), равенство перед законом и судом (статья 19) и другие. Трудовой кодекс РФ (ТК РФ) также закрепляет основные принципы регулирования правоотношений, входящих в предмет трудового права (статья 2). К сожалению, основополагающие принципы о равенстве, свободе, справедливости не нашли необходимой конкретизации и уточнения их значе-

ния в текущем законодательстве. Г. Кельзен по этому вопросу утверждал: «Концепции равенства, свободы, справедливости, морали настолько отличаются от точки зрения каждого, что позитивное право (от латинского *ius positivum*), не закрепляя одну из них, позволяет обосновать какую-либо из возможных концепций. Они не отражают реального состояния права» [13, с. 14].

Принципы определяют содержание и направленность правового регулирования трудовых и тесно с ними связанных отношений, которые возникают при реализации права на труд и в процессе трудовой деятельности по созданию материальных и духовных ценностей. Значение принципов трудового права состоит в том, что они отражают существенные черты правовых норм, регулирующих трудовые и тесно с ними связанные отношения. Принципы практически проникают во все нормы и связаны со всеми правовыми институтами, которые и составляют отрасль права и тем самым отзеркаливают специфику трудового права.

Исходя из природы определения понятия принципов считаем, что принципы трудового права стоит рассматривать как руководящие идеи, которые лежат в основе построения системы отрасли права. Вместе с предметом и методом принципы служат критерием определения самостоятельности отрасли права [14]. Принцип отвечает на вопрос «почему?» (какие закономерности направлены на формирование определённой отрасли права) [15].

Принципы отражают социальную направленность отрасли трудового права, правовое воздействие на конкретную сферу общественной жизни, побуждая людей к реализации естественной способности к труду и вступлению в социально-трудовые отношения. Соглашаясь с идеей, что принципы являются одним из критериев определения самостоятельности отрасли права, необходимо акцентировать внимание на том, что принцип права является объективным свойством права, и это свойство коренится в содержании права. Принципы права характеризуют содержание правовых норм. А.Ф. Черданцев обратил внимание на тот факт, что принципы права должны отзеркаливать и выражать основные ценности, на которые ориентируется право [16]. Принципы позволяют более глубоко понимать значение правовых норм и определять тенденции развития законодательства. Принципы права также помогают правоохранительным органам в решении вопросов, возникающих вследствие недостаточного урегулирования или не урегулирования нормами права общественных отношений [17].

Первым, кто сформулировал четыре основных принципа трудового права, был И.С. Войтинский [18]. В 1925 г. он чётко определил в качестве принципов трудового права: 1) равенство прав и обязанностей всех работников и распространение норм трудового права на всех, кто заключил трудовой договор. И назвал его «единство советского трудового права»; 2) стабильность трудовых отношений обеспечивается наличием закреплённых в законодательстве оснований расторжения трудового договора по инициативе работодателя и заключение трудового договора на неопределён-

ный срок. Этот принцип он назвал «стабильность трудовых отношений»; 3) наличие не совсем понятных условий трудового договора или заключение договора по своей сути гражданско-правового, что вело к возникновению трудовых отношений, соблюдая приоритет интересов работника. Этот принцип определяется как «закономерность условий трудового договора»; 4) условия трудового договора не должны ухудшать положение работника в сравнении с нормами права. Этот принцип был назван «определённость условий найма на работу». Фактически принципы трудового права, сформулированные И.С. Войтинским, актуальны и сегодня.

Известный учёный Н.Г. Александров в 1952 г. писал, что руководящие положения, которые конкретизированы в разнообразных нормах трудового права, и представляют собой основные его принципы [19].

Через 20 лет Н.Г. Александров принципы трудового права уже рассматривал как выраженные в праве основные руководящие положения, которые определяют общее его направление [20]. Несколько ранее он утверждал, что отрасль права создаёт такая совокупность юридических норм, которая кроме метода и формы правового регулирования характеризуется также специфическими общими принципиальными положениями [21].

В последние годы сложилось общепризнанное видение смысла принципов трудового права [22; 23; 24 и др.]. Дискуссионным остаётся вопрос о перечне принципов и их содержании в настоящее время. Принципы имеют важное значение для эффективного функционирования всей системы норм отрасли права. При помощи принципов не только формируется современный государственный подход к правовому регулированию труда, но и определяется сущность будущих правовых реформ. Особенно необходимо акцентировать внимание на том факте, что принципы трудового права направлены на утверждение, обеспечение и защиту прав и свобод субъектов социально-трудовых отношений. Нельзя забывать и о таком обстоятельстве, что большинство принципов базируется на естественной справедливости, поэтому трудовое право и связывается с существованием естественного права [25; 26].

В юридической литературе сформулировано интересное мнение относительно того, что правовые принципы выполняют функцию своеобразных «окон», через которые такие социальные факторы, как мировосприятие, жизненный мир, культурный опыт, осуществляют влияние на правовую систему [27].

Учёные в области трудового права, которые исследовали эту правовую категорию (Н.Г. Александров, Р.З. Лившиц, С.П. Маврин, О.В. Смирнов, В.И. Никитинский, А.В. Пашков, К.Н. Гусов, В.Н. Толкунова, Э.Б. Хохлов и многие другие), по-разному определяют понятие и количество принципов трудового права. Главное, на наш взгляд, не в количестве принципов трудового права, а в их сущности и характеристике содержания, в их назначении и роли, которые они играют в правовом регулировании трудовых и иных тесно с ними связанных отношений.

Необходимо отметить, что принципы трудового права соотносятся с нормами международного права, которые устанавливают основы правового регулирования в сфере труда. Особого внимания заслуживает Декларация МОТ «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» (1998 г.). Эта Декларация МОТ устанавливает принципы, которые относятся к основополагающим правам сторон социально-трудовых отношений [28].

Все принципы нашли своё нормативное закрепление в действующем ТК РФ, что, однако, не означает их реализацию. Необходим целый комплекс мер, обеспечивающих их выполнение. Итак, эти принципы правового регулирования включают в себя социальную и юридическую защиту наёмных работников. Однако большая часть из них носит декларативный характер, поскольку низкая заработная плата, задолженность работодателей перед работниками по выплате заработной платы, небольшие размеры пособий по безработице сводят на нет провозглашение таких принципов. Существует также проблема действенной судебной защиты. Поэтому на первый план сейчас выдвигается реализация принципа защиты прав человека в сфере применения труда, которая включает в себя социальную и юридическую защиту прав наёмного работника [29; 30].

Список источников

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. Москва: Русский язык, 1982. 555 с.
2. Современный словарь иностранных слов. Санкт-Петербург: Дуэт: Комета, 1994. 752 с.
3. Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. М. Н. Марченко. Москва: Норма, 2018. 816 с.
4. Лившиц Р.З., Никитинский В. И. Принципы советского трудового права // Советское государство и право. 1974. № 8. С. 32–37.
5. Попков В.Д. Теория государства и права (курс лекций): в 2 т. Т. 2. Москва, 1995. 175 с.
6. Лукашёва Е.А. Социалистическое правосознание и законность. Москва: Юридическая литература, 1973. 344 с.
7. Байков А.Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 176 с.
8. Советское трудовое право / под ред. А.С. Пашкова, О.В. Смирнова. Москва, 1988. 608 с.
9. Трудовое право России: учебник / под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. Москва: Норма, 2012. 608 с.
10. Гопорнин Б.Н. Европейское право: учебник. Москва: Юристъ, 2001. 465 с.
11. Доморацкая Э.И. Социальное законодательство Франции. Москва: Наука, 1975. 175 с.

12. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 2–4. Ярославль, 1995–1998. 166 с.
13. Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (Конституционная юстиция. Часть 2. Окончание) // Право и политика. 2006. № 9. С. 5–18.
14. Трудовое право России: учебник / под общ. ред. Ю.П. Орловского, А.Ф. Нурдиновой. Москва: ИНФРА-М, 2011. 656 с.
15. Трудовое право: учебник / под общ. ред. В.В. Жернакова. Харьков: Знамя, 2012. 624 с.
16. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник. Москва: Юрайт, 2001. 432 с.
17. Смирнов А.В. Основные принципы советского трудового права. Москва: Юридическая литература, 1977. 215 с.
18. Войтинский И.С. Трудовое право СССР. Москва, Ленинград: Государственное издательство, 1925. 364 с.
19. Александров Н.Г., Пашерстник А. Е. Советское трудовое право. Москва: Госюриздат, 1952. 448 с.
20. Советское трудовое право / под ред. Н.Г. Александрова. Москва, 1972. 576 с.
21. Александров Н. Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 5. С. 117–118.
22. Аленина И.В. О системе принципов трудового права // Вестник Омского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 3(16). С. 239–246. EDN: LGUJEK
23. Московченко М.А., Волкова В.В. О понятии и классификации принципов трудового права // World Science. 2015. № 2(2). С. 87–89. EDN: VFDVNL
24. Андриановская И.И. Основные принципы трудового права: история и современность // Кадровик. 2021. № 2. С. 44–53.
25. Маланчук П. Вступление в международное право: пер. с англ. Харьков, 2000. 592 с.
26. Радбурх Г. Философия права: пер. с нем. Москва: Международные отношения, 2004. 240 с.
27. Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. Москва: Формула права, 2008. 432 с. EDN: SAPVAF
28. Декларация МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм её реализации.
URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ilo_principles.shtml (дата обращения: 03.03.2025).
29. Конвенция Международной организации труда № 131 от 22 июня 1970 г. «Об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=47264> (дата обращения: 03.03.2025).

30. Конвенция № 26 о создании процедуры установления минимальной заработной платы. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901732603> (дата обращения: 03.03.2025).

References

1. Dahl V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka: v 4 t. T. 3.* [Explanatory dictionary of the diving great Russian language. In 4 volumes. Vol. 3]. M.: Russkij yazyk, 1982. 555 p.
2. *Sovremennyj slovar' inostrannyh slov* [Modern dictionary of foreign words]. S.Pb.: Duet: Kometa, 1994. 752 p.
3. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskij kurs: v 3 t. T. 2* [General theory of state and law. Academic course in 3 volumes. Vol. 2] / ed. by M. N. Marchenko. M.: Norma, 2018. 816 p.
4. Livshnitz R.Z., Nikitinsky V.I. *Principy sovetskogo trudovogo prava* [Principles of Soviet labour law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1974, no. 8, p. 32–37.
5. Popkov V.D. *Teoriya gosudarstva i prava (kurs lekcij): v 2 t. T. 2.* [Theory of state and law (course of lectures) in 2 volumes. Vol. 2]. M., 1995. 175 p.
6. Lukashyova E. A. *Socialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost'* [Socialist legal consciousness and legality]. M.: Yuridicheskaya Literatura, 1973. 344 p.
7. Baikov A.F. *Pravovaya ideologiya: sushchnost' i realizaciya v usloviyah pravovogo gosudarstva: diss. ... kand. jurid. nauk* [Legal ideology: the essence and realisation in the conditions of the state of law: Ph. D. thesis]. Ekaterinburg, 2006. 176 p.
8. *Sovetskoe trudovoe pravo* [Soviet labour law] / edited by A.S. Pashkov, O.V. Smirnov. M., 1988. 608 p.
9. *Trudovoe pravo Rossii: uchebnik* [Labour law of Russia: textbook]: edited by S.P. Mavrin, E.B. Khokhlov. M.: Norma, 2012. 608 p.
10. Toporin B.N. *Evropejskoe pravo: uchebnik* [European law: textbook]. M.: Yurist, 2001. 465 p.
11. *Domoratskaya E.I. Social'noe zakonodatel'stvo Francii* [Social legislation of France]. M.: Nauka, 1975. 175 p.
12. Kartashov V.N. *Vvedenie v obshchuyu teoriyu pravovoj sistemy obshchestva. CH. 2–4* [Introduction to the general theory of the legal system of society. Part 2–4]. Yaroslavl, 1995–1998. 166 p.
13. Kelsen G. *Sudebnaya garantiya Konstitucii (Konstitucionnaya yusticiya. CHast' 2. Okonchanie)* [Judicial guarantee of the Constitution (Constitutional justice. Part 2, ending)]. *Pravo i politika*, 2006, no. 9, p. 5–18.
14. *Trudovoe pravo Rossii: uchebnik* [Labour law of Russia: textbook] / ed. by Y. P. Orlovsky, A.F. Nurtdinova. M.: INFRA-M, 2011. 656 p.
15. *Trudovoe pravo: uchebnik* [Labour law: textbook] / under the general editorship of V.V. Zhernakova. Kharkov: Znamya, 2012. 624 p.

16. Cherdantsev A.F. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik [Theory of state and law, textbook]. M.: Yurajt, 2001. 432 p.
17. Smirnov A.V. Osnovnye principy sovetskogo trudovogo prava [Basic principles of Soviet labour law]. M.: YUridicheskaya literatura, 1977. 215 p.
18. Voitinsky I.S. Trudovoe pravo SSSR [Labour law of the USSR]. Moscow, Lenin-grad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. 364 p.
19. Aleksandrov N.G., Pasherstnik A. E. Sovetskoe trudovoe pravo [Soviet labour law]. M.: Gosurizdat, 1952. 448 p.
20. Sovetskoe trudovoe pravo [Soviet labour law] / edited by N.G. Aleksandrov. M., 1972. 576 p.
21. Aleksandrov N.G. O meste trudovogo i kolhoznogo prava v sisteme sovetskogo socialisticheskogo prava [On the place of labour and collective farm law in the system of Soviet socialist law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1958, no. 5, p. 117–118.
22. Alenina I.V. O sisteme principov trudovogo prava [On the system of principles of labour law]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2008, no. 3(16), pp. 239–246. (In Russ.).
23. Moskovchenko M.A., Volkova V.V. O ponyatii i klassifikacii principov trudovogo prava [On the understanding and classification of principles of labour law]. *World Science*, 2015, no. 2(2), pp. 87–89. (In Russ.).
24. Andrianovskaya I.I. Osnovnye principy trudovogo prava: istoriya i sovremennost' [Basic principles of labour law: history and modernity]. *Kadrovik*, 2021, no. 2, pp. 44–53. (In Russ.).
25. Malanchuk P. Vstuplenie v mezhdunarodnoe pravo [Entry into International Law], per. s angl. Kharkov, 2000. 592 p.
26. Radburkh G. Filosofiya prava [Philosophy of law], per. s nem. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. 240 p.
27. Pravoprimenenie: teoriya i praktika [Law enforcement: theory and practice] / ed. Y.A. Tikhomirov. M.: Formula prava, 2008. 432 p.
28. Deklaraciya MOT ob osnovopolagayushchih principah i pravah v sfere truda i mekhanizm eyo realizacii [Convention of the International Labour Organization N 181 “On Private Employment Agencies” (adopted in Geneva on 19.06.97)]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=48054> (accessed: 03.03.2025).
29. Konvenciya Mezhdunarodnoj organizacii truda № 131 ot 22 iyunya 1970 g. «Ob ustanovlenii minimal'noj zarabotnoj platy s osobym uchetom razvivayushchihsya stran» [Convention N 131 of the International Labour Organization “On the Establishment of Minimum Wages with Special Consideration for Developing Countries” (adopted in Geneva on 22.06.70 at the 54th session of the ILO General Conference)]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=47264> (accessed: 03.03.2025).

30. Konvenciya № 26 o sozdanii procedury ustanovleniya minimal'noj zarabotnoj platy [Convention No. 26 on the Establishment of a Minimum Wage Procedure]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901732603> (accessed: 03.03.2025).

Информация об авторах / Information about the authors

В.А. Процевский – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры «Трудовое право, судебная и прокурорская деятельность» Юридического института, Севастопольский государственный университет (Севастополь, Российская Федерация),

✉ VAProtsevskiy@sevsu.ru

V.A. Protsevsky – Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Labour Law, Judicial and Prosecutorial Activity the Law Institute, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation).

Ю.Б. Оболенский – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Юридического института, Севастопольский государственный университет (Севастополь, Российская Федерация),

✉ ybobolenskiy@mail.sevsu.ru

Yu.B. Obolensky – Associate Professor, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law the Law Institute, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation).

М.А. Моисеенко – студент Юридического института, Севастопольский государственный университет (Севастополь, Российская Федерация),

✉ maksimkappel140@gmail.com

M.A. Moiseenko – Student of the Law Institute, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 03.03.2025;

одобрена после рецензирования / revised 29.07.2025;

принята к публикации / accepted 10.09.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 130–138.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 130–1380.

Научная статья

УДК 347.4

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/130-138>

Актуальные вопросы использования технологии блокчейн в российском гражданском праве

Марина Геннадьевна Холкина

Дальневосточный федеральный университет,
Владивостокский филиал Российской таможенной академии,
Владивосток, Российская Федерация

✉ kholkina.mg@dvfu.ru; kholkina.marina@vfrta.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются ключевые аспекты правового регулирования блокчейн-технологий в России, практика применения в различных процессах, а также проблемы правоприменения в отношениях, связанных с использованием технологии блокчейн в рамках гражданского законодательства.

Ключевые слова: технология блокчейн, цифровые активы, инновационные технологии, автоматизированная система управления, распределённый реестр

Для цитирования: Холкина М.Г. Актуальные вопросы использования технологии блокчейн в российском гражданском праве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 130–138.

Original article

The current issues of the use of the blockchain technology in Russian civil law

Marina G. Kholkina

Far Eastern Federal University,
Vladivostok branch of the Russian Customs Academy,
Vladivostok, Russian Federation

✉ kholkina.mg@dvfu.ru; kholkina.marina@vfrta.ru

Abstract. This article examines key aspects of legal regulation of blockchain technologies in Russia, the practice of application in various processes, as well as problems of law enforcement in relations related to the use of blockchain technology within the framework of civil legislation.

Keywords: blockchain technology, digital assets, innovative technologies, automated control system, distributed registry

For citation: Kholkina M.G. The current issues of the use of the blockchain technology in Russian civil law. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 130–138. (In Russ.).

Введение

Появление и безостановочное развитие компьютерных технологий изменили мир и определили новый курс развития человечества. Индустриальное общество стало информационным, а цифровые процессы стали повсеместно внедряться во все сферы жизни и отрасли экономики, изменяя течение жизни и ориентиры всех людей. Так, в цифровых экономических отношениях особый интерес представляет спорная технология блокчейн, одновременно применяемая как в преступных целях для незаконного сокрытия своих доходов, незаконного вывода денежных средств, так и способствующая раскрытию указанных преступлений, увеличению ВВП и, в целом, развитию экономики государства.

История и правовые основы возникновения технологии блокчейн

Понятие «блокчейн» не имеет национальной принадлежности, и на законодательном уровне отсутствует легальное его определение. Это сетевое слово, рождённое в глобальном сообществе. Обозначение «blockchain» или «block chain» (block – блок, chain – цепочка) означает: «цепочка блоков транзакций, выстроенная по определённым правилам цепочка из формируемых блоков транзакций», «цепочка блоков данных, технология надёжного распределённого хранения достоверных записей» [1].

Иными словами, блокчейн представляет собой базу данных, состоящую из взаимосвязанных между собой и объединённых в «цепочку» блоков информации о совершённых с активами транзакциях.

В ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закреплено легально понятие «распределённый реестр», под которым понимается совокупность баз данных, тождественность содержащейся информации в которых обеспечивается на основе установленных алгоритмов (алгоритма) [2].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что блокчейн является разновидностью распределённого реестра, так как в основе блокчейна заложены алгоритмы и протоколы децентрализованного хранения и обработки транзакций, структурирован-

ных в виде последовательности связанных блоков без возможности их последующего изменения.

Особенностью блокчейна является невозможность внести в блоки информации недостоверные изменения и сведения об операциях, ввиду того что данные системы блокчейн доступны неограниченному количеству пользователей, что означает, что новые блоки с указанной зашифрованной информацией появляются у всех пользователей, имеющих доступ к рассматриваемой технологии, соответственно. Так, «все транзакции по счёту открыты в блокчейне для любого желающего, и каждая отражается в виде комбинации символов с указанием сделки, её суммы, получателя и отправителя, а также меток времени» [3, с. 152].

Технология блокчейн впервые в мире была применена в 2008 г. предположительно Сатоши Накамото в приложении под названием «биткойн», обеспечивающем использование и обращение одноимённой криптовалюты.

Указанное приложение сопровождалось первым техническим документом, объясняющим в том числе принцип работы технологии блокчейн.

До этого времени в СССР в период с 1960-х по 1980-е гг. велась похожая разработка автоматизированной системы управления (АСУ): предполагалось создание особенного хранилища данных, которое бы содержало информацию о том, как функционирует любое отдельно взятое предприятие страны. «Сердцем системы виделся Главный вычислительный центр, построенный в Москве. Он должен был обрабатывать поступающую информацию, находить оптимальные варианты планирования, сигнализировать об имеющихся местах в экономике диспропорциях. В памяти центрального компьютера фиксировался бы наиболее объективный образ происходящих в народном хозяйстве процессов, что должно было позволить государственным органам управлять экономикой страны в режиме реального времени» [4, с. 7].

Автоматизированная система управления по ряду признаков имеет сходства с технологией блокчейн: обе эти технологии призваны обеспечить прозрачность и защищённость системы учёта данных, а также ориентированы на неизменяемость сведений о совершаемых операциях. Но есть и различия.

В качестве преимуществ, в том числе отличительных черт, блокчейн с точки зрения гражданско-правового регулирования можно назвать:

- децентрализацию: отсутствие единого центра управления делает систему неуязвимой для хакерских атак;
- прозрачность: вся информация в блокчейне доступна для всех и не может быть изменена;
- безопасность: криптографические методы защиты делают блокчейн надёжной системой хранения данных;
- неизменность: записанная в блокчейн информация не может быть удалена или изменена.

Кроме того, К.С. Нам отмечает в отношении блокчейна также такую характеристику, как «анонимность участников» [5, с. 24].

Вышеизложенное свидетельствует, что блокчейн – это технология, которая изначально лежала в основе криптовалют. Указанная технология обеспечивает проведение транзакций напрямую, без использования посредников, что способствует снижению стоимости и длительности указанных процессов, а также повышению прозрачности операций и снижению криминализации в цифровой среде. Однако факт того, что на технологии блокчейн основаны цифровые валюты, не позволяет судить о сопоставимости рассматриваемого механизма только с криптовалютами. Напротив, технология блокчейн активно применяется и в иных сферах: энергетика, мультимедиа, развлечения, розничная торговля. Благодаря этой технологии блокчейн может стать основой для множества новых приложений, в том числе с участием государственных структур для оказания государственных услуг. Так, в 2016 г. Сбербанк и ФАС России запустили пилотный проект Digital Ecosystem по обмену документами на основе технологии блокчейн. Для удобства работы с машиночитаемыми доверенностями (далее – МЧД) с 2022 г. ФНС России был создан также специализированный портал (единое блокчейн-хранилище машиночитаемых доверенностей – распределённый реестр ФНС России), в котором можно создавать МЧД в едином формате для обмена как с государственными органами, так и между хозяйствующими субъектами.

В настоящее время блокчейн активно используется для:

- учёта ипотечных закладных и других ценных бумаг;
- продажи авиабилетов без посредников;
- выпуска токенов, обеспеченных полезными ископаемыми;
- отслеживания морских перевозок;
- сертификации автомобильных запчастей;
- разработки системы межбанковских переводов (аналога Swift).

Кроме того, компании из сферы мультимедиа и развлечений используют блокчейн для управления данными об авторских правах для фиксации факта продажи или передачи контента, содержащего объекты авторского права, которые требуют несколько транзакций, что позволило увеличить эффективность защиты авторских прав, снизив при этом затраты.

Перспективность и возможности использования указанной технологии выразились в инициации процесса регистрации «Блокчейн» как товарного знака. В 11.08.2016 г. российский предприниматель обратился в Роспатент с заявкой на регистрацию словесного обозначения «Блокчейн/blockchain» в качестве товарного знака в отношении перечисленных в заявке товаров 09 класса и услуг 35, 36, 42 классов Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков. И сначала Роспатент 12.03.2018 г. принял положительное решение о регистрации указанного

обозначения в качестве товарного знака. Однако спустя месяц, 13.04.2018 г., отменил решение, отказав по результатам проведения экспертизы заявленного обозначения.

По мнению эксперта, заявленное обозначение «Блокчейн/blockchain» ложно или способно ввести потребителя в заблуждение относительно товаров и услуг, и, прежде всего, предоставление исключительного права на обозначение одному лицу наделит его неоправданными преимуществами перед другими участниками рынка, использующими данную технологию, в связи с чем регистрация указанного обозначения в качестве товарного знака будет противоречить общественным интересам [6].

Подводя итог по основам правового регулирования и характеристикам технологии блокчейн, следует отметить, что правоприменитель на уровне государства подтвердил (в том числе судебные инстанции) ещё в 2018 г. о существовании и перспективах рассматриваемой технологии как объекта гражданско-правового регулирования на территории Российской Федерации, а уже в 2020 г. произошла легализация указанной технологии как разновидности распределённого реестра в ранее упомянутом Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Другими словами, указанная технология официально признана Россией и представляет собой вид распределённого реестра для хранения и передачи цифровых активов, а сам блокчейн может смело считаться безопасным, так как каждый его блок содержит криптографическую подпись предыдущего блока, что делает невозможным подделать или изменить информацию. В гражданском обороте на основе блокчейна активно используются смарт-контракты как альтернативы традиционным сделкам.

Анализ проблем правоприменительной практики, связанных с использованием технологии блокчейн

Анализ правоприменительной практики, доктрины гражданского права в области использования технологии блокчейн в целом позволил выявить следующие актуальные проблемы правоприменения:

1. Споры, связанные с применением блокчейна, неизбежно связаны с техническими аспектами её реализации.

Доказательства использования блокчейна могут различаться в зависимости от того, являются ли доказываемые обстоятельства отражением операций, проводимых в реестре, или тех, которые осуществляются за пределами самого блокчейна, но интегрированы в транзакцию, чтобы отразить эту ситуацию [7].

Как правило, такие вопросы разрешаются через вызов экспертов для дачи заключения, консультаций специалистов в данной сфере, но в связи с отсутствием правовой определённости в вопросах законодательного регулирования использования технологии блокчейн могут возникать сложности с выявлением и предоставлением в суд доказательственных материалов, в том числе в случае сокрытия ответчиком

доступа к счёту, на котором хранится криптовалюта, а также с определением самого предмета доказывания.

2. Если блокчейн-хранилища содержат охраняемую законом тайну (например, врачебную, профессиональную, банковскую и другую), то это может отразиться на решениях вопросов относимости соответствующих средств доказывания, т.е. необходимо исключить нарушение порядка раскрытия соответствующей информации.

3. Поскольку блокчейн имеет экстратерриториальный характер и не может быть идентифицирован и урегулирован в правовой системе на национальном уровне только в рамках одного государства, то могут возникнуть вопросы, связанные с применимым правом. Соответственно, возможна ситуация, при которой к блокчейну необходимо будет применить правила международного частного права. Для безконфликтного решения вопроса о применимом праве стороны внешнеторговой сделки могут сделать оговорку о применимом праве государства, которое признаёт правовые последствия технологии блокчейн непосредственно в контракте.

4. Неизменяемость данных (как характеристика блокчейна) может иметь правовое значение (например, ст. 167, п. 1 ст. 450.1 ГК РФ [8]).

С учётом того, что технология блокчейн отражает совершение (исполнение) гражданско-правовой сделки (например, при покупке-продаже криптовалюты), в случае возникновения спора по такой сделке технически вернуть в прежнее состояние и отменить записи в реестре представляется невозможным.

Корректировка исполненного в случае одностороннего отказа от договора и возврат полученного по недействительной сделке возможны только при участии второй стороны путём совершения новых транзакций, внесения новых записей.

Также следует согласиться, что «большой проблемой представляется использование в блокчейне оценочных критериев. Например, сделка, совершённая с противной основам правопорядка или нравственности целью, или сделка, нарушающая требования закона, является ничтожной. Подобные сделки из-за их повышенной опасности для государства и общества не должны порождать каких-либо последствий не только по отношению к сторонам» [5, с. 24].

В своё время подобный вопрос поднимался при применении реституции в случаях недействительных сделок, объектом которых являлись бездокументарные ценные бумаги. В настоящее время восстановление права при необоснованном списании с лицевого счёта ценных бумаг в большей степени обеспечивается возвратом ценных бумаг путём их зачисления на лицевой счёт лица, с которого они неправомерно списаны в том же количестве (п. 1 ст. 149.3 ГК РФ). Однако такой подход не приемлем в случае блокчейна, так как технически без согласия другой стороны сделки, как уже ранее упоминалось, провести через блокчейн возврат полученного невозможно.

5. Анонимность при использовании блокчейна приводит к проблемам, которые могут возникнуть в связи с определением субъектного состава сторон сделки и при-

нудительным исполнением сделок, основанных на технологии блокчейн в случае спора. Вопросы контроля дееспособности и правоспособности субъектов права – участников сделок на основе блокчейна остаются нерешёнными. В свою очередь, могут возникнуть сложности с определением контрагента для обращения в суд за защитой своих прав. Фактор анонимности затрудняет применение традиционных подходов правового регулирования. Отсюда, также возникают сложности принудительного исполнения. Представляется, что фактически и юридически таких возможностей на данный момент не существует.

Заключение

Таким образом, в связи с отсутствием детальной правовой регламентации положений, касающихся гражданско-правовых сделок, совершаемых на основе использования блокчейна, можно говорить, что защита прав лиц, чьи права фиксируются на основе указанной технологии, в большей степени гарантируется в неюрисдикционной форме защиты – на основе доброй воли другой стороны сделки.

Практика, которая сложилась в сфере применения отдельных норм об использовании блокчейна, и вопросы, которые поднимаются в доктрине гражданского права, требуют специального осмысления, обобщения и оформления. По существу, необходима дополнительная правовая регламентация со стороны законодателя, в том числе закрепление понятия «блокчейн», а также техническое обеспечение защитных механизмов прав субъектов права – участников системы блокчейн. Технология распределённых реестров (блокчейн) должна позволять идентифицировать личность владельца материальных объектов, имущественных прав, в частности, в целях обеспечения принудительного исполнения сделок, совершённых на основе блокчейна.

Список источников

1. Блокчейн. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D1%87%D0%B5%D0%B9%D0%BD>.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Ушаков Д.С., Подольская Т.В., Сысоева А.А. Анализ потенциала применения блокчейн-технологии в современной мировой экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 151–160.
4. Касьянов С.В. Цифровая трансформация как новый драйвер повышения результативности в системе государственного и муниципального управления // РППЭ. 2019. № 9. С. 5–12.
5. Нам К.В. Правовые проблемы, связанные с применением блокчейна // Судья. 2019. № 2. С. 24–27.

6. Заключение Палаты по патентным спорам от 04.04.2019 (Приложение к решению Роспатента от 16.05.2019 по заявке № 2016729454) «Об отказе в государственной регистрации товарного знака» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Кузнецов Е.Н. Относимость и допустимость доказательств по делам, связанным с применением технологии блокчейн // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 84–104.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32, ст. 3301.

9. Гражданское право. Учебник. Т. 1 / Под ред. Б. М. Гонгало. 2-е изд. М., 2017. 511 с.

References

1. Blokcheyn [Blockchain]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D1%87%D0%B5%D0%B9%D0%BD>. (In Russ.).

2. Federal'nyy zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ «O tsifrovyykh finansovykh aktivakh, tsifrovoy valyute i o vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ «On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation»]. SPS “*ConsultantPlus*”. (In Russ.).

3. Ushakov D.S., Podolskaya T.V., Sysoeva A.A. Analiz potentsiala primeneniya blokcheyn-tekhnologii v sovremennoy mirovoy ekonomike [Analysis of the potential for the application of blockchain technology in the modern global economy]. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski*, 2019, no. 1, pp. 151–160. (In Russ.).

4. Kasyanov S.V. Tsifrovaya transformatsiya kak novoy drayser povysheniya rezul'tativnosti v sisteme gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Digital transformation as a new driver for improving performance in the system of state and municipal administration]. *RPPE*, 2019, no. 9, pp. 5–12. (In Russ.).

5. Nam K.V. Pravovyye problemy, svyazannyye s primeneniym blokcheyna [Legal issues related to the use of blockchain]. *Sud'ya*, 2019, no. 2, pp. 24–27. (In Russ.).

6. Zaklyucheniye Palaty po patentnym sporam ot 04.04.2019 (Prilozheniye k resheniyu Rospatenta ot 16.05.2019 po zaiavke № 2016729454) «Ob otkaze v gosudarstvennoy registratsii tovarnogo znaka» [Conclusion of the Patent Dispute Chamber dated 04.04.2019 (Appendix to the decision of Rospatent dated 16.05.2019 for application No. 2016729454) «On refusal of state registration of a trademark»]. SPS “*ConsultantPlus*”. (In Russ.).

7. Kuznetsov E.N. Otnostimost' i dopustimost' dokazatel'stv po delam, svyazannym s primeneniym tekhnologii blokcheyn [Relevance and admissibility of evidence in cases related to the use of blockchain technology]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2022, no. 3, pp. 84–104. (In Russ.).

8. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ]. Sobraniye zakonodatel'stva RF. December 5, 1994. No. 32, article 3301. (In Russ.).

9. Grazhdanskoye pravo. Uchebnik [Civil law. Textbook]. Vol. 1 / Ed. B.M. Gongalo. 2nd ed. Moscow, 2017. 511 p. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

М.Г. Холкина – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет; доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета, Владивостокский филиал Российской таможенной академии (Владивосток, Российская Федерация)

✉ kholkina.mg@dvfu.ru; kholkina.marina@vfrta.ru

M.G. Kholkina – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Law School, Far Eastern Federal University; Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Faculty of Law, Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy (Vladivostok, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию / The article received 27.07.2025;

одобрена после рецензирования / revised 07.08.2025;

принята к публикации / accepted 12.09.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 139–154.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 139–154.

Научная статья

УДК 343.24(075.8)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/139-154>

Назначение наказания, не подлежащего исполнению, по Уголовному кодексу Российской Федерации

Евгений Владимирович Благов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,

Ярославль, Российская Федерация

✉ blagov@uniyar.ac.ru

Аннотация. Уголовное законодательство создаёт впечатление, что наказание – это назначаемая к исполнению мера государственного принуждения. Более глубокий анализ приводит к выводу, что наказание может назначаться, а исполнению не подлежать. Это происходит в рамках регламентации принудительных работ, содержания в дисциплинарной воинской части, условного осуждения, отсрочек отбывания наказания, освобождения от наказания несовершеннолетнего с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Во всех названных случаях назначение соответствующих наказаний противоречит логике принятия уголовно-правовых решений и даже здравому смыслу. Нет абсолютно никакой необходимости сначала принимать решение о назначении определённого наказания, а затем данное решение, по существу, отменять решением о применении другого наказания, условного осуждения, той или иной отсрочки отбывания наказания или помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Ключевые слова: наказание, назначение наказания, замена наказания, принудительные работы, содержание в дисциплинарной воинской части, условное осуждение, отсрочки отбывания наказания, освобождения от наказания несовершеннолетнего с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа

Для цитирования: Благов Е.В. Назначение наказания, не подлежащего исполнению, по Уголовному кодексу Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 139–154.

Original article

Imposition of non-enforceable punishment under the Criminal Code of the Russian Federation

Evgeny V. Blagov

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov,

Yaroslavl, Russian Federation

✉ blagov@uniyar.ac.ru

Abstract. Criminal legislation gives the impression that punishment is a measure of State coercion imposed for execution. A deeper analysis leads to the conclusion that punishment can be imposed, but not subject to execution. This occurs or may occur within the framework of the regulation of forced labor, detention in a disciplinary military unit, suspended sentence, delays in serving a sentence, release from punishment of a minor with placement in a special educational institution of a closed type. In all these cases, the appointment of appropriate punishments contradicts the logic of making criminal law decisions and even common sense. There is absolutely no need to first make a decision on the imposition of a certain punishment, and then, in essence, to cancel this decision by a decision on the application of another punishment, a suspended sentence, a certain delay in serving a sentence or placement of a minor in a special educational institution of a closed type.

Keywords: punishment, sentencing, commutation of punishment, forced labor, detention in a disciplinary military unit, suspended sentence, postponement of serving a sentence, release from punishment of a minor with placement in a special educational institution of a closed type

For citation: Blagov E.V. Imposition of non-enforceable punishment under the Criminal Code of the Russian Federation. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 139–154. (In Russ.).

Введение

На основании ч. 1 ст. 43 УК РФ наказание назначается по приговору суда и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления. Соответственно, с помощью упомянутых лишений или ограничений должны достигаться цели наказания, установленные частью 2 названной статьи: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений.

Казалось бы, логично предположить, что любое наказание подлежит назначению именно тогда, когда необходимо достижение поставленных перед ним целей,

т.е. для его исполнения¹, в ходе которого и воплощаются в действительность таковые. И регулирование освобождения от уголовной ответственности (глава 11 УК РФ) подтверждает сделанное предположение. Исполнение наказания в таком случае исключено и его назначение, разумеется, не регулируется.

Однако анализ уголовного законодательства приводит к парадоксальному выводу – назначение наказания в ряде случаев совершенно не предполагает исполнения. Речь идёт о регламентации принудительных работ, содержания в дисциплинарной воинской части, условного осуждения, отсрочек отбывания наказания, освобождения от наказания несовершеннолетнего с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. По закону:

– если, назначив наказание в виде лишения свободы, суд придёт к выводу о возможности исправления осуждённого без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, он постановляет заменить наказание в виде лишения свободы принудительными работами (ч. 2 ст. 53¹ УК РФ);

– содержание в дисциплинарной воинской части назначается, когда характер преступления и личность виновного свидетельствуют о возможности замены лишения свободы на срок не свыше двух лет содержанием осуждённого в дисциплинарной воинской части на тот же срок (ч. 1 ст. 55 УК РФ);

– если, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд придёт к выводу о возможности исправления осуждённого без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным (ч. 1 ст. 73 УК РФ);

– беременной женщине, женщине, имеющей ребёнка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребёнка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем, кроме лиц, которым назначено наказание в виде ограничения свободы, лишения свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, лишения свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, лишения свободы за преступления, предусмотренные ст. 20⁵, 205¹, 205², 205³, 205⁴ и 205⁵, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 361 УК РФ, и сопряжённые с осуществлением террористической деятельности преступления, предусмотренные

¹ Следует отметить, что вместо термина «исполнение наказания» в уголовном законодательстве обычно используется термин «отбывание наказания». В п. «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ они применены даже как альтернативные. В Уголовно-исполнительном кодексе, несмотря на его название, также порой говорится о том и другом (ст. 1, 2 УИК РФ), но чаще всего отбывание наказания регулируется в рамках его исполнения, например, раздел IV называется «Исполнение наказания в виде лишения свободы», а глава 13 – «Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях». Поэтому правомернее, наверное, в отношении наказания в целом задействовать именно термин «исполнение».

ст. 277, 278, 279 и 360 УК РФ, суд может отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребёнком четырнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 82 УК РФ);

– осуждённому, которому впервые назначено наказание в виде лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, признанному больным наркоманией и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации, но не более чем на пять лет (ч. 1 ст. 82¹ УК РФ);

– несовершеннолетний, осуждённый к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, может быть освобождён судом от наказания и помещён в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ).

Во всех обозначенных случаях возникает один и тот же вопрос относительно действительной необходимости назначения наказания, заведомо не предполагающего исполнения. Иначе, чем сложившимися традициями уголовно-правового регулирования, таковое объяснить затруднительно.

Принудительные работы

В ч. 1 ст. 53¹ УК РФ дано общее решение о том, что принудительные работы применяются за совершение отдельных преступлений как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части, а в ч. 2 установлен порядок назначения принудительных работ. По закону до перехода к ним нужно сначала назначить лишение свободы на определённый срок (ст. 56 УК РФ). Такой порядок с очевидностью противоречит общим началам назначения наказания. На основании ч. 1 ст. 60 УК РФ более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершённое преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. Обратной ситуации не предполагается.

Согласно ст. 44 УК РФ лишение свободы – более строгое наказание, чем принудительные работы (соответственно п. «л» и «з.1»). Тем самым переход от лишения свободы к принудительным работам должен быть, по идее, исключён. В то же время это ещё не самое главное.

Лишение свободы, как и любое другое наказание, надлежит назначать для достижения целей, изложенных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Среди них значится цель исправления осуждённого. Отсюда и лишение свободы назначается, в частности, для исправления наказываемого. И тут возникает парадоксальная ситуация.

Закон требует при назначении собственно принудительных работ поступить в противоречие с уже сделанным выводом о том, что для исправления лица требуется

лишить его свободы, и прийти к другому выводу – о возможности исправления осуждённого без реального отбывания наказания в местах лишения свободы. Даже терминология – странная. Она создаёт иллюзию о двух видах лишения свободы: без реального отбывания наказания в местах лишения свободы и с реальным отбыванием наказания в местах лишения свободы, чего в ст. 56 и 58 УК РФ не установлено.

Если суд пришёл к выводу, что для исправления лица его следует лишить свободы, данное наказание и должно исполняться. Прийти к противоположному выводу уже невозможно. Для него необходимы какие-то другие обстоятельства, но если они имеются, то вывод, согласно которому для исправления лица требуется наказание именно в виде лишения свободы, не сделать. На одних и тех же обстоятельствах допустимость противоположных выводов логикой полностью исключается.

Более того, даже если бы вывод о возможности исправления осуждённого без реального отбывания наказания в местах лишения свободы был приемлем, он всё равно не способен предрешить назначение именно принудительных работ. По ч. 1 ст. 73 УК РФ, по существу, то же самое обосновывает постановление об условном неприменении наказания (за исключением указания на места лишения свободы, но вне их данное наказание нигде не отбывается – ст. 56, 58 УК РФ).

Причём у законодателя перед глазами имелся его собственный нормативный образец, как не допустить упомянутого сбоя в уголовно-правовом регулировании. В ч. 1 ст. 51 УК РФ говорится, что ограничение по военной службе назначается осуждённым военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, вместо исправительных работ, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части. При этом по букве закона вопреки высказанному мнению [1] предварительно назначать исправительные работы не требуется, ибо ограничение по военной службе назначается сразу «вместо» них.

Если бы нечто подобное приведённым положениям ч. 1 ст. 51 было отражено в ст. 53¹ УК РФ, отмеченной ранее проблемы бы не возникало. В таком случае для лиц, которым подлежат назначению принудительные работы, лишение свободы в соответствующих статьях Особенной части уголовного законодательства как бы отсутствовало, и принудительные работы даже не нужно было вводить в данные статьи. И ничего страшного в этом нет, поскольку лишение специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ) в Особенной части Уголовного кодекса точно так же нигде не представлено.

Естественно, возникнет вопрос о субъекте, которому подлежат назначению принудительные работы. В отличие от нынешней редакции ч. 2 ст. 53¹ УК РФ данного субъекта в соответствии с логикой целесообразнее определять не через негативные, а через позитивные признаки. В соответствии с ч. 3 ст. 53¹ УК РФ это должно быть лицо, которое можно исправить путём привлечения к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы.

Конечно, желательнее было бы придать принудительным работам статус самостоятельно назначаемого наказания. По крайней мере, другого наказания, имеющего при назначении полностью производный статус, в современном уголовном законодательстве не предусмотрено.

В литературе почему-то считается, что использованное предписание ч. 1 ст. 51 УК РФ «противоречит ст. 44 УК РФ, в которой ограничение по военной службе указано в перечне видов наказаний ниже исправительных работ» [2, с. 21]. В чём здесь заключается противоречие, не ясно, но согласованность с ч. 1 ст. 60 УК РФ как раз налицо, хотя, по идее, вовсе не обязательна.

Притом сложно понять, зачем вообще для принудительных работ установлен статус производно назначаемого наказания. Ведь уже имелся отвергнутый негативный опыт подобного подхода к пожизненному лишению свободы.

Пожизненное лишение свободы в соответствии с начальной редакцией ст. 57 УК РФ устанавливалось только как альтернатива смертной казни за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, и должно было назначаться в случаях, когда суд сочтёт возможным не применять смертную казнь. Такая регламентация тоже противоречила ч. 1 ст. 60 УК РФ, хотя и была тоньше, ибо смертную казнь назначать требовалось. Вероятно, осознав нелогичность своего решения, законодатель изъял из ст. 57 УК РФ предписания о зависимости пожизненного лишения свободы от неназначения смертной казни. Говоря иначе, при формулировании ст. 53¹ УК РФ было вполне реально второй раз не наступать на одни и те же грабли.

В уголовно-правовой регламентации назначения принудительных работ видят и отсутствующие в законе недостатки. Так, указывается, что ст. 53¹ УК РФ:

– в ч. 1 содержит лишнюю фразу о применении исправительных работ как альтернативы лишению свободы, ибо «все наказания, не связанные с лишением свободы, применяются как альтернатива лишению свободы, если это предусмотрено санкцией соответствующей статьи» [3, с. 30]. Последнее несомненно, но, если иметь в виду ч. 2, то альтернативность по ч. 1 не абстрактна, а относится лишь к замене назначенного лишения свободы принудительными работами;

– в ч. 1 ставит под сомнение правомерность назначения принудительных работ как более мягкого вида наказания в порядке ст. 64 УК РФ [4]. Их действительно нельзя назначать в названном порядке, но точно так же, как лицам, обозначенным в ч. 7 ст. 53¹ УК РФ;

– в ч. 2 противоречит санкциям соответствующих статей Особенной части уголовного законодательства, согласно которым принудительные работы могут назначаться и без замены ими лишения свободы [5]. Формально вроде бы всё так и есть, но в уголовно-правовых санкциях довольно часто не содержится регламентации всего того, как следует поступать на основании положений Общей части того же законодательства об отдельных видах наказаний. Так, в санкциях упомянутых статей

совершенно ничего не говорится об определении конкретных ограничений при назначении ограничения свободы или видов исправительных учреждений при назначении лишения свободы, что никоим образом не противоречит ст. 53 и 58 УК РФ;

– в ч. 2 «образует коллизию с общим правилом замены неотбытой части наказания более мягким видом (ст. 80 УК РФ)» [6, с. 19]. Последнее является вариантом освобождения от наказания, предусмотренного главой 12 УК РФ, а принудительные работы определяются при назначении наказания.

Правда, позиция о назначении принудительных работ только при замене лишения свободы признана ошибочной, и заявлено, что положения ч. 1 ст. 53¹ УК РФ «не содержат никаких препятствий для непосредственного выбора судом и назначения принудительных работ в ситуациях, когда последние предусмотрены соответствующими статьями Особенной части»; «при этом ремарку законодателя о том, что “принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы”, необходимо рассматривать как некую уголовно-политическую установку для судов, которые, ориентируясь на неё, призваны “разгрузить” наказание в виде лишения свободы»; «в противном случае принудительным работам не остаётся места в системе уголовных наказаний как самостоятельному виду» [7, с. 230]. Аргументы не слишком убедительны.

Во-первых, несамостоятельность принудительных работ относительна. Она имеет место лишь при назначении наказания. При этом принудительные работы в ст. 44 УК РФ всё равно названы среди видов наказания (п. «з.1»). Соответственно, за пределами назначения наказания они самостоятельны, и вопреки имеющемуся утверждению [4] никаких противоречий с ними в этих пределах в законе не наблюдается.

Во-вторых, странно прямое предписание Уголовного кодекса называть всего лишь уголовно-политической установкой, на которую нужно только ориентироваться. На самом деле данное предписание должно приниматься как руководство к действию (уголовному правоприменению).

Наконец, недостаток уголовного законодательства в виде отражения в статьях Особенной части принудительных работ вне связи с лишением свободы (ч. 1 ст. 159¹, 159², 159⁵, 159⁶, ч. 1, 2 ст. 200¹, ч. 1 ст. 207 УК РФ) нельзя ставить во главу угла при построении доктринальной концепции, которой по природе надлежит вытекать из закономерностей нормативного регулирования. Пленум Верховного Суда РФ, вероятно, это понял и в п. 22.1 постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 (в редакции от 18 декабря 2018 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснил, что, «исходя из положений части 1 статьи 53¹ УК РФ, при назначении наказания принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы лишь в случаях, когда совершено преступление небольшой или средней тяжести либо впервые тяжкое преступление и только когда данный вид

наказания наряду с лишением свободы прямо предусмотрен санкциями соответствующих статей Особенной части УК РФ»; «судам следует иметь в виду, что в тех случаях, когда в силу требований закона осуждённому не может быть назначено наказание в виде лишения свободы (например, часть 1 статьи 56 УК РФ), принудительные работы не назначаются»¹.

Кстати, не могут назначаться принудительные работы и тогда, когда они вопреки ч. 1 ст. 53¹ УК РФ предусмотрены за совершение особо тяжких преступлений. Имеются в виду санкции ч. 5 и 6 ст. 327¹ УК РФ.

Содержание в дисциплинарной воинской части

Близка регламентации принудительных работ нормативная ситуация с назначением определённым военнослужащим вместо лишения свободы содержания в дисциплинарной воинской части. По закону это допустимо в случаях, не предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса за совершение преступлений против военной службы, когда характер преступления и личность виновного свидетельствуют о возможности замены лишения свободы на срок не свыше двух лет содержанием осуждённого в дисциплинарной воинской части на тот же срок.

Получается, что уголовно-правовая природа содержания в дисциплинарной воинской части смешанная. Данное наказание может назначаться и самостоятельно (когда предусмотрено соответствующими статьями Особенной части уголовного законодательства за совершение преступлений против военной службы, т.е. в главе 33 УК РФ), и вместо лишения свободы. И так в отличие от определения принудительных работ с назначением содержания в дисциплинарной воинской части дело обстоит с момента принятия и вступления в силу современного Уголовного кодекса.

То, что при назначении принудительных работ вопреки ч. 1 ст. 60 УК РФ сначала должно быть определено более строгое наказание и лишь потом – менее строгое (соответственно п. «л» и «к» ст. 44), очевидно, и не про то разговор. В сравнении со ст. 53¹ УК РФ замена наказания в случае, установленном ст. 55, обуславливается не возможностью исправления осуждённого без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, а характером преступления и личностью виновного.

В отношении характера преступления ясно только то, что оно не способно быть направлено против военной службы. Вряд ли, как порой полагают, закон под характером преступления имеет в виду «его воинский характер, а именно то, что совершение преступления было обусловлено обстоятельствами прохождения виновным военной службы» [8, с. 20]. Тогда преступление, влекущее замену лишения свободы

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.25).

содержанием в дисциплинарной воинской части, не отличить от преступления против военной службы, и соответствующая замена просто исключена.

Кроме того, иногда утверждается, что замена лишения свободы содержанием в дисциплинарной воинской части «может применяться как за преступления против военной службы, так и за иные преступления, совершённые военнослужащим (хулиганство, кража и др.)» [9, с. 120–121]. Это тоже сомнительно, ибо характер первых преступлений принял во внимание сам законодатель, в ч. 1 ст. 55 УК РФ прямо предусмотрев за их совершение возможность не опосредованного лишением свободы назначения содержания в дисциплинарной воинской части.

В отличие от ст. 51 УК РФ, не упоминающей учёта характера преступления, несомненно, что в соответствии со ст. 55 последнее должно быть лишь связано с военной службой. На основании ч. 1 ст. 331 УК РФ преступлениями против военной службы признаются предусмотренные главой 33 преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершённые военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Соответственно, связано с военной службой то, что обеспечивает порядок её прохождения. Отсюда преступлением, связанным с военной службой, является, например, похищение воинского имущества.

Опять, кстати, целый ряд преступлений, описанных в главе 33 УК РФ, расположен в ней вопреки понятию преступлений против военной службы. Речь идёт о тех деяниях, которые установлены ст. 346, 347, 350–352 УК РФ (умышленное и по неосторожности уничтожение или повреждение военного имущества, нарушения правил вождения или эксплуатации машин, полётов или подготовки к ним, кораблевождения). Перечисленные преступления явно не посягают на порядок прохождения военной службы. Во всяком случае из Положения о таком порядке (утверждено Указом Президента РФ от 16 сентября 1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы»)¹ противное не вытекает.

В то же время само по себе совершение преступления, связанного с военной службой, по мысли законодателя, ещё не может влечь замену лишения свободы содержанием в дисциплинарной воинской части. Чтобы произвести данную замену, нужно, кроме того, учесть личность виновного. Очень расплывчатое решение, по существу, тождественное одному из общих начал назначения наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Наверное, это должно быть лицо, которое можно исправить путём содержания в дисциплинарной воинской части. Между тем признание такового приводит к проблемам, освещённым применительно к принудительным работам.

¹ См.: Собрание законодательства РФ. 1999. № 38. Ст. 4534 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.25).

Круг замыкается. Выход из положения – в конструировании назначения содержания в дисциплинарной воинской части взамен лишения свободы по типу упоминавшегося назначения ограничения по военной службе вместо исправительных работ.

Условное осуждение

Более парадоксальна ситуация с условным осуждением. Она, как и ранее описанная в отношении назначения содержания в дисциплинарной воинской части взамен лишения свободы, существует с принятия и введения в действие современного уголовного законодательства.

При применении условного осуждения после назначения одного из указанных в ч. 1 ст. 73 УК РФ основных наказаний суд может прийти к выводу о возможности исправления осуждённого без реального отбывания данного наказания и тогда постановить считать назначенное наказание условным. При соблюдении условий, предусмотренных законом, назначенное наказание исполнению уже не подлежит.

Получается, суд опять сначала должен сделать вывод, что для исправления лица ему необходимо назначить определённое наказание, но потом прийти уже к противоположному выводу. Последний намного кардинальнее, чем в предыдущих случаях, поскольку в результате не подлежит исполнению не только назначенное, но и любое другое наказание.

Немаловажно, что по закону оба вывода должны делаться на основе практически одних и тех же обстоятельств. Действительно, в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказаний, в частности, указанных в ч. 1 ст. 73, учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осуждённого и на условия жизни его семьи, а с ч. 2 последней статьи при назначении условного осуждения учитываются характер и степень общественной опасности совершённого преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства. По идее, перечисленное явно не может влиять на наказание разнонаправленно: одновременно требовать и его назначения для исполнения, и позволять не отбывать реально.

Любопытно, что в отношении условного осуждения к лишению свободы на практике не требуется полное назначение данного наказания. Так, в п. 61 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 отражено, что «при постановлении приговора об условном назначении наказания в виде лишения свободы вид исправительного учреждения не указывается»¹. В таком случае необходимость назначения наказания при условном осуждении ещё под большим вопросом.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.25).

Отсрочки отбывания наказания

Близка условному осуждению ситуация с регламентацией отсрочек отбывания наказания. Причём та из них, которая предусмотрена в ст. 82 УК РФ, в уголовном законодательстве существует изначально, а отражённая в ст. 82¹ появилась значительно позже. При их применении должно быть соответствующее наказание сначала назначено (для исполнения), а затем его отбывание, собственно, отсрочено.

Любопытна причина того, что в ч. 1 ст. 82 УК РФ предусмотрена отсрочка «реального» отбывания наказания, а в ч. 1 ст. 82¹ завышенное слово не использовано. При этом разница между отсрочками не является существенной, ибо заключается только в видах преступлений и наказаний, при которых применяются отсрочки, и времени, до наступления которого они предоставляются.

Если принять во внимание, что при регулировании условного осуждения упоминается реальное отбывание наказания, напрашивается необходимость унификации законодательной терминологии. Ведь разница между условным осуждением и отсрочками лишь в том, что в первом случае к вопросу об отбывании назначенного наказания в принципе возвращаться не требуется, а во втором – требуется (ч. 3 ст. 82 и 82¹ УК РФ).

Интересно, что при назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы суд может возложить на осуждённого обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ст. 72¹ УК РФ). Стало быть, желание лица на прохождение всего последнего не требуется. Напротив, при назначении более строгого наказания – лишения свободы – то же самое происходит, только по добровольному желанию, да к тому же с отсрочкой отбывания наказания. С логичностью приведённых решений, кажется, далеко не всё в порядке. Лицу, для исправления которого требуется более строгое наказание, предоставляется возможность его неисполнения, а на лицо, для исправления которого требуется менее строгое наказание, возлагаются дополнительные обременения.

По закону при предоставлении отсрочки отбывания наказания достаточно учесть, что женщина является беременной или имеет ребёнка в возрасте до四十四 лет, а мужчина имеет такого же ребёнка и является единственным его родителем (за исключением лиц, которые прямо указаны в ч. 1 ст. 82 УК РФ). По закону же при предоставлении отсрочки отбывания наказания больным наркоманией достаточно принять во внимание, что лицо было признано данным больным и изъявило желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию.

Выходит, что всем указанным в ст. 82 и 82¹ УК РФ лицам отсрочка отбывания наказания подлежит обязательному применению. Тогда смысл в назначении им нака-

зания утрачивается, и, по идее, отсрочивать нужно бы не отбывание, а собственно назначение наказания.

Следует отметить, что в теории [10; 11] и на практике в части учёта обстоятельств дела при отсрочках отбывания наказания закон толкуется ограничительно. Так, в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» разъяснено, что, решая вопрос о применении отсрочки отбывания наказания к указанным в ч. 1 ст. 82 УК РФ лицам, суд учитывает «характеристику и иные данные о личности, поведение в период отбывания наказания, условия жизни лица и его семьи, сведения о наличии у него жилья и необходимых условий для проживания с ребёнком и другие данные»¹. Хотя такое толкование упомянутой статьи в каком-то смысле и понятно, оснований для него закон не даёт. Достаточно указать, что в нём отсутствует положение, аналогичное содержащемуся в ч. 1 ст. 73 УК РФ, согласно которому суд постановляет считать назначенное наказание условным, если придёт к выводу о возможности исправления осуждённого без реального отбывания наказания.

Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа

Специфика ситуации, изначально отражённой в ч. 2 ст. 92 УК РФ, заключается в том, что сначала, как и в ранее рассмотренных случаях, подлежит назначению наказание (в виде лишения свободы), а затем решение об этом заменяется другим – о помещении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (его название менялось, но это на существо уголовно-правового регулирования никакого влияния не оказывало). Обозначенная ситуация является чем-то средним между заменой назначенного наказания другим видом наказания и условным осуждением или одной из отсрочек отбывания наказания.

По закону помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется как принудительная мера воспитательного воздействия в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода. Получается, что такое исправление не может быть осуществлено в местах лишения свободы, но наказание, их предполагающее, всё равно назначается, хотя заведомо не способно привести к достижению соответствующей и прямо обозначенной в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели любого наказания.

Правда, следует дополнительно отметить ещё одну погрешность положений ч. 2 ст. 90 УК РФ. В законе помещение в специальное учебно-воспитательное учрежде-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 7 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.25).

ние закрытого типа принудительной мерой воспитательного воздействия названо в противоречии со ст. 87 и 90 УК РФ. В ч. 2 ст. 87 УК РФ то и другое приведено альтернативно, а в ч. 2 ст. 90, перечисляющей принудительные меры воспитательного воздействия, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа отсутствует. В рамках современного уголовно-правового регулирования последнее, скорее всего, является самостоятельной (иной) мерой уголовно-правового характера [12], обозначенной в ч. 2 ст. 2 УК РФ.

Заключение

Во всех исследованных предписаниях уголовного законодательства назначение соответствующих наказаний противоречит логике принятия уголовно-правовых решений и даже здравому смыслу. Нет абсолютно никакой необходимости сначала принимать решение о назначении определённого наказания, а затем данное решение, по существу, отменять решением о применении другого наказания, условного осуждения, той или иной отсрочки отбывания наказания или помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Конечно, суды, несмотря ни на что, применяют критикуемые положения Уголовного кодекса. Однако это означает, что они всего лишь слепо идут за законодательством, в котором сбилось понимание нелогичности принятия по одному и тому же вопросу и на основании одних и тех же обстоятельств противоположных решений, следующих непосредственно одно за другим.

Исправить сложившееся негативное уголовно-правовое регулирование в принципе не слишком сложно. Достаточно в оспариваемых случаях исключить из закона ничем не оправданное назначение наказания, не предполагающее исполнения. В рамках современного уголовно-правового регулирования принудительных работ, содержания в дисциплинарной воинской части, условного осуждения, отсрочек отбывания наказания и освобождения от наказания несовершеннолетнего с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа это можно сделать путём указаний в законе, что:

– принудительные работы устанавливаются в статьях Особенной части настоящего Кодекса за совершение преступлений небольшой, средней тяжести и тяжких преступлений (ч. 1 ст. 53¹ УК РФ). При совершении тяжкого преступления принудительные работы назначаются только лицам, совершившим преступление впервые (ч. 2 ст. 53¹ УК РФ);

– содержание в дисциплинарной воинской части устанавливается на срок от трёх месяцев до двух лет в статьях Особенной части настоящего Кодекса за совершение преступлений против военной службы, а также назначается вместо лишения свободы в случаях, когда исправление соответствующего военнослужащего, совершившего преступление, связанное с военной службой, возможно путём содержания

в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ). В результате ч. 2 ст. 55 УК РФ подлежит исключению;

– если лицо можно исправить без назначения наказания, ему определяется испытательный срок, в течение которого данное лицо должно доказать своё исправление. Соответственно, условное осуждение подлежит перемещению в главу об освобождении от наказания;

– если беременную женщину, женщину, имеющую ребёнка в возрасте до четырнадцати лет, мужчину, имеющего ребёнка в возрасте до четырнадцати лет и являющегося единственным родителем, кроме лиц, которые совершили преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, преступления, предусмотренные ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴ и 205⁵, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 361 настоящего Кодекса, и сопряжённые с осуществлением террористической деятельности преступления, предусмотренные ст. 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, можно исправить без назначения наказания, им определяется отсрочка назначения наказания до достижения ребёнком четырнадцатилетнего возраста. Данным лицам, отбывающим наказание, отсрочивается дальнейшее отбывание назначенного наказания (ч. 1 ст. 82 УК РФ);

– если лицо, признанное больным наркоманией, совершило преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 настоящего Кодекса, и изъявило желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию, можно исправить без назначения наказания, ему определяется отсрочка назначения наказания до окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации, но не более чем на пять лет. Данному лицу, отбывающему наказание, отсрочивается дальнейшее отбывание назначенного наказания (ч. 1 ст. 821 УК РФ);

– если несовершеннолетнего, совершившего преступление средней тяжести, а также тяжкое преступления, можно исправить только в особых условиях воспитания, обучения и специального педагогического подхода, ему вместо наказания определяется помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа до достижения возраста восемнадцати лет, но не более чем на три года (ч. 2 ст. 92 УК РФ).

Желательно, чтобы законодатель более уважительно относился к соблюдению юридико-технических правил построения уголовно-правовых предписаний. Вместе с тем складывающаяся неблагоприятная ситуация, скорее, определяется качеством (а точнее – его недостатками) подготовки проектов уголовных законов. Создаётся впечатление, что это делается теми, кого специалистами в области уголовного права, в том числе – назначения наказания, назвать весьма сложно. Лучше законов принимать меньше, но таких, которые были бы лучше.

Список источников

1. Бриллиантов А. Правовые проблемы применения принудительных работ // Уголовное право. 2012. № 6. С. 16–21.
2. Нурмиев М.М. Заменяющие наказания по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 23 с.
3. Голик Ю. Очередная модернизация Уголовного кодекса // Уголовное право. 2012. № 2. С. 29–34.
4. Идрисов И.Т. Альтернативные наказания, связанные с трудовым воздействием на осужденных: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. 283 с.
5. Иванов А.Л. Принудительные работы как вид уголовного наказания: закон и практика применения // Законность. 2016. № 4. С. 53–54.
6. Буш В.В. Принудительные работы как вид наказания в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 23 с.
7. Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. IV / под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Юридический центр – Академия, 2021. 750 с.
8. Сивов В.В. Специальные виды уголовных наказаний, применяемых к военнослужащим: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2012. 26 с.
9. Якушин В.А., Тюшнякова О.В. Наказание и его применение: Учеб. пособие. Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 2006. 284 с.
10. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Краснодар: Кубанский гос. аграрный ун-т, 1999. 448 с.
11. Кобзева Е.В. Отсрочка отбывания наказания большим наркоманией // Законность. 2012. № 6. С. 25–28.
12. Долгополов К.А. Назначение наказания несовершеннолетним и освобождение от него: теоретические, законотворческие и правоприменительные аспекты (по материалам судебной практики Ставропольского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. 31 с.

References

1. Brilliantov A. Pravovy`e problemy` primeneniya prinuditel`ny`x rabot [Legal problems of the use of forced labor]. *Ugolovnoe pravo*, 2012, no. 6, pp. 16–21. (In Russ.).
2. Nurmiev M.M. Zamenyayushhie nakazaniya po rossijskomu ugolovnomu pravu [Substitutive punishments in Russian criminal law]: abstract of Ph. D. thesis. Kazan, 2005. 23 p. (In Russ.).
3. Golik Yu. Ocherednaya modernizaciya Ugolovnogo kodeksa [Another modernization of the Criminal Code]. *Ugolovnoe pravo*, 2012, no. 2. pp. 29–34. (In Russ.).
4. Idrisov I.T. Al`ternativny`e nakazaniya, svyazanny`e s trudovy`m vozdejstviem na osuzhdenny`x [Alternative punishments related to labor impact on convicts]: Ph. D. thesis. Samara, 2015. 283 p. (In Russ.).

5. Ivanov A.L. Prinuditel'ny'e raboty` kak vid ugovnogo nakazaniya: zakon i praktika primeneniya [Forced labor as a type of criminal punishment: law and practice of application]. *Zakonnost'*, 2016, no. 4, pp. 53–54. (In Russ.).

6. Bush V.V. Prinuditel'ny'e raboty` kak vid nakazaniya v ugovnom prave Rossii [Forced labor as a type of punishment in the criminal law of Russia]: abstract of Ph. D. thesis. Krasnodar, 2015. 23 p. (In Russ.).

7. Polny`j kurs ugovnogo prava [Full course of criminal law]: in 10 t. t. IV / edited by A.I. Korobeev. St. Petersburg: Law Center – Academy, 2021. 750 p. (In Russ.).

8. Sivov V.V. Special'ny'e vidy` ugovny`x nakazaniy, primenyaemy`x k voennoslužashhim: ugovno-pravovoj i ugovno-ispolnitel'ny`j aspekty` [Special types of criminal punishments applied to military personnel: criminal-legal and criminal-executive aspects]: abstract of Ph. D. thesis. Omsk, 2012. 26 p. (In Russ.).

9. Yakushin V.A., Tyushnyakova O. V. Nakazanie i ego primeneniye [Punishment and its application: Textbook]. Togliatti: Volzhsky u-t named after V.N. Tatishchev, 2006. 284 p. (In Russ.).

10. Galiakbarov R.R. Ugolovnoe pravo. Obshhaya chast` [Criminal law. General part: Textbook]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University, 1999. 448 p. (In Russ.).

11. Kobzeva E.V. Otsrochka otbyvaniya nakazaniya bol'nym narkomaniej [Postponement of serving a sentence for drug addicts]. *Zakonnost'*, 2012, no. 6, pp. 25–28. (In Russ.).

12. Dolgopolov K.A. Naznachenie nakazaniya nesovershennoletnim i osvobozhdenie ot nego: teoretiche-skie, zakonotvorcheskie i pravoprimenitel'ny'e aspekty` (po materialam sudeb-noj praktiki Stavropol'skogo kraja) [Sentencing of minors and release from it: theoretical, legislative and law enforcement aspects (based on the materials of judicial practice of the Stavropol Territory)]: abstract of Ph. D. thesis. Stavropol, 2008. 31 p. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Е.В. Благов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль, Российская Федерация),

✉ blagov@uniyar.ac.ru

E.V. Blagov – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov (Yaroslavl, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 22.01.2025;

одобрена после рецензирования / revised 07.08.2025;

принята к публикации / accepted 15.08.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 155–167.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 155–167.

Научная статья

УДК 343.56

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/155-167>

Уголовно-правовое противодействие использованию и (или) передаче персональных данных организаторами незаконных азартных игр в сети Интернет

Климент Арменакович Ханджян

Кубанский государственный университет,

Краснодар, Российская Федерация

✉ kliment0829@mail.ru

Аннотация. В свете недавних изменений уголовного и административного законодательства, затронувших область обеспечения безопасности личных сведений граждан Российской Федерации, вопрос использования персональных данных организаторами незаконных азартных игр в сети Интернет обрёл новые грани для исследования. С помощью информационно-телекоммуникационных технологий процесс обработки, аккумулирования и передачи персональных данных упрощается в разы, и участники онлайн-казино зачастую не подозревают, что их согласие на вступление в азартную игру позволяет владельцам такого игорного бизнеса осуществлять незаконную обработку сведений об игроках, носящих в большинстве своём личный характер. Данные обстоятельства наталкивают на мысль о необходимости проведения теоретико-прикладного уголовно-правового исследования общественных отношений, складывающихся при незаконном использовании и (или) передаче персональных данных организаторами онлайн-гемблинга.

Статья посвящена изучению современного состояния уголовно-правового противодействия использованию и (или) передаче персональных данных организаторами незаконных азартных игр в сети Интернет. Критически анализируется положение статьи 272¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, установлены проблемы, возникающие в ходе правоприменительной практики, определены возможная квалификация интересующих преступных деяний, а также их последствия в соответствии с действующим уголовным законодательством и меры уголовно-правового противодействия им. Делается вывод о необходимости совершенствования механизма уголов-

но-правового противодействия использованию и (или) передаче персональных данных организаторами незаконных азартных игр в сети Интернет, а именно в уточнении и корректировке объективной стороны преступных деяний, предусмотренных частями 1 и 6 статьи 272¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме того, установлено, что сведения об игроках онлайн-казино могут быть использованы в различных преступных целях, что требует дополнительной оценки и квалификации.

Ключевые слова: онлайн-казино, игорная деятельность, персональные данные, информационно-телекоммуникационная сеть, трансграничная передача персональных данных, информационный ресурс

Для цитирования: Ханджян К.А. Уголовно-правовое противодействие использованию и (или) передаче персональных данных организаторами незаконных азартных игр в сети Интернет // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 155–167.

Original article

Criminal law counteraction to the use and (or) transfer of personal data by organizers of illegal gambling on the Internet

Kliment A. Khandzhyan

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ kliment0829@mail.ru

Abstract. In light of recent changes in criminal and administrative legislation affecting the area of ensuring the security of personal information of citizens of the Russian Federation, the issue of using personal data of organizers of illegal gambling on the Internet has acquired new facets for research. With the help of information and telecommunication technologies, the process of processing, accumulating and transferring personal data is simplified many times over, and online casino participants often do not suspect that their consent to enter into a gambling game allows the owners of such a gambling business to illegally process information about players, which in most cases is of a personal nature. These circumstances suggest the need to conduct a theoretical and applied criminal-legal study of social relations that develop during the illegal use and (or) transfer of personal data by organizers of online gambling.

The article is devoted to the study of the current state of criminal law counteraction to the use and (or) transfer of personal data by organizers of illegal gambling on the Internet. The provision of article 272¹ of the Criminal Code of the Russian Federation is critically analyzed, problems arising in the course of law enforcement practice are identified, the

possible qualification of the criminal acts in question is determined, as well as their consequences in accordance with the current criminal legislation and measures of criminal law counteraction to them. It is concluded that it is necessary to improve the mechanism of criminal law counteraction to the use and (or) transfer of personal data by organizers of illegal gambling on the Internet, namely in clarifying and correcting the objective side of criminal acts provided for in parts 1 and 6 of Article 272¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, it has been established that information about online casino players can be used for various criminal purposes, which requires additional assessment and qualification.

Keywords: online casino, gambling activity, personal data, information and telecommunications network, cross-border transfer of personal data, information resource

For citation: Khandzhyan K.A. Criminal law counteraction to the use and (or) transfer of personal data by organizers of illegal gambling on the Internet. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 155–167. (In Russ.).

Введение

Гибридизация общественных отношений, происходящая в силу проникновения цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности, не может остаться без пристального внимания как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны преступного сообщества, поскольку информационно-телекоммуникационные сети используются и как средство, и как способ совершения преступления, благоприятствуя тем самым диверсификации механизма преступного поведения.

Изменения, внесённые Федеральным законом от 30.11.2024 № 421-ФЗ¹ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), в очередной раз заставляют задуматься о необходимости уголовно-правовой охраны персональных данных (далее – PD), завладение которыми открывает обширные возможности для их злонамеренного применения. Стоит отметить, что норма, предусмотренная статьёй 272¹ УК РФ, является революционной новеллой, поскольку впервые в уголовном законе нашего государства устанавливается запрет на создание и (или) обеспечение функционирования информационного ресурса, другими словами, сайта в сети Интернет и (или) страницы сайта в сети Интернет, информационной системы, программы для электронных вычислительных машин.

Так, согласно сведениям Роскомнадзора, содержащимся в пояснительной записке к законопроекту № 842276-8 «О создании государственных информационных систем по противодействию правонарушениям (преступлениям), совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и о внесении из-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/411024054-paragraph/1:0> (дата обращения: 20.03.2025).

менений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, в 2024 г. зафиксировано 135 утечек баз данных, всего в сеть Интернет утекло более 710 млн записей о россиянах, при этом за весь 2023 г. – около 300 млн записей за 168 фактов утечки. В соответствии с информацией, представленной МВД России, в 2023 г. количество преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИКТ), выросло на 30 процентов (почти 677 тыс. преступлений), за 9 месяцев 2024 г. – на 16 процентов. Все эти статистические данные показывают, что в условиях современной цифровизации незаконная передача PD осуществляется во многом благодаря использованию ИКТ, выступающих узловым элементом в совершении преступного посягательства. Указанные метаморфозы не обошли стороной и онлайн игорную деятельность.

Актуальность исследования также связана с возрастающей проблемой распространения личных сведений игроков онлайн-казино, которые в дальнейшем используются в различных преступных целях: краже, легализации денежных средств, мошенничестве и других. Одним из интересных примеров является продажа в Даркнете базы данных пользователей букмекерской платформы Pin-Up.bet, содержащей в себе более 9,975 млн человек, при этом около 7,8 млн аккаунтов были зарегистрированы в России². Злоумышленники в результате удачной хакерской атаки на корпоративную инфраструктуру нелегального организатора азартных игр получили сведения об игроках: адрес электронной почты, дату рождения, номер телефона, пол, любимую игру, количество ставок.

Такие ситуации не единичны. Так, например, приблизительно 108 млн записей, содержащих информацию о текущих ставках, выигрышах, депозитах и выводах средств, о платёжных картах, были «слиты в сеть» группой онлайн-казино, зарегистрированных в Лимассоле, Кипре, Кюрасао³. А мексиканское онлайн-казино Strendus⁴ раскрыло логины, имена, номера телефонов, адреса электронной почты, домашние адреса, даты рождения, пол, IP-адреса, суммы вкладов и выводов денег, госу-

¹ Пояснительная записка к законопроекту № 842276-8 «О создании государственных информационных систем по противодействию правонарушениям (преступлениям), совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/842276-8> (дата обращения: 20.03.2025).

² Букмекеры проиграли личные данные подчистую. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/10/12/616412329a794730ea83337d> (дата обращения: 20.03.2025).

³ Группа онлайн-казино слила информацию о 108 миллионах ставок, включая данные пользователей. URL: <https://www.zdnet.com/article/online-casino-group-leaks-information-on-108-million-bets-including-user-details/> (дата обращения: 20.03.2025).

⁴ Крупнейшее казино Strendus случайно раскрыло 85 ГБ данных своих клиентов. URL: <https://www.securitylab.ru/news/543685.php> (дата обращения: 20.03.2025).

дарственные идентификационные номера своих клиентов. Данные примеры свидетельствуют о необходимости разработки комплекса мер, в том числе уголовно-правового характера, противодействия незаконному использованию и передачи PD организаторами азартных игр в сети Интернет.

Методы исследования

При написании данной работы использовались: диалектический метод, позволяющий подойти к рассмотрению PD как к динамическому явлению; общенаучные: анализ, синтез; частно-научные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, а также метод правового прогнозирования и контент-анализ, заключающийся в изучении и структурировании научных исследований в области обеспечения уголовно-правовой охраны PD.

Результаты исследования

Выводами данного исследования является то, что, во-первых, завладение персональными данными игроков онлайн-казино может выступать основой для совершения преступлений, предусмотренных статьями 158, 159, 159³, 163, 174, 174¹, 179, 183 УК РФ.

Во-вторых, в целях уголовно-правового противодействия использованию и (или) передаче PD организаторами незаконных азартных игр в сети Интернет необходимо внести ряд изменений в УК РФ:

1. Добавить в диспозицию ч. 1 ст. 272¹ УК РФ указание на такое действие, как незаконный сбор компьютерной информации, содержащей персональные данные.

2. Установить уголовную ответственность за приобретение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной заведомо преступным путём.

3. Выделить ч. 6 ст. 272¹ УК РФ в отдельный состав преступления со следующей формулировкой диспозиции: «Создание и (или) обеспечение функционирования информационного ресурса (сайта в сети Интернет и (или) страницы сайта в сети Интернет, информационной системы, программы для электронных вычислительных машин), заведомо предназначенный и используемый для незаконной обработки компьютерной информации, содержащей персональные данные».

4. Установить уголовную ответственность за предоставление доступа к учётным записям в букмекерских конторах и тотализаторах с целью отмыwania другими лицами денежных средств, полученных преступным путём.

Научная дискуссия

Техническая и правовая природа информационных ресурсов способствует возникновению и развитию преступного поведения в отношении их пользователей. Так, например, по результатам проведённого расследования британской газетой «The

Guardian» из 150 веб-сайтов гемблинг-компаний 52 автоматически делились данными через инструмент отслеживания Meta Pixel. В дальнейшем информация использовалась для таргетирования на них онлайн-рекламы в Facebook (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ)¹.

Организация азартных игр плавно перетекла в киберпространство, которое благодаря своим свойствам становится, с одной стороны, местом притяжения дополнительных клиентов, с другой стороны, местом, способом, средством совершения различных преступных посягательств. Как справедливо отмечают некоторые учёные, гемблинг – «это область, где возникают самые разные сложнодоказуемые способы обмана людей» [1, с. 142], что в совокупности вызывает общее недоверие к игорному бизнесу как разновидности легального предпринимательства².

В целях придания процессам, происходящим внутри игорной индустрии, прозрачности и открытости установлено обязательное требование, заключающееся в аутентификации и верификации игроков. Лицензированное онлайн-казино запрашивает личные данные пользователя: паспортные данные, адрес электронной почты, реквизиты банковской карты. Данные требования исполняются в силу положений о противодействии отмыванию денежных средств, полученных незаконным путём. Вместе с тем уязвимость информационных систем виртуального игорного заведения как к хакерским атакам, так и к завладению сведений самими же сотрудниками позволяет «сливать» большие базы данных в сеть Интернет³.

Так, например, в отношении четверых учредителей нелегального онлайн-казино 1WIN возбуждено уголовное дело по факту осуществления незаконной игорной деятельности. На данный момент подозреваемые объявлены в международный розыск. Кроме того, сайт казино был взломан, и на другом информационном ресурсе выставлены сведения об игроках, их реальные имена, телеграм-каналы, телефоны, PD разработчиков и алгоритмы работы игр⁴. При этом стоит отметить, что определить, кто завладел и распространил в таком случае PD, не удаётся, поскольку организаторы онлайн-казино всегда могут заявить о хакерской атаке и взломе их платформы, тем самым сняв с себя ответственность. В этой связи полагаем необходимым, чтобы

¹ Расследование: сайты БК массово отправляют данные своих игроков в Meta (компания признана в РФ экстремистской организацией и запрещена).

URL: <https://news.rambler.ru/tech/54200924/> (дата обращения: 20.03.2025).

² См.: Панов С.Л. Можно ли доверять свои деньги игровому автомату? // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 1. С. 66–68.

³ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».

URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77097222/paragraph/3:0> (дата обращения: 20.03.2025).

⁴ Онлайн-казино – верный способ слить свои данные в сеть.

URL: <https://www.caravan.kz/news/onlajn-kazino-vernyj-sposob-slit-svoi-dannye-v-set/> (дата обращения: 20.03.2025).

бремя доказывания незаконной передачи PD пользователей в силу действий третьих лиц лежало на администрации игорного заведения. В противном случае действия организаторов азартных игр следует квалифицировать по ч. 1 ст. 137 УК РФ, а действия хакеров – по ч. 1 ст. 272¹ УК РФ. Стоит подчеркнуть, что данные составы преступления отличаются характером и степенью общественной опасности, что, безусловно, влияет и на установленный размер наказания. При этом создателей онлайн-казино, незаконно распространивших PD, с учётом объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ, можно привлечь к уголовной ответственности лишь по ст. 137 УК РФ.

Для подтверждения данного тезиса сравним политику обработки PD как легальных игорных заведений, так и нелегального онлайн-казино.

Как справедливо отмечает Р.Г. Асланян, исследование системы Особенной части уголовного права должно опираться на теоретико-методологический фундамент, который предполагает «определённый тип понимания права и адекватные ему подходы к исследованию, толкованию и применению правовых норм» [2, с. 17]. Полагаем, что в условиях недостаточности правоприменительной практики именно уголовная доктрина выступает главной созидающей силой, на основе которой возможно дальнейшее построение и регулирование общественных отношений. В этой связи данное теоретико-прикладное исследование будет насыщено не только эмпирической, но и теоретической базой в рамках проведения контент-анализа мнений учёных в интересующей области.

Так, С.Л. Панов отмечает, что интерактивное казино является разновидностью мошенничества, которое осуществляется посредством «создания поддельных веб-сайтов банка или компании, которые внешне похожи на настоящие» [3, с. 27], на которых игрок оставляет реквизиты своей карты для открытия специального счёта, на который будут поступать выигрыши со ставок. При этом Е.Н. Рязанова считает, что один из факторов, способствующих распространению PD в сети Интернет, – это пренебрежение пользователей сайта к «ознакомлению с политикой конфиденциальности и безопасности» [4, с. 121]. Невозможно не согласиться с их мнением, поскольку большинство онлайн-казино не имеет лицензии, а значит, не обязаны следовать международным стандартам обработки PD. Действия создателей сайтов онлайн-казино, не имеющих лицензий, не выплачивающих выигрыш с игры и функционирующих с целью незаконного аккумулирования и обработки PD, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 159, 171², 272¹ УК РФ. Ранее высказывалось мнение об установлении уголовной ответственности за «распространение материалов, представляющих возможность осуществлять деятельность, направленную на проведение азартных игр, путём создания Интернет-ресурсов и иных ресурсов в телекоммуникационных сетях, предназначенных для проведения азартных игр, а также путём распространения приложений и Интернет-ре-сурсов с азартны-

ми играми, с использованием телекоммуникационных сетей, в частности сети Интернет» [5, с. 114], однако данные предложения остались только в рамках размышления.

Особое внимание стоит уделить политике конфиденциальности в офлайн-казино, в букмекерских конторах, в онлайн-казино. Политика легального реального казино в Российской Федерации в отношении обработки PD строится в соответствии с Федеральным законом¹ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ № 152), а также с другими нормативными правовыми актами. Так, например, одна из известных официальных гемблинг-компаний в нашем государстве обрабатывает следующие категории PD: общедоступные, биометрические и иные². К иным относятся: пол, возраст, паспортные данные, ИНН, страховой номер свидетельства государственного пенсионного страхования (СНИЛС), адресная информация и контактные данные, гражданство, платёжные реквизиты, информация, автоматически получаемая при доступе к сайтам компании с использованием cookies, представляющая собой фрагменты текста, который автоматически сохраняется в память Интернет-браузера с помощью сайтов компании, и другие. Немаловажным является то, что организация не осуществляет трансграничную передачу PD, которую большинство виртуальных игорных заведений реализовывают без согласия субъекта, тем самым игнорируя требования статьи 12 ФЗ № 152, а молчание или бездействие лица ни при каких обстоятельствах не может считаться согласием на обработку PD.

В отношении политики конфиденциальности официальных букмекерских контор необходимо подчеркнуть, что перечень PD и цели их использования обширнее по сравнению с офлайн-казино. Сведения об участниках азартных игр могут обрабатываться в рамках официального сайта и мобильного приложения. Так, например, в целях регистрации, подтверждения личности игрока и защиты данных при подозрении на совершение мошеннических действий от его имени запрашивается следующая информация: Ф.И.О.; место рождения; дата рождения; данные документа, удостоверяющего личность, в том числе: адрес места жительства (регистрации) или места пребывания, дата выдачи документа, удостоверяющего личность, наименование органа, выдавшего документ, удостоверяющий личность, номер подразделения; ИНН; СНИЛС; данные миграционной карты (а именно: номер, дата начала срока пребывания и дата окончания срока пребывания); данные документа, подтверждающего право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации (а именно: серия и номер документа, дата начала срока пребывания и дата окончания срока пребывания иностранного лица или лица без гражданства); контактный номер телефона; ад-

¹ О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/12148567> (дата обращения: 20.03.2025).

² Политика в области обработки персональных данных ООО «ДОМЕЙН». URL: <https://casinosochi.ru/personal-data-processing-policy> (дата обращения: 20.03.2025).

рес электронной почты¹. Кроме того, компания может обрабатывать данные о геолокации мобильного устройства участника азартных игр (при условии получения согласия на предоставление таких данных в мобильном приложении), а также технические данные об аппаратном и программном обеспечении устройства, имя устройства, публичные IP-адреса, cookie, данные об идентификаторе браузера.

В политике конфиденциальности букмекерских контор отсутствует запрет на трансграничную передачу PD, однако игрок имеет право на получение информации об осуществлённой или о предполагаемой такой процедуре. Другими словами, букмекерская контора при прочих равных условиях может произвести трансграничную передачу PD.

В отношении трансграничной передачи PD онлайн-казино придерживается политики международного переноса данных «третьим странам», если Европейская комиссия решит, что такая третья страна обеспечивает надлежащий уровень защиты. В этой связи полагаем необходимым согласиться с мнением Д.В. Бахтеева, А.М. Сосновиковой, Е.В. Казенас, которые считают, что «в условиях недружественной международной атмосферы в целях предотвращения незаконной трансграничной передачи PD необходимо ввести квалифицирующий признак в ряд статей УК РФ» [6, с. 953]. Данное предложение было учтено при введении ст. 272² УК РФ, однако возникает закономерный вопрос, как привлекать к ответственности зарубежные организации или юридических лиц, легально получивших доступ к PD, но нелегально осуществивших их трансграничную передачу, а также в чём будет заключаться трансграничная передача PD с использованием ИКТ. Стоит отметить, что карательный потенциал ст. 13.11 КоАП РФ ограничен, лишь Федеральный закон² от 30.11.2024 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» этот правовой вакуум в некоторой части восполнит.

Поскольку компания «7k casino» зарегистрирована на Кипре, то она должна исполнять требования Регламента Европейского Парламента и Совета Европейского Союза № 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных³. Российская Федерация не является участницей Европейского союза, поэтому на неё не распространяется

¹ Политика конфиденциальности ООО «ФОНКОР».

URL: <https://fon.bet/official-documents/fonpersdata/> (дата обращения: 20.03.2025).

² О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.11.2024 № 420-ФЗ // СПС «Гарант».

URL: <https://internet.garant.ru/#/document/411024052/paragraph/1:3> (дата обращения: 20.03.2025).

³ Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза № 2016/679 от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR) // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71936226/paragraph/252/> (дата обращения: 20.03.2025).

этот правовой акт. Вместе с тем согласно ч. 1.1 ст. 1 ФЗ № 152 применяются к обработке PD граждан Российской Федерации, осуществляемой иностранными юридическими лицами или иностранными физическими лицами, на основании договора, стороной которого являются граждане Российской Федерации, иных соглашений между иностранными юридическими лицами, иностранными физическими лицами и гражданами Российской Федерации либо на основании согласия гражданина Российской Федерации на обработку его персональных данных.

Таким образом, онлайн-казино обрабатывает обширный перечень PD, принадлежащих игрокам, начиная от контактных данных, заканчивая геолокацией и размером устройства. При этом зарубежные гемблинг-компании, осуществляющие деятельность на территории России, должны соблюдать не только Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза № 2016/679, но и ФЗ № 152. Однако в действительности утечка PD происходит, и ответственности никто не несёт. Можно ли тогда квалифицировать вышеописанные действия по новой ст. 272¹ УК РФ?

Как отмечает И.С. Алихаджиева, данная статья нуждается в содержательной доработке в части её расположения в разделе преступлений против личности, «структуры и терминологии, межотраслевой дифференциации ответственности во избежание конкуренции норм» [7, с. 221–222]. А.А. Шутова также полагает, что деяния, перечисленные в 28 главе УК РФ, «необходимо выделить в самостоятельный раздел и главу Особенной части УК РФ, сформулировав название как “Преступления против цифровой безопасности”» [8, с. 124]. Кроме того, она выдвигает точку зрения, согласно которой ответственность за запрет, установленный ч. 6 ст. 272¹ УК РФ, необходимо установить в отдельном уголовно-правовом запрете. Возможно согласиться с этим мнением, но с учётом того, что информационные ресурсы (фишинговые сайты) создаются в первую очередь для незаконного аккумулирования PD, а «отсутствие в диспозиции этой нормы таких действий, как незаконный сбор PD» [9, с. 78], является правовым упущением законодателя. Более того, в уголовном законодательстве не даётся правовая оценка действиям лица, которое приобретает компьютерную информацию, содержащую PD, полученную незаконным путём.

Полагаем, что, исходя из конструкции нормы ч. 6 ст. 272¹ УК РФ, возникает проблема квалификации действий организаторов онлайн-казино, легально не получивших согласие на обработку PD и впоследствии осуществивших их незаконную передачу, а также действий организаторов онлайн-казино, легально получивших согласие на обработку PD и впоследствии осуществивших их незаконную передачу. В обоих случаях отсутствует заведомость незаконного хранения, передачи компьютерной информации, содержащей PD, а во втором случае ещё и отсутствует незаконность их получения. Р.Р. Гайфутдинов подчёркивает, что «во избежание ошибок при квалификации при различном понимании правомерности доступа к компьютерной информации является целесообразным её толкование Пленумом Верховного Суда

РФ» [10, с. 163]. В этой связи считаем целесообразным с учётом нарастания судебной практики дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, соответствующими положениями относительно практики применения ст. 272¹ УК РФ.

Кроме того, становится весьма распространённой тенденция, связанная с арендой чужих игровых учётных записей в онлайн-казино и букмекерских конторах. Так, например, компания «F.A.C.C.T.» и букмекерская компания «Лига Ставок» выявила подозрительную активность около 3 тыс. мультипользовательских аккаунтов¹. В Даркнете на различных теневых форумах можно наблюдать объявления о покупке или аренде подтверждённых учётных записей игроков. В данной ситуации возникает риск потери PD, а также аккаунт может быть использован для отмывания денежных средств, полученных незаконным путём. В этой связи полагаем необходимым предусмотреть административную ответственность за предоставление доступа третьим лицам к игровым аккаунтам в букмекерских конторах и тотализаторах.

Таким образом, исходя из проведённого анализа, можно сделать вывод, что незаконное использование и передача PD организаторами незаконных азартных игр в сети Интернет является малоизученной темой, требующей дальнейшего исследования с учётом появления и развития судебной практики по ст. 272¹ УК РФ. Обширный перечень PD, обрабатываемый онлайн-казино, показывает, что преступные цели их применения весьма разнообразны и зависят от умысла лица и технологической привязки обеспечения жизнедеятельности человека к PD. Для того чтобы противодействовать данным деяниям, необходим комплекс мер, носящий гибридный правовой характер.

Список источников

1. Александров С.Г. Азартные игры как объект мошенничества // Общество и право. 2005. № 3(9). С. 140–142.
2. Аслаян Р.Г. Вопросы системы Особенной части уголовного права в контексте модернизации методологических основ науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 3(57). С. 16–23.
3. Панов С.Л. Интернет-казино и преступность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 2. С. 25–29.
4. Рязанова Е.Н. Ответственность за распространение персональных данных как способ противодействия правонарушениям в сфере информационно-коммуникаци-

¹ F.A.C.C.T. и «Лига Ставок» зафиксировали распространение схем с арендой чужих аккаунтов в ставках на спорт.
URL: https://safe.cnews.ru/news/line/2024-05-30_faccti_liga_stavok_zafiksirovali (дата обращения: 20.03.2025).

онных технологий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(95). С. 118–123. DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-3-118-123>

5. Усынин В. В. Уголовная ответственность за распространение в сети «Интернет» информации об азартных играх // Евразийская адвокатура. 2017. № 1(26). С. 113–115.

6. Бахтеев Д.В., Сосновикова А.М., Казенас Е.В. Преодоление нелегальной трансграничной передачи персональных данных // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2(4). С. 943–972.

7. Алихаджиева И.С. Законопроект № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ ... (в части установления ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные)»: научный комментарий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 2. С. 213–222.

8. Шутова А.А. Новеллы уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот персональных данных // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 166, № 6. С. 122–134.

9. Гриненко А.Б. Совершенствование правовых средств противодействия угрозам информационной безопасности Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3(42). С. 75–79. DOI: <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2024-42-3-75-79>

10. Гайфутдинов Р.Р. Уголовно-правовая характеристика посягательств на персональные данные, обрабатываемые в автоматизированных системах // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, № 4. С. 158–164.

References

1. Aleksandrov S.G. Azartnyye igry kak ob'yekt moshennichestva [Gambling as an object of fraud]. *Obshchestvo i pravo*, 2005, no. 3(9), pp. 140–142. (In Russ.).

2. Aslanyan R.G. Voprosy sistemy Osobennoy chasti ugolovno go prava v kontekste modernizatsii metodologicheskikh osnov nauki [Issues of the system of the Special Part of Criminal Law in the context of modernization of the methodological foundations of science]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2021, no. 3(57), pp. 16–23. (In Russ.).

3. Panov S.L. Internet-kazino i prestupnost' [Internet casinos and crime]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*, 2005, no. 2, pp. 25–29. (In Russ.).

4. Ryazanova E.N. Otvetstvennost' za rasprostraneniye personal'nykh dannykh kak sposob protivodeystviya pravonarusheniyam v sfere informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy [Liability for the dissemination of personal data as a way to combat offenses in the field of information and communication technologies]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2022, no. 3(95), pp. 118–123. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-3-118-123>

5. Usynin V.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za rasprostraneniye v seti "Internet" informatsii ob azartnykh igrakh [Criminal liability for dissemination of information about gambling on the Internet]. *Yevraziyskaya advokatura*, 2017, no. 1(26), pp. 113–115. (In Russ.).
6. Bakhteyev D.V., Sosnovikova A.M., Kazenas E.V. Preodoleniye nelegal'noy transgrannichnoy peredachi personal'nykh dannykh [Overcoming illegal cross-border transfer of personal data]. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2024, no. 2(4), pp. 943–972. (In Russ.).
7. Alikhadzhieva I.S. Zakonoprojekt No. 502113-8 "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks RF ... (v chasti ustanovleniya otvetstvennosti za nezakonnyye ispol'zovaniye i peredachu, sbor i khraneniye komp'yuternoy informatsii, sodержashchey personal'nyye dannye)": nauchnyy kommentariy [Bill No. 502113-8 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation... (in terms of establishing liability for the illegal use and transfer, collection and storage of computer information containing personal data)": scientific commentary]. *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke*, 2024, no. 2, pp. 213–222. (In Russ.).
8. Shutova A.A. Novelly ugolovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nezakonnyy oborot personal'nykh dannykh [Amendments to the criminal legislation on liability for illegal circulation of personal data]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 122–134. (In Russ.).
9. Grinenko A.B. Sovershenstvovaniye pravovykh sredstv protivodeystviya ugrozam informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Improving legal means of counteracting threats to information security of the Russian Federation]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2024, no. 3(42), pp. 75–79. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2024-42-3-75-79>
10. Gaifutdinov R.R. Ugolovno-pravovaya kharakteristika posyagatel'stv na personal'nyye dannye, obrabatyvayemyye v avtomatizirovannykh sistemakh [Criminal-legal characteristics of attacks on personal data processed in automated systems]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2014, vol. 156, no. 4, pp. 158–164. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

К.А. Ханджян – аспирант кафедры уголовного права и криминологии, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация),

✉ kliment0829@mail.ru

К.А. Khandzhyan – Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 26.03.2025;

одобрена после рецензирования / revised 07.08.2025;

принята к публикации / accepted 15.08.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 168–175.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 168–175.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/168-175>

Изменение подсудности в уголовном процессе как гарантия конституционного права на законный суд

Екатерина Евгеньевна Коновалова

Институт государства и права Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

✉ ee.konovalova@bk.ru

Аннотация. В соответствии с ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, ч. 3 ст. 8 УПК РФ каждый имеет право на то, чтобы уголовное дело было рассмотрено тем судом и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом. Однако при производстве по уголовному делу могут наступать обстоятельства, препятствующие рассмотрению дела в том суде и тем судьёй, которые predeterminedены общими правилами о подсудности. В статье анализируется история появления поединститута уголовно-процессуальной подсудности – изменения подсудности уголовных дел. Анализируются положения ранее действующего уголовно-процессуального законодательства на предмет наличия в нём аналогичных поединститутов. Делается вывод о том, что впервые термин «изменение подсудности» применительно к уголовному судопроизводству был употреблён в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 г. № 9-П, а в уголовно-процессуальном законодательстве рассматриваемый поединститут появился лишь с принятием УПК РФ 2001 г. Обобщаются правовые позиции Конституционного Суда РФ относительно изменения подсудности в уголовном процессе, чей учёт является одним из важнейших факторов обеспечения реализации в российском уголовном процессе права на рассмотрение дела тем судом и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом. Рассматривается вопрос о толковании норм об изменении подсудности в уголовном судопроизводстве в правоприменительной практике. В частности, приводится пример расширительного толкования ст. 35 УПК РФ и возможность её применения фактически на всех стадиях уголовного судопроизводства. Исследуются возможные практические проблемы, связанные с установлением подсудности ходатайств органов предварительного расследования на будущее судом, разрешающим вопрос об изменении подсудности. Делается вывод о не-

допустимости подобной практики, поскольку судебным решением, устанавливающим подсудность лишь для одной стороны уголовного процесса, способствует нарушению баланса интересов участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: подсудность, право на законный суд, изменение подсудности, уголовное судопроизводство, уголовное дело, основания изменения подсудности, подсудность ходатайства, подсудность жалоб, передача уголовного дела, определение подсудности

Для цитирования: Коновалова Е.Е. Изменение подсудности в уголовном процессе как гарантия конституционного права на законный суд // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 168–175.

Original article

Change of jurisdiction in criminal proceedings and its role in ensuring the constitutional right to a lawyer trial

Ekaterina E. Konovalova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

✉ ee.konovalova@bk.ru

Abstract. In accordance with Part 1 of Article 47 of the Constitution of the Russian Federation, Part 3 of Article 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, everyone has the right to have a criminal case heard by the court and the judge to whose jurisdiction it is assigned by law. However, during criminal proceedings, circumstances may arise that prevent the case from being heard by the court and the judge that are predetermined by the general rules on jurisdiction. The article analyzes the history of the emergence of a sub-institution of criminal procedural jurisdiction – a change in the jurisdiction of criminal cases. The provisions of the previously existing criminal procedural legislation are analyzed for the presence of similar sub-institutions. It is concluded that the term "change of jurisdiction" in relation to criminal proceedings was first used in the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 16.03.1998 No. 9-P, and the sub-institute under consideration appeared in the criminal procedural legislation only with the adoption of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001. The article summarizes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding changes in jurisdiction in criminal proceedings, the consideration of which is one of the most important factors in ensuring the implementation in Russian criminal proceedings of the right to have a case considered by the court and the judge to whose jurisdiction it is assigned by law. The issue of interpretation of the rules on changes in jurisdiction in criminal proceedings in law

enforcement practice is considered. In particular, an example of an expansive interpretation of Article 35 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the possibility of its application at virtually all stages of criminal proceedings are given. Possible practical problems related to the establishment of jurisdiction of petitions of preliminary investigation bodies for the future by the court resolving the issue of changing jurisdiction are examined. A conclusion is made about the inadmissibility of such a practice, since a court decision establishing jurisdiction for only one party to a criminal proceeding contributes to the violation of the balance of interests of the participants in criminal proceedings.

Keywords: jurisdiction, right to a legal trial, change of jurisdiction, criminal proceedings, criminal case, grounds for changing jurisdiction, jurisdiction of petition, jurisdiction of complaints, transfer of criminal case, determination of jurisdiction

For citation: Konovalova E.E. Change of jurisdiction in criminal proceedings and its role in ensuring the constitutional right to a lawyer trial. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 168–175. (In Russ.).

Уголовное судопроизводство не может обойтись без механизма, позволяющего избежать отказа в правосудии. При осуществлении уголовно-процессуальной деятельности по делу могут возникать объективные обстоятельства, исключающие возможность рассмотрения дела в том суде и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом. В российском уголовно-процессуальном законодательстве механизмом, позволяющим в такой ситуации избежать отказа в правосудии и передать уголовное дело в другой суд, которому дело не подсудно в силу общих правил подсудности, выступает подинститут уголовно-процессуальной подсудности – изменение подсудности. Его появление в уголовно-процессуальном законодательстве произошло после принятия в 1993 г. Конституции РФ и закрепления в ней права каждого на рассмотрение его дела тем судом и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом (ч. 1 ст. 47). С учётом указанной конституционной гарантии в УПК РФ 2001 г. чётко разграничены ранее не применяемые в доктрине и законодательстве понятия «передача уголовного дела по подсудности» и «изменение подсудности уголовного дела» (ст. 34, 35).

Некоторые уголовно-процессуальные механизмы, напоминающие изменение подсудности, существовали и в ранее действующем законодательстве. Так, например, Н.А. Быданцев отмечает, что в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. был аналог изменения территориальной подсудности – «перенесение уголовных дел» [1, с. 26]. Предыдущие уголовно-процессуальные кодексы оперировали понятием «передача уголовного дела из суда, которому оно подсудно, в другой суд» (например, ст. 32, 33, 34 УПК РСФСР 1922 г., ст. 30, 31, 32 УПК РСФСР 1923 г., ст. 44 УПК РСФСР 1960 г.). Аналогичная терминология «передача уголовных дел из одного суда в другой» использовалась в трудах советских процессуалистов [2, с. 44–54; 3, с. 271–272].

Закрепление в Конституции РФ 1993 г. права каждого на рассмотрение дела тем судом и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом, способствовало прекращению практики передачи уголовных дел без принятия соответствующего процессуального судебного акта. В 1998 г. было принято Постановление Конституционного Суда РФ № 9-П, которым ст. 44 УПК РСФСР была признана не соответствующей Конституции РФ, поскольку она допускала передачу дела из одного суда, которому оно подсудно, в другой суд без принятия процессуального судебного акта и при отсутствии указанных в самом процессуальном законе точных оснований (обстоятельств), по которым дело не может быть рассмотрено в том суде и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом¹. Примечательно, что именно в этом постановлении впервые был употреблён термин «изменение подсудности».

Важно, что чёткая регламентация изменения подсудности в российском уголовно-процессуальном законодательстве позволила избежать отступлений от «инстанционного потенциала пересмотра приговора и возможности обвиняемого по его обжалованию» [4, с. 6]. Как справедливо отмечается в литературе, в действующем российском законодательстве изменение подсудности не может привести к сокращению права на апелляционное, кассационное или надзорное обжалование приговора, а если оно и происходит, то вытекает из закона [4].

Введение поединститута изменения подсудности и его отграничение от передачи уголовного дела по подсудности призвано обеспечить реализацию принципа права на законный суд, гарантированного ч. 1 ст. 47 Конституции РФ. Изменение подсудности уголовного дела происходит при наличии оснований, указанных в ч. 1, 4 ст. 35 УПК РФ, ч. 2 ст. 16 Федерального конституционного закона «О военном положении», ч. 3 ст. 35 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении», и производится по определённой процедуре в зависимости от применяемого основания. Стоит отметить, что в настоящее время в законодательстве не конкретизирована детально процедура изменения подсудности по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 16 ФКЗ «О военном положении» и ч. 3 ст. 35 ФКЗ «О чрезвычайном положении» [5]. Передача уголовного дела по подсудности представляет собой процессуальное действие, возникающее при обнаружении судом, в который поступило уголовное дело, ошибки, и состоит в направлении уголовного дела в тот суд, которому оно подсудно.

Поскольку при изменении подсудности уголовное дело направляется в суд, к подсудности которого оно не было изначально отнесено законом, то применение данного поединститута должно носить исключительный характер.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 12. Ст. 1459.

Анализируя практику Конституционного Суда РФ¹ относительно изменения подсудности в уголовном судопроизводстве, можно выделить следующие ключевые положения:

- 1) изменение подсудности должно носить исключительный характер;
- 2) изменение подсудности уголовного дела возможно только путём принятия соответствующего процессуального судебного акта;
- 3) изменение подсудности допускается только при наличии указанных в законе оснований;
- 4) вопрос об изменении подсудности должен разрешаться судьёй в рамках состязательного судебного разбирательства при обеспечении его участникам гарантий справедливого правосудия;
- 5) при выборе суда, в который подлежит передача для рассмотрения уголовного дела, необходимо учитывать мнение сторон и принцип доступности правосудия.

Учёт приведённых правовых позиций Конституционного Суда РФ в правоприменительной практике является одним из факторов обеспечения реализации права на законный суд в уголовном процессе.

Примечательно, что в практической деятельности ч. 1 ст. 35 УПК РФ стала трактоваться как подразумевающая возможность заявления ходатайств об изменении территориальной подсудности не только уголовного дела, подлежащего рассмотрению в суде первой инстанции, но и при разрешении иных вопросов, входящих в компетенцию суда в уголовном процессе.

Практике известны случаи изменения подсудности материалов по жалобам, поданным в порядке ст. 125 УПК РФ², по апелляционным³ и кассацион-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Лушникова, А.С. Пушкарева и И.С. Пушкарева»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2023 № 967-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кузнецовой Анны Михайловны на нарушение её конституционных прав частью первой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционные определения Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24.11.2020 по делу № АПЛ20-403, от 29.09.2021 по делу № АПЛ21-339; от 10.02.2022 по делу № АПЛ22-1 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.07.2021 по делу № 32-АПУ21-9-К1; апелляционные определения Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 29.09.2022 по делу № АПЛ22-404, от 10.11.2022 по делу № АПЛ22-494, от 22.06.2023 по делу № АПЛ23-242, от 25.07.2023 по делу № АПЛ23-285 // СПС «КонсультантПлюс».

ным¹ жалобам. Интересен пример, когда по ходатайству следователя была изменена территориальная подсудность ходатайств органа предварительного расследования, подлежащих рассмотрению в порядке судебного контроля в соответствии со ст. 29, 125 УПК РФ, а также об избрании, изменении и продлении действия меры пресечения². Основанием изменения подсудности (передачи ходатайств органа предварительного расследования из Наро-Фоминского районного суда Московской области в Одинцовский городской суд Московской области) послужили обстоятельства, которые могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность судей Наро-Фоминского районного суда Московской области (показания одного из обвиняемых о возможной причастности к уголовно наказуемым деяниям конкретных должностных лиц указанного районного суда, наличие дружеских взаимоотношений у обвиняемого и указанных должностных лиц). Причём в данном случае была определена подсудность не одного ходатайства органа предварительного расследования, а подсудность всех таких ходатайств в будущем. Из резолютивной части определения, которым была изменена территориальная подсудность, следует, что она определена только в отношении стороны обвинения, но не стороны защиты, что видится нарушающим баланс интересов сторон.

В настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве имеются пробелы в регламентации некоторых правил подсудности. Так, в законе отсутствует чёткая регламентация вопроса о том, кто должен направлять копию такого определения другим участникам уголовного судопроизводства, например потерпевшим, которые также в стадии предварительного расследования вправе обжаловать действия органов предварительного расследования в порядке ст. 125 УПК РФ. Некоторые невластные участники уголовного процесса могут не знать о существовании такого решения об изменении подсудности и, соответственно, будут обращаться в суд согласно общим правилам подсудности. Это может повлечь множественность производств об изменении подсудности, на что обратил внимание К.Б. Калиновский. Он предложил «вместо изменения территориальной подсудности материалов судебно-контрольных производств изменять территориальную подследственность уголовного дела» [6].

В рассматриваемом примере был определён единственный конкретный суд для рассмотрения ходатайств органов предварительного расследования. Такое решение способно затруднить оперативность разрешения вопросов в данной стадии и повлечь нарушение принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Сложившаяся практика установления подсудности на весь период досудебного произ-

¹ Апелляционные определения Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26.05.2022 по делу № АПЛ22-190, от 25.05.2023 по делу № АПЛ23-140, от 15.06.2023 по делу № АПЛ23-196 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 28.12.2021 по делу № 55-1850/2021.

водства не учитывает, что в первоначально определённый суд могут быть назначены другие судьи, чья объективность и беспристрастность может не вызывать сомнений. Представляется, что практика применения положений об изменении подсудности также не должна оставаться без внимания, поскольку неправильное толкование норм о подсудности способно нарушить не только принцип осуществления правосудия только судом (а именно ч. 3 ст. 8 УПК РФ), но и иные принципы уголовного судопроизводства.

Таким образом, закрепление на конституционном уровне права на рассмотрение дела тем судом и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом, послужило предпосылкой для формирования подинститута уголовно-процессуальной подсудности – изменения подсудности уголовных дел. Данный подинститут играет важную роль в обеспечении права на рассмотрение дела тем судом и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом. Учёт рассмотренных правовых позиций Конституционного Суда РФ является одним из существенных условий реализации права на законный суд.

Список источников

1. Быданцев Н.А. «О перенесении дел». Преимственность в вопросе изменения подсудности уголовных дел // 160 лет Великой судебной реформе: материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 22 нояб. 2024 г. / под ред. Ю.В. Виниченко, Е.В. Карпеевой, Р.В. Мазюка. Иркутск, 2025. С. 25–30.
2. Гусев Л.Н. Подсудность уголовных дел. М., 1955. 111 с.
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. М., 1968. 470 с.
4. Головкин Л. В. Институт подсудности в уголовном процессе: границы между ценностным и техническим измерением // Институт подсудности в уголовном процессе: материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 года. М., 2024. С. 5–14.
5. Чекулаев Д.П. Критерии для определения территориальной подсудности уголовного дела: доктринальные вопросы и нормативные пробелы // Институт подсудности в уголовном процессе: материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 года. М., 2024. С. 116–130.
6. Калиновский К.Б. Изменение территориальной подсудности жалобы и ходатайства // Уголовный процесс. 2023. № 1. С. 11.

References

1. Bydantsev N.A. "O perenesenii del". Preemstvennost' v voprose izmeneniya podsudnosti ugotovnyh del ["On the transfer of cases". Continuity in the issue of changing the jurisdiction of criminal cases]. *160 let Velikoj sudebnoj reforme: materialy mezhdunar.*

nauch.-prakt. konf., Irkutsk, 22 noyab. 2024 g. / pod red. Yu.V. Vinichenko, E.V. Karpeevoy, R.V. Mazyuka. Irkutsk, 2025. P. 25–30. (In Russ.).

2. Gusev L.N. *Podsudnost' ugovolnyh del* [Jurisdiction of criminal cases]. M., 1955. 111 p. (In Russ.).

3. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. Tom 1* [Course of Soviet criminal procedure. Volume 1]. M., 1968. 470 p. (In Russ.).

4. Golovko L.V. *Institut podsudnosti v ugovolnom processe: granicy mezhdru cennostnym i tekhnicheskim izmereniam* [Institute of jurisdiction in criminal proceedings: the boundaries between the value and technical dimensions]. *Institut podsudnosti v ugovolnom processe: materialy I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy rossijskogo ugovolnogo processa»*, g. Moskva, 29 marta 2024 goda. M., 2024. P. 5–14. (In Russ.).

5. Chekulaev D.P. *Kriterii dlya opredeleniya territorial'noj podsudnosti ugovolnogo dela: doktrinal'nye voprosy i normativnye probely* [Criteria for determining the territorial jurisdiction of a criminal case: doctrinal issues and regulatory gaps]. *Institut podsudnosti v ugovolnom processe: materialy I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy rossijskogo ugovolnogo processa»*, g. Moskva, 29 marta 2024 goda. M., 2024. P. 116–130. (In Russ.).

6. Kalinovskiy K.B. *Izmenenie territorial'noj podsudnosti zhaloby i hodatajstva* [Changing the territorial jurisdiction of a complaint and a petition]. *Ugovolnyj process*, 2023, no. 1, p. 11. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Е.Е. Коновалова – младший научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук (Москва, Российская Федерация),

✉ ee.konovalova@bk.ru

E.E. Konovalova – Junior Research Fellow at the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 28.07.2025;

одобрена после рецензирования / revised 07.08.2025;

принята к публикации / accepted 14.08.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 176–188.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 176–188.

Научная статья

УДК 343.2:340.132

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/176-188>

Понятие и критерии разграничения общепризнанных принципов и общепризнанных норм международного уголовного права как части российской уголовно-правовой системы

Мария Дмитриевна Луцаева

Сибирский федеральный университет,

Красноярск, Российская Федерация

✉ lusmaria777@yandex.ru

Аннотация. Понятия общепризнанного принципа и общепризнанной нормы международного права на международном уровне отсутствуют, их разъяснения приведены только на национальном уровне – в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10 октября 2003 г. № 5. На основании этого толкования достаточно сложно установить, как общепризнанные принципы и общепризнанные нормы международного права соотносятся между собой. В комментариях к вышеупомянутому Постановлению и в доктрине предлагаются различные критерии их разграничения, такие как: содержание общепризнанных принципов и норм международного права, уровень международного документа, в котором они закреплены, императивный или диспозитивный характер. Однако сфера уголовно-правового регулирования в Российской Федерации имеет свои особенности, вследствие которых не все предложенные критерии можно применить в отношении общепризнанных принципов и норм международного уголовного права. В связи с этим автором была поставлена *цель* – выявить критерии, которые можно использовать в области уголовного права, и проверить их эффективность. В качестве примеров были рассмотрены общепризнанный принцип международного права «нет преступления без указания на то в законе» и общепризнанная норма международного права о запрете рабства и работорговли. В заключении автором были предложены возможные дополнения приведённых в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

10 октября 2003 г. № 5 толкований с учётом отражения особенностей общепризнанных принципов и норм международного уголовного права.

Ключевые слова: общепризнанные принципы международного уголовного права, общепризнанные нормы международного уголовного права, международное уголовное право, российское уголовное право, российская уголовно-правовая система, международные договоры, международно-правовые обычаи, императивные нормы, имплементация, Уголовный кодекс Российской Федерации

Для цитирования: Луцаева М.Д. Понятие и критерии разграничения общепризнанных принципов и общепризнанных норм международного уголовного права как части российской уголовно-правовой системы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 176–188.

Original article

The concept and criteria of differentiation of generally recognized principles and generally recognized norms of international criminal law as a part of the Russian criminal law system

Maria D. Lushchava

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

✉ lusmaria777@yandex.ru

Abstract. There are no concepts of a generally recognized principle and a generally recognized norm of international law at the international level, and their explanations are given only at the national level in Resolution No. 5 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the Application by Courts of General Jurisdiction of Generally Recognized Principles and Norms of International Law and International Treaties of the Russian Federation» dated 10.10.2003. Based on this interpretation, it is quite difficult to establish how generally accepted principles and generally accepted norms of international law relate to each other. The commentary to the above-mentioned Resolution and the doctrine propose various criteria for their differentiation, such as: the content of generally recognized principles and norms of international law, the level of the international document in which they are enshrined, imperative or dispositive nature. However, the sphere of criminal law regulation in the Russian Federation has its own peculiarities, as a result of which not all the proposed criteria can be applied to generally recognized principles and norms of international criminal law. In this regard, the author set a goal to identify criteria that can be used in the field of criminal law and to test their effectiveness. The generally recognized principle of international law «there is no crime without an indication in the law» and the generally recognized norm of international law on the prohibition of slavery and the slave

trade were considered as the examples. In conclusion, the author proposed possible additions to the interpretations given in the Resolution No. 5 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.10.2003, taking into account the reflection of the peculiarities of generally recognized principles and norms of international criminal law.

Keywords: generally recognized principles of international criminal law, generally recognized norms of international criminal law, international criminal law, Russian criminal law, Russian criminal law system, international treaties, international legal customs, peremptory norms, implementation, Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Lushchaeva M.D. The concept and criteria of differentiation of generally recognized principles and generally recognized norms of international criminal law as a part of the Russian criminal law system. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 176–188. (In Russ.).

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах РФ» от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ общепризнанные принципы и нормы международного права, как и международные договоры, являются частью правовой системы Российской Федерации и, следовательно, частью российской уголовно-правовой системы.

Разъяснение того, что следует считать общепризнанными принципами международного права, дано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10 октября 2003 г. № 5 (далее – постановление Пленума ВС РФ 2003 г.), в соответствии с которым под принципами следует понимать «основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо» [1]. В свою очередь, понятие императивной нормы международного права раскрывается в ст. 53 Венской конвенции 1969 г. [2]. Можно заметить, что Пленум ВС РФ частично использовал это определение. Сразу же после этого приводятся два примера таких принципов: принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

В этом же Постановлении даётся и разъяснение того, что следует считать общепризнанной нормой международного права: «это правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного» [1]. Далее указано, что содержание общепризнанных принципов и норм может раскрываться, в том числе, в документах ООН и её специализированных учреждений.

У общепризнанных принципов и норм есть один общий критерий – общепризнанность. Обращаясь к толкованиям, данным Верховным Судом РФ, можно устано-

вить, что общепризнанность содержится в словах «принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом». В доктрине нет единства мнений по поводу того, должно ли такое признание исходить от всех или почти от всех государств. На наш взгляд, второй вариант видится наиболее реальным, поскольку в настоящее время один только вопрос о точном количестве государств уже служит поводом для дискуссии. А.Н. Талалаев в комментарии к ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров анализирует данную формулировку и ссылается на разъяснение председателя Редакционного комитета Венской конференции профессора М. Ясина, отметившего, что смысл данного выражения заключается в том, чтобы «одно отдельно взятое государство или группа государств своим отказом признать ту или иную норму международного права в качестве императивной не могли бы повлиять на её характер, т.е. они не имели бы права вето при создании нормы *jus cogens*» [3, с. 143]. Таким образом, если даже по отношению к императивной норме, по смыслу Венской конвенции, не требуется признание всех государств, то и применительно к общепризнанным принципам (которые всегда императивны) и общепризнанным нормам (которые могут носить как императивный, так и диспозитивный характер, о чём будет сказано далее), рассмотренным в Постановлении ВС РФ 2003 г., можно распространить такой подход. Многие другие учёные также солидарны в том, что речь идёт про одобрение общепризнанных принципов и норм международного права всеми или большинством государств [4; 5; 6; 7; 8].

В связи с этим важным видится вопрос о том, сколько и какие государства должны признать общепризнанный принцип или норму международного права. И.И. Лукашук придерживается позиции, согласно которой необходимо устанавливать два критерия: количественный и качественный (должно быть признание всеми основными политическими, социально-экономическими и правовыми системами, всеми континентами) [4]. Такой подход поддерживает и конкретизирует Ю.С. Ромашов, говоря, что при выборе этих критериев «должны учитываться природа и характер рассматриваемой международно-правовой нормы, предметная область, которую она затрагивает; принцип суверенного равенства государств; роль, которую играет та или иная международная норма в жизни конкретного государства, в регулировании межгосударственных отношений друг с другом» [5, с. 34]. П.П. Кремнев считает, что в понятие «почти все государства» должны в обязательном порядке входить все постоянные члены Совета Безопасности ООН, в противном случае возникают вопросы о возможности обеспечения выполнения принципов и норм, не получивших признания хотя бы одного из постоянных членов СБ ООН [9].

В свою очередь, слова «принимается и признаётся» означают, что появление принципов и норм – это всегда результат соглашения между государствами (молчаливое в форме обычая или явно выраженное – универсальный международный договор), они не могут возникать по решению свыше или по соглашению международ-

ных организаций [3]. П.П. Кремнев отмечает, что Редакционным комитетом при обсуждении ст. 53 Венской конвенции 1969 г. было указано на использование двух терминов: в английской версии текста ст. 38 Статута Международного Суда ООН по отношению к конвенциям, договорам и общим принципам права используется понятие «признаваемая», а по отношению к международным обычаям – «принимаемая» [9].

Ещё одним важным вопросом является то, как государство соглашается с действием общепризнанных принципов и норм, существующих в форме обычая. По отношению к договорным принципам и нормам этот вопрос не вызывает сомнений – это делается одним из способов выражения согласия с соответствующим международным договором. По поставленному вопросу в отношении обычая в доктрине сложились две основные точки зрения: 1) государство должно выразить своё согласие [7]; 2) согласие презюмируется, если государство активно не возражает (не заявляет протест) [10]. На наш взгляд, верной видится вторая позиция. Следовательно, если РФ явно не отказывается от признания существующей в форме обычая той или иной нормы общепризнанной, то считается, что Россия согласна с её действием, и доказывать такое согласие не нужно.

Из приведённых положений остаётся не до конца ясным, как общепризнанные принципы и нормы международного права разграничиваются между собой. Соответствующие критерии приводятся только в комментариях и доктрине. Более того, это скорее исключение, чем правило, поскольку чаще всего учёные рассматривают общепризнанные принципы и нормы международного права как неделимое целое. О.А. Кузнецова отмечает, что в конституциях многих государств используется исключительно категория «общепризнанные нормы международного права», однако в РФ эти понятия разделены (например, в ст. 63, 67 Конституции РФ упоминаются только общепризнанные нормы, а в ст. 15, 17 Конституции РФ – как принципы, так и нормы), это ставит вопрос об их соотношении друг с другом [11]. В связи с этим важным видится изучить предложенные в доктрине критерии и определить те из них, которые могут применяться в уголовно-правовой сфере.

Авторы комментария к Постановлению Пленума ВС РФ 2003 г. пишут, что общепризнанные принципы и нормы соотносятся как общие и специальные, поскольку «общепризнанный принцип международного права всегда представляет собой императивную общепризнанную норму международного права, однако не всякая общепризнанная норма международного права, даже будучи императивной по своему характеру, является общепризнанным принципом» [12]. Другими словами, общепризнанные принципы – это тоже нормы, только наиболее значимые, т.е. нормы наиболее общего порядка. Тот же критерий чаще всего выделяют и в доктрине [8]. Действительно, в позиции ВС РФ прямо указано, что все общепризнанные принципы являются основополагающими императивными *нормами* международного права. С таким под-

ходом стоит согласиться: это и есть первый и основной критерий разграничения, который напрямую вытекает из анализа содержания принципов и норм. Также следует добавить, что, как правило, в связи с абстрактной формулировкой общепризнанные принципы международного права часто конкретизируются в других нормах (как на международном, так и на внутрисударственном уровнях).

Кроме того, О.Н. Ведерникова и Б.Л. Зимненко отмечают, что общепризнанные принципы и нормы отличаются друг от друга в зависимости от уровня международного документа, в котором они содержатся: принципы закреплены в Уставе ООН, в то время как нормы – в других документах, принятых в рамках ООН (пактах, конвенциях, декларациях, меморандумах, хартиях и др.) [12]. На наш взгляд, данный критерий не является безупречным, поскольку к общепризнанным принципам принято относить не только общеправовые принципы, но и отраслевые принципы, которые содержатся в разных документах. Об этом далее пишут и сами авторы данного комментария, что, на наш взгляд, не вполне соответствует их выводу об уровне документа, в котором могут быть предусмотрены эти принципы и нормы.

Так, они выделяют следующие отраслевые общепризнанные принципы в международном уголовном праве: отсутствие преступления и наказания без указания на то в законе (принцип законности); равенство всех перед законом и судом (принцип равенства); запрещение ретроактивного применения норм уголовного закона, ухудшающего положение лица; обратная сила закона, смягчающего наказание; запрет пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (принцип гуманизма); запрет смертной казни [12]. Данные принципы закреплены в Пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – Пакт 1966 г.): запрет пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ст. 7), принцип гуманного обращения (ст. 10), равенство всех перед законом и судом (ст. 14, 26), отсутствие преступления и наказания без указания на то в законе (ст. 15), обратная сила закона, смягчающего наказание (ст. 15) [13], а также во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.: ст. 5, 7, 10, 11 [14]. Кроме того, в Пакте 1966 г. содержатся и некоторые другие принципы международного уголовного права, не упомянутые авторами: например, принцип справедливости *non bis in idem* (ч. 7 ст. 14 Пакта 1966 г.).

Аналогичный подход о множественности источников, содержащих общепризнанные принципы международного права, можно проследить и в доктрине. Так, А.П. Кузнецов считает, что, помимо вышеуказанных документов, общепризнанные принципы международного уголовного права содержатся в Уставе Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала), Декларации о принципах международного права 1970 г., Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. [15].

Как уже было сказано, и общепризнанные принципы международного уголовного права, и общепризнанные нормы международного уголовного права должны признаваться почти всеми государствами, следовательно, перечни международно-правовых документов, в которых они закреплены, во многом совпадают. Однако документов, в которых содержатся общепризнанные нормы, больше. Во-первых, многие общепризнанные принципы конкретизируются в нормах (например, запрет пыток – в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания). Во-вторых, достаточно часто значение одной общепризнанной нормы раскрывается в разных международных договорах (например, запрет рабства и работорговли закреплён в нескольких самостоятельных конвенциях). В-третьих, иногда ввиду ратификации какой-либо из конвенций большинством государств содержащиеся в ней нормы становятся общепризнанными (например, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.).

Также важно отметить, что общепризнанные принципы и нормы международного уголовного права могут возникать двумя способами: либо изначально формулироваться в универсальных международных документах (что и будет свидетельством их общепризнанности), либо возникать в форме универсальных международно-правовых обычаев. Иногда со временем такие международные обычаи закрепляются и конкретизируются в региональных конвенциях или двусторонних договорах, однако в таком случае речь идёт об использовании уже существующих общепризнанных принципов или норм. Так, например, общепризнанный принцип «выдай или суди» изначально появился в качестве международного обычая, а затем был сформулирован в Европейской конвенции о выдаче 1957 г. (ч. 2 ст. 6: «Если запрашиваемая Сторона не выдаёт своего гражданина, она по просьбе запрашивающей Стороны передаёт дело своим компетентным органам для осуществления судопроизводства, если оно будет необходимым») [16]. Таким образом, общепризнанный принцип, сложившийся в качестве международно-правового обычая, тоже впоследствии может быть закреплён в региональной конвенции, однако общепризнанным он становится не благодаря этому, а до его нормативного оформления. Следовательно, нельзя говорить о том, что данный принцип действует только в отношении государств – участников конвенции; остальные государства также обязаны его соблюдать. Однако в их правовой системе он может иметь иной статус, поскольку существует только в форме международного обычая. В свою очередь, если до закрепления той или иной нормы в региональной конвенции соответствующий обычай не сложился, то такую норму нельзя признать общепризнанной.

Помимо этого, в доктрине указывают, что общепризнанные принципы международного права всегда императивны (т.е. они всегда являются нормами *jus cogens*), в то время как общепризнанные нормы международного права могут иметь как им-

перативный, так и диспозитивный характер [8; 17]. Пленум ВС РФ 2003 г. также указывает на императивность только в определении общепризнанного принципа: «отклонение от которого недопустимо». Однако важно отметить, что в такой отрасли права, как уголовное, все общепризнанные нормы носят императивный характер [18]. В связи с этим названный критерий может применяться только в отношении регулятивных отраслей права.

Таким образом, чтобы признать ту или иную норму общепризнанным принципом международного уголовного права или общепризнанной нормой международного уголовного права, необходимо установить: 1) общепризнанность; 2) императивный характер. В свою очередь, критерий разграничения соответствующих принципов и норм будет только один – содержательный: принципы – это нормы наиболее общего характера, затрагивающие основополагающие вопросы международных отношений.

Проверим состоятельность такого вывода на конкретных примерах.

В качестве общепризнанного принципа рассмотрим предложенный авторами комментария принцип законности: «нет преступления без указания на то в законе». Его общепризнанность не вызывает сомнений, поскольку он закреплён в Пакте о гражданских и политических правах 1966 г., ратифицированном более чем 170 государствами. Более того, ещё раньше он нашёл отражение в ст. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., которая хотя и не имеет обязательного характера в силу того, что не является международным договором, однако подтверждает общепризнанность большого количества норм, изначально появившихся в форме международно-правовых обычаев. Императивность данного принципа также непосредственно вытекает из его содержания. Что касается содержательного аспекта, то данный принцип требует конкретизации, которая осуществляется на национальном уровне. Так, в России в общем виде он имплементирован в ч. 1 ст. 3 УК РФ: преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом; а его разъяснение происходит с помощью совокупности последующих норм.

Примером общепризнанной нормы является запрет рабства и работорговли. Он содержится во Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., Конвенции о рабстве 1926 г., Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, 1956 г. и в Пакте о гражданских и политических правах 1966 г. Однако вышеупомянутые Конвенции многие государства не ратифицировали. В связи этим именно закрепление запрета в Пакте 1966 г. позволяет говорить о его общепризнанности. Между тем императивность доказывать не требуется, поскольку она следует из его содержания. Необходимо отметить, что данная общепризнанная норма имплементирована в УК РФ: в ст. 127¹, запрещающую торговлю людьми, и в ст. 127², не допускающую использование рабского труда. И хотя её содержание, в отличие от общепризнанного принципа, более конкретно, это не

исключает обращение к вспомогательным источникам для его установления. Однако ими будут выступать уже не другие нормы Уголовного кодекса, а Постановление Пленума РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми». Именно в уровне источника конкретизации можно заметить содержательный критерий отличия имплементированного общепризнанного принципа международного уголовного права от имплементированной общепризнанной нормы.

Подводя итоги, подчеркнём важность официального закрепления критериев разграничения общепризнанных принципов и общепризнанных норм международного права, а также отметим особенности общепризнанных принципов и норм международного уголовного права. В связи с отсутствием данных критериев на международном уровне видится целесообразным дополнить толкования общепризнанного принципа и общепризнанной нормы, которые приводятся в Постановлении Пленума ВС РФ 2003 г., следующим образом:

Общепризнанные принципы международного права – это основополагающие императивные нормы международного права наиболее общего характера, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. Общепризнанные принципы международного уголовного права позволяют единообразно регулировать и охранять определённые данной отраслью группы наиболее важных общественных отношений независимо от государственной принадлежности действующих на различных территориях источников правового регулирования, оказывают влияние на все государства и на каждого человека.

Общепризнанная норма международного права – это правило поведения как императивного, так и диспозитивного характера, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. В уголовно-правовой сфере все общепризнанные нормы являются императивными.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) // URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Венская конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969 // URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров: Комментарий. Москва: Юрид. лит., 1997. 333 с.
4. Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. Москва: Спарк, 1997. 321 с.

5. Ромашов Ю.С. Об условиях формирования общепризнанных норм // Московский журнал международного права. 1999. № 2. С. 32–40.
6. Талалаев А.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации // Московский журнал международного права. 1994. № 4. С. 3–15.
7. Толстик В.А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 67–77.
8. Зарубаева Е.Ю. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в правовой системе России: институционально-сравнительное исследование: монография. Москва: Издательство УДМУ МГАВТ, 2003. 224 с.
9. Кремнев П.П. Общепризнанные принципы общего международного права в системе российского права // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2018. № 6. С. 19–33.
10. Лукашук И.И. Конституция России и международное право // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 года). Москва: Международные отношения, 2004. С. 43–47.
11. Кузнецова О.А. Основные подходы к дефинированию понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» // Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 15-летию Конституции РФ (Москва, 03–04 декабря 2009 года). Том 2. Москва: ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», 2009. С. 29–35.
12. Ведерникова О.Н., Зимненко Б.Л. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в ред. от 05.03.2013 г.) // URL: <http://www.consultant.ru>.
13. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 // URL: <http://www.consultant.ru>.
14. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 г. // URL: <http://www.consultant.ru>.
15. Кузнецов А.П. Принципы международного уголовного права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 452–455.
16. Европейская конвенция о выдаче от 13.12.1957 г. // URL: <http://www.consultant.ru>.
17. Тиунов О.И. О статусе общепризнанных принципов и норм международного права // Влияние международного права на национальное законодательство: мате-

риалы заседания Международной школы-практикума молодых учёных-юристов (Москва, 24–26 мая 2007 года). Москва: ООО «Издательский дом «Юриспруденция», 2007. С. 31–34.

18. Шибков О.Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 167 с.

References

1. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF «O primenenii sudami obshchej yurisdikcii obshchepriznannykh principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh dogovorov Rossijskoj Federacii» ot 10.10.2003 № 5 (red. ot 05.03.2013) [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the application by courts of general jurisdiction of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation» No. 5 dated 10.10.2003 (as amended on 05.03.2013)] // URL: <http://www.consultant.ru>. (In Russ.).

2. Venskaya konvenciya o prave mezhdunarodnykh dogovorov ot 23.05.1969 [Vienna Convention on the law of international treaties dated 05.23.1969] // URL: <http://www.consultant.ru>. (In Russ.).

3. Talalaev A.N. Venskaya konventsiya o prave mezhdunarodnykh dogovorov: Kommentarii [The Vienna Convention on the law of international treaties: Commentary]. Moscow: Yurid. lit., 1997, 333 p. (In Russ.).

4. Lukashuk I.I. Normy mezhdunarodnogo prava v mezhdunarodnoi normativnoi sisteme [Norms of international law in the international normative system]. Moscow: Spark, 1997, 321 p. (In Russ.).

5. Romashov YU.S. Ob usloviyakh formirovaniya obshchepriznannykh norm [On the conditions of formation of generally recognized norms]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 1999, no. 2, pp. 32–40. (In Russ.).

6. Talalaev A.N. Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava i Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii [Correlation of international and domestic law and the Constitution of the Russian Federation]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 1994, no. 4, pp. 3–15. (In Russ.).

7. Tolstik V.A. Obshchepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava v pravovoi sisteme Rossii [Generally recognized principles and norms of international law in the Russian legal system]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2000, no. 8, pp. 67–77. (In Russ.).

8. Zarubaeva E.Yu. Obshchepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnye dogovory v pravovoi sisteme Rossii: institutsional'no-sravnitel'noe issledovanie: monografiya [Generally recognized principles and norms of international law and international treaties in the Russian legal system: an institutional and comparative study: monograph]. Moscow: Izdatel'stvo UDMU MGAVT, 2003, 224 p. (In Russ.).

9. Kremnev P.P. Obshchepriznannye printsipy obshchego mezhdunarodnogo prava v sisteme rossiiskogo prava [Generally recognized principles of general international law in the system of Russian law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*, 2018, no. 6, pp. 19–33. (In Russ.).

10. Lukashuk I.I. Konstitutsiya Rossii i mezhdunarodnoe pravo [The Constitution of Russia and international law]. *Obshchepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava, mezhdunarodnye dogovory v praktike konstitutsionnogo pravosudiya: materialy Vserossiiskogo soveshchaniya*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, pp. 43–47. (In Russ.).

11. Kuznetsova O.A. Osnovnye podkhody k definirovaniyu ponyatiya «obshchepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava» [Basic approaches to defining the concept of “generally recognized principles and norms of international law”]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 15-letiyu Konstitutsii RF. Tom 2*. Moscow: Kutafin Moscow State Law University, 2009, pp. 29–35. (In Russ.).

12. Vedernikova O.N., Zimnenko B.L. Kommentarii k Postanovleniyu Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 10 oktyabrya 2003 goda № 5 «O primenenii sudami obshchei yurisdiksii obshchepriznannykh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh dogovorov Rossiiskoi Federatsii» (v red. ot 05.03.2013) [Commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On the application by courts of general jurisdiction of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation” No. 5 dated 10.10.2003 (ed. dated 05.03.2013)] // URL: <http://www.consultant.ru>. (In Russ.).

13. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah ot 16.12.1966 [International Covenant on civil and political rights dated 12.16.1966] // URL: <http://www.consultant.ru>. (In Russ.).

14. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka ot 10.12.1948 g. [Universal Declaration of human rights dated 12.10.1948] // URL: <http://www.consultant.ru>. (In Russ.).

15. Kuznetsov A.P. Printsipy mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Principles of international criminal law]. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2020, no. 14, pp. 452–455. (In Russ.).

16. Evropejskaya konvenciya o vydache ot 13.12.1957 g. [European Convention on extradition dated 12.13.1957] // URL: <http://www.consultant.ru>. (In Russ.).

17. Tiunov O.I. O statuse obshchepriznannykh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava [On the status of generally recognized principles and norms of international law]. *Vliyanie mezhdunarodnogo prava na natsional'noe zakonodatel'stvo: materialy zasedaniya Mezhdunarodnoi shkoly-praktikuma molodykh uchenykh-yuristov*. Moscow: Publishing house Yurisprudencia, 2007, pp. 31–34. (In Russ.).

18. Shibkov O.N. Printsipy i normy mezhdunarodnogo prava kak istochniki ugolovnogo prava. [Principles and norms of international law as sources of criminal law]: Ph. D. thesis. Stavropol, 2000, 167 p. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

М.Д. Лушаева – ассистент кафедры уголовного права Юридического института; аспирант 1 года обучения, научная специальность 5.1.4 Уголовно-правовые науки, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Российская Федерация),

✉ lusmaria777@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-1397-7757>

M.D. Lushchaeva – Assistant of the Department of Criminal Law at the Law Institute; a 1-year Postgraduate Student, Scientific Specialty 5.1.4 Criminal Law Sciences, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 27.07.2025;

одобрена после рецензирования / revised 07.08.2025;

принята к публикации / accepted 17.08.2025.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 189–209.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 189–209.

Научная статья

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/189-209>

Правовое регулирование криптовалюты в сфере уголовного права: анализ законодательства Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Объединённых Арабских Эмиратов

Денис Эдуардович Алехин

Московская коллегия адвокатов «Grad»,

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,

Москва, Российская Федерация

✉ alekhin@gradfirm.ru

Аннотация. С момента появления Биткойна в 2009 году криптовалюты росли в геометрической прогрессии и привлекали интерес со стороны инвесторов, правительств и финансовых учреждений. В связи с растущим влиянием на мировую финансовую систему, а также увеличением количеств преступлений, совершаемых с их помощью, появилась необходимость правового регулирования криптовалют на уровне уголовного права. В различных странах мира вырабатываются подходы к предотвращению незаконного использования криптовалют. Однако существующие правовые рамки и механизмы значительно различаются между государствами. Статья посвящена анализу законодательства в области уголовного регулирования криптовалют в Российской Федерации, Китайской Народной Республике и Объединённых Арабских Эмиратах.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе проведённого комплексного сравнительного анализа уголовно-правового регулирования криптовалют в трёх странах выявить ключевые тенденции, проблемы и возможности для совершенствования законодательной базы. Были изучены правовые акты и судебная практика рассматриваемых стран, которые применяются в отношении криптовалют, а также определены степени эффективности мер, направленных на борьбу с криптопреступностью.

Методологическая база исследования включает сравнительно-правовой анализ, который позволяет выявить сходства и различия в регулировании криптовалют в указанных странах. Также использованы формально-юридический метод для анали-

за правовых норм и системный подход для оценки влияния этих норм на криминализацию действий, связанных с криптовалютами.

Результаты исследования показали, что в Российской Федерации и КНР уголовное законодательство в отношении криптовалют носит жёсткий характер, тогда как в ОАЭ наблюдается более либеральный подход, направленный на развитие криптоэкономики. Российская Федерация пока не признала криптовалюты законным платёжным средством, но ужесточила законодательство ПОД/ФТ, что создаёт трудности для криптовалютного бизнеса. Выводы подчёркивают необходимость гармонизации международных норм и усиления правового контроля за операциями с криптовалютами, учитывая национальные и международные тенденции.

Ключевые слова: криптовалюта, виртуальная валюта, цифровая валюта, блокчейн, цифровые активы, легализация, преступление, уголовное законодательство

Для цитирования: Алёхин Д.Э. Правовое регулирование криптовалюты в сфере уголовного права: анализ законодательства Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Объединённых Арабских Эмиратов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 3. С. 189–209.

Original article

Criminal law regulation of cryptocurrencies: analysis of the legislation of the Russian Federation, the People's Republic of China, and the United Arab Emirates

Denis E. Alekhin

Moscow Bar Association «Grad»,
Kutafin Moscow State Law University,
Moscow, Russian Federation
✉ alekhin@gradfirm.ru

Abstract. Since the emergence of Bitcoin in 2009, cryptocurrencies have grown exponentially attracting the interest of investors, governments, and financial institutions. Due to their increasing impact on the global financial system, as well as the rising number of crimes committed with their help, the need for legal regulation of cryptocurrencies in the realm of criminal law has appeared. Various countries around the world are developing approaches to prevent the illegal use of cryptocurrencies. However, existing legal frameworks and mechanisms vary significantly between states. This article examines the legislation on the criminal regulation of cryptocurrencies in the Russian Federation, the People's Republic of China and the United Arab Emirates.

The purpose of the study is to identify key trends, problems and opportunities for improving the legislative framework based on a comprehensive comparative analysis of the

criminal-legal regulation of cryptocurrencies in three countries. The legal acts and judicial practice of the countries under consideration that are applied to cryptocurrencies were studied, and the degrees of effectiveness of measures aimed at combating cryptocrime were determined.

The methodological basis of the research includes a comparative legal analysis which allows for identify similarities and differences in the regulation of cryptocurrencies in these countries. The formal legal method was also used to analyze legal norms and a systematic approach to assess the impact of these norms on the criminalization of actions related to cryptocurrencies.

The results of the study showed that in the Russian Federation and China criminal legislation in relation to cryptocurrencies is strict while in the UAE there is a more liberal approach aimed at developing the crypto economy. Russian Federation has not yet recognized cryptocurrencies as legal tender, but has tightened AML/CFT legislation which creates difficulties for the cryptocurrency business. The conclusions emphasize the need for harmonization of international norms and strengthening legal control over cryptocurrency transactions taking into account national and international trends.

Keywords: cryptocurrency, virtual currency, digital currency, blockchain, digital assets, legalization, crime, criminal legislation

For citation: Alekhin D.E. Criminal law regulation of cryptocurrencies: analysis of the legislation of the Russian Federation, the People's Republic of China, and the United Arab Emirates. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 189–209. (In Russ.).

Введение

В условиях активного развития технологий и появления новых видов финансовых активов в мировой экономике правовое регулирование криптовалюты имеет повышенное значение, так как криптоактивы являются популярным инструментом совершения различных видов преступлений, таких как отмывание денег, финансирование терроризма, мошенничество и другие. Появление криптовалютного рынка стало вызовом как для уголовного законодательства, так и для правоохранительных органов в различных странах. Анализ правового регулирования криптовалюты уголовным законодательством Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Объединённых Арабских Эмиратов продиктовано сложившейся геополитической обстановкой. По причине применения санкций в отношении Российской Федерации со стороны западных стран наша страна начала активно развивать сотрудничество в восточном направлении, а именно с Китайской Народной Республикой и Объединёнными Арабскими Эмиратами.

Сравнение уголовного законодательства РФ, Китая и ОАЭ при регулировании криптовалютных преступлений обосновано различиями в их правовых традициях,

подходах к регулированию криптоактивов и особенностями национальных интересов. РФ и Китай следуют континентальной правовой системе, что позволяет сравнительно исследовать их подходы в рамках единых правовых принципов. Однако Китай сочетает это с элементами социалистического права, что накладывает на регулирование криптовалют дополнительные ограничения. ОАЭ, со своей стороны, основывается на смешанной правовой системе, где сочетаются элементы англосаксонского и шариатского права, что делает их опыт интересным для анализа в контексте либерализации регулирования криптоактивов.

Опыт Китая является весьма релевантным для Российской Федерации в силу схожести политико-экономических условий и жесткой позиции государства в отношении криптовалют. Оба государства придерживаются осторожного подхода, стремясь не допустить использования криптовалют для незаконных операций, таких как отмывание денег и финансирование терроризма. Российские законодатели могут заимствовать китайский опыт в части контроля за майнингом и криптобиржами, а также интеграции криптовалютных технологий с государственными цифровыми платформами. Кроме того, российское законодательство может учесть некоторые либеральные элементы ОАЭ, такие как правовая защита криптоинвесторов и разработка правовых основ для применения криптовалют в международной торговле, что способствует развитию новых секторов экономики.

Российская Федерация, Китайская Народная Республика и Объединённые Арабские Эмираты имеют свои уникальные подходы к регулированию криптовалюты, значение которой непрерывно возрастает в экономической и юридической практике. В настоящее время можно наблюдать, как указанные страны проводят активные изменения в законодательстве, осуществляемые с учётом современных реалий криптовалютного рынка. При этом данные меры учитывают как потенциальные риски, связанные с применением криптовалюты для осуществления незаконных видов деятельности, так и возможности, открываемые установленным видом финансовых операций. Это, несомненно, оказывает влияние на уголовную сферу, вызывая соответствующие изменения и обновления в уголовном законодательстве. Для реализации задач уголовного права необходимо определить статус криптовалюты и разработать соответствующее законодательство. Доктрина и законодательство анализируемых стран формируют своё исключительное видение криптовалюты и предлагают специальные меры для её регулирования.

Регулирование криптовалюты в сфере уголовного права в Российской Федерации

В настоящее время существует терминологическое смешение категорий «криптовалюта» и «цифровая валюта». Первая категория появилась раньше (например, Биткойн – в 2009 году) и представляет собой подмножество цифровых валют, осно-

ванное на технологии блокчейн, которая обеспечивает безопасные децентрализованные транзакции без вмешательства традиционного финансового посредника.

Вторая категория была введена 1 января 2021 года, когда вступил в силу Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее – «Закон о цифровых активах»)¹. Так, в соответствии с пунктом 3 статьи 1 Закона о цифровых активах под «цифровой валютой» понимается «совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые:

– предлагаются и (или) могут приниматься в качестве средства платежа, отличного от российского рубля, иностранной валюты и (или) международной денежной или расчётной единицы, и (или) в качестве инвестиции, и

– в отношении которых отсутствует лицо, ответственное перед держателем таких электронных данных».

При буквальном толковании данного определения федерального закона правоведа приходят к выводам, что:

– «цифровая валюта не признаётся объектом гражданских прав напрямую;

– ни одна из существующих на данный момент децентрализованных криптовалют не попадает под легальное определение цифровой валюты» [1].

Следует учитывать, что законодательство чётко определяет использование российской информационной инфраструктуры в контексте организации выпуска и обращения цифровых валют. Это подчёркивает важность контроля над цифровыми валютами в Российской Федерации и необходимость обеспечения безопасности и стабильности финансовой системы.

Согласно п. 4 ст. 14 вышеуказанного нормативно-правового акта порядок организации выпуска и выпуск, организация обращения цифровых валют устанавливаются федеральными законами.

Летом 2024 года принят Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который закрепляет требования к деятельности, связанной с майнингом цифровой валюты².

Указанный закон позволяет лицу, осуществившему майнинг цифровой валюты, отчуждать полученную в результате майнинга цифровую валюту. Однако при отчуж-

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 31.10.2024).

² Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482417/ (дата обращения: 30.10.2024).

дении цифровой валюты запрещено использовать российскую информационную инфраструктуру. В то же время к такой деятельности не применяются положения о валютном регулировании и валютном контроле.

В соответствии с Законом о цифровых активах запрещено принимать цифровую валюту в качестве средства платежа за предоставленные товары, выполненные работы и оказанные услуги. Несмотря на установленный запрет, законодатель предусматривает реализацию судебной защиты для гражданско-правовых сделок и различных операций с цифровой валютой в случае их осуществления в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации о налогах и сборах.

Банк России отмечал сложность правового регулирования оборота криптовалют в Российской Федерации. Принято считать, что цифровые валюты – ненадёжный финансовый инструмент ввиду многочисленных технологических рисков, рисков фиксации прав, а также необеспеченности такого вида валют Банком России и анонимности их эмитентов и владельцев; подчёркивалось, что существует риск вовлечения субъектов в противоправную деятельность [2]. Также в Положении Банка России от 2012 г. операции, связанные с оборотом криптовалют и обращением цифровых прав, относятся к признакам, свидетельствующим о возможном осуществлении легализации доходов, полученных преступным путём, или финансировании терроризма [3]. Несмотря на то что законодатели предприняли некоторые попытки создать правовую основу для оборота криптовалют, Центральный Банк не изменил свою позицию. Так, в 2022 г. в докладе «Криптовалюты: тренды, риски, меры» было предложено наложение полного запрета на выпуск и обращение цифровых валют на территории Российской Федерации, на майнинг, а также на использование криптовалют в качестве инвестиционного инструмента [4]. В 2024 г. Банк России выпустил рекомендации для банков, бирж и квалифицированных инвесторов, в которых подчеркнул необходимость отслеживать подозрительные операции (для банков), воздержаться от оборота ЦФА, доходность которых зависит от криптовалют, а также от рекомендаций по приобретению таких финансовых инструментов (для бирж и инвесторов) [5].

Названные опасения связаны с ростом преступлений, совершаемых с оборотом криптовалюты. Эти факты, наряду с возможностью совершения неограниченного количества трансграничных переводов средств и последующей конвертации в фиатную валюту, создают значительный риск легализации денежных средств, полученных незаконным путём, и использования их для финансирования терроризма. При расследовании преступлений, объектом которых являются общественные отношения, связанные с оборотом криптовалют, правоохранительные органы вынуждены действовать в соответствии с существующими законодательными актами, помимо Уголовного кодекса Российской Федерации, используют, например, Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) дохо-

дов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма», Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», письмо Министерства финансов Российской Федерации от 08.11.2018 и судебную практику.

Государство по-прежнему игнорирует проблему защиты прав собственности криптоинвесторов, что создаёт серьёзные правовые пробелы. В настоящее время отсутствует чёткая законодательная база, позволяющая признать криптовалюту предметом преступлений против собственности, что лишает пострадавших возможности защитить свои права в случае неправомерных действий со стороны киберпреступников. В результате криптоинвесторы остаются беззащитными перед угрозами, такими как мошенничество, кража и взлом криптокошельков, поскольку государственные органы не могут обеспечить надлежащую правовую защиту и наказание виновных.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) отсутствует специальная статья, направленная на борьбу с преступлениями, связанными с криптовалютой.

Одной из основных правовых проблем в регулировании криптовалют уголовным правом является их классификация. В зависимости от преступления криптовалюты могут считаться валютами, имуществом, ценными бумагами или финансовыми инструментами.

Так, существующие статьи, например, о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), незаконном обороте средств платежей (ст. 187 УК РФ), легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём или лицом в результате совершения им преступления (ст. 174, 174¹ УК РФ), могут быть применены к преступлениям, связанным с криптовалютой.

Однако в доктрине уголовного права нет единой точки зрения касательно отнесения криптовалюты к предмету преступлений против собственности [6]. В частности, М.А. Простосердов [7] придерживается мнения, что криптовалюта, как цифровой информационный продукт, может выступать предметом хищения в преступлениях, предусмотренных ст. 159, 159⁶ и 160 УК РФ. В противовес этому Э.Л. Сидоренко [8] отмечает, что из-за отсутствия в законодательстве определения криптовалюты её нельзя признать объектом гражданских прав, а также криптовалюта не обладает свойственными для предмета хищения определёнными экономическими и материальными параметрами.

В связи с недостаточностью правового регулирования деятельности, связанной с выпуском и оборотом криптовалюты, правоохранительные органы сталкиваются с трудностями при квалификации преступлений, объектом [9] которых являются общественные отношения в сфере оборота названного вида валюты, а также при производстве уголовно-процессуальных действий.

Регулирование криптовалюты в сфере уголовного права в Китайской Народной Республике

Китайская Народная Республика является государством с наиболее развитой экономикой, занимая второе место среди стран мира. Однако в условиях цифровизации отношение страны к цифровым активам весьма двояко проявляется на практике.

С одной стороны, Китай предпринимает попытки использования цифровых валют, внедряя цифровой юань, выпускаемый Народным банком Китая. Данная форма валюты является аналогом известного нам цифрового рубля в Российской Федерации. Тем не менее его использование остаётся ограниченным, на данный момент проводятся лишь тестовые запуски. В 2021 г. было разрешено использование цифрового юаня для уплаты налогов в рамках эксперимента, а с мая 2023 г. государственные служащие в китайском городе Чаншу начали получать свои зарплаты в этой форме [10].

Китай, как и Россия, не углубился в разработку нормативных актов, раскрывающих конкретику специальных норм по защите субъективных прав граждан. Это выражается в принятии правительством Китая нормативных актов, которые определяют основы выпуска и использования цифровой валюты, однако в существующие законодательные акты, такие как Уголовный кодекс Китайской Народной Республики, соответствующиеправки не вносятся. В Российской Федерации наблюдается схожая тенденция. Законодатель регулирует правовой статус цифровой валюты лишь посредством Закона о цифровых активах.

С другой стороны, отсутствие чёткого понимания сущности криптовалюты на законодательном уровне, как следствие, приводит к пробелам правопонимания подобного регулирования и в сфере уголовного права, в связи с чем сотрудники правоохранительных органов часто сталкиваются с проблемой квалификации преступлений, связанных с криптовалютой. Так, например, законодательство Китая не располагает законами и иными административными правилами, прямо запрещающими использование криптовалюты. Среди подобных НПА можно выделить Циркуляр о дальнейшем предотвращении и борьбе со спекуляционным риском в торговле виртуальной валютой (Yinfa [2021] № 237), в котором говорится о том, что вся торговая деятельность на основе криптовалюты не запрещена, однако запрещается использование криптовалюты в рамках незаконной финансовой деятельности, связанной с бизнесом. Второй абз. ст. 1 данного Циркуляра ясно определяет, что любая бизнес-деятельность, связанная с обменом между законной валютой и виртуальной валютой, а также операции с производными виртуальной валюты, подозрения о незаконной продаже токенов и купонов, несанкционированный выпуск ценных бумаг, незаконная деятельность в области фьючерсов и незаконное привлечение средств являются строго запрещёнными и будут регулироваться в соответствии с уголовным законодательством, если они рассматриваются как преступление. Циркуляр подтверж-

дает последовательную нормативную политику Китая в отношении виртуальных валют. Еще в 2013 г. правительством Китая определялось, что Bitcoin является виртуальным товаром и не имеет того же правового статуса, что и валюта [11]. Циркуляр вновь заявляет, что виртуальные валюты, такие как Bitcoin, Ethereum и Tether, основными характеристиками которых является то, что они не выпускаются органами валютного регулирования, используют криптографию, распределённые счета или аналогичные технологии и существуют в цифровой форме, не имеют того же правового статуса, как законное платёжное средство, и не могут обращаться на рынке в качестве валюты. Российский законодатель придерживается схожего принципа: криптовалюта не признаётся валютой и запрещается использование цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги или иного способа, то есть невозможно производить оплату товаров (работ, услуг) цифровой валютой, однако согласно п. 3 ст. 2 Закона о цифровых активах цифровая валюта является совокупностью электронных данных (цифрового кода или обозначения), которые могут быть приняты в качестве средства платежа, что является отличием от подхода Китая.

В Российской Федерации отсутствует специальная статья в УК РФ, направленная на борьбу с криптовалютными преступлениями. Правоохранительные органы вынуждены применять существующие статьи о мошенничестве, незаконном обороте средств платежей и отмывании денег, что не всегда эффективно. Китай в более решительной манере регулирует криптовалюту, запретив её обращение в 2021 г. Однако и в Китае отсутствуют специальные нормы в Уголовном кодексе, регламентирующие отдельную категорию «криптовалютных преступлений».

В соответствии с действующими положениями уголовного законодательства Китайской Народной Республики существует пять правовых норм, связанных с денежными преступлениями, которые закреплены в главе III Особенной части Уголовного кодекса Китайской Народной Республики, посвящённой преступлениям, направленным на уничтожение порядка социалистической рыночной экономики, а именно, в ст. 151, 170–173 указанного нормативно-правового акта [12]. Однако в силу того, что криптовалюта характеризуется анонимностью, децентрализованностью, названные правовые нормы не применимы к преступлениям, связанным с оборотом криптовалюты. В настоящее время с правовой точки зрения понятие валюты в составе валютных преступлений включает только денежную единицу Китайской Народной Республики, иностранные денежные единицы, а также памятные монеты или монеты из драгоценных металлов, выпущенные Народным банком Китая. Выпуск, обращение и использование криптовалюты находятся вне области надзора правоохранительных органов Китая. По указанным причинам существует необходимость скорректировать соответствующие нормы действующего уголовного законодательства, а именно: дополнить вышеупомянутые нормы понятием криптовалюты,

которое всё ещё не включено в систему уголовного права, а также предусмотреть отдельные правовые положения для криптовалютных преступлений, учитывающие специфику выпуска и оборота криптовалюты. С такими же проблемами сталкивается система российского уголовного права, в связи с чем полагаю, что существует аналогичная необходимость во внесении изменений в УК РФ с целью устранения существующих пробелов в законодательстве, регулирующем отношения в сфере оборота криптовалюты.

Криптовалюта может использоваться не только в качестве средства платежа, но и в качестве финансового инструмента или финансового производного инструмента. Однако криптовалюта, принадлежащая преступнику и используемая им, не может быть признана фальшивой денежной единицей, по этой причине указанные правоотношения не являются предметом преступления, предусмотренного ст. 172 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики, а именно: хранение и использование фальшивых денежных знаков. Цэн Цзе отмечает необходимость внести изменения в указанную статью с учётом субъективных особенностей правоотношений, связанных с криптовалютой [13].

С целью предотвращения финансовых рисков, вызванных оборотом криптовалют, Народный банк Китая, а также другие министерства и комиссии неоднократно выпускали документы, запрещающие финансовым и платёжным учреждениям проводить ценообразование, расчёты и другие виды деятельности, связанные с биткойном, а внутренние платформы для торговли цифровой валютой также были закрыты одна за другой [14]. В связи с названными решениями представителей власти Китая возникают вопросы, касающиеся процедуры извлечения криптовалюты из обращения.

В ходе судебной практики сложилась следующая тенденция: часть судов признают криптовалюту контрабандой и считают, что она должна быть конфискована напрямую, в связи с чем возникают различные мнения по поводу избавления от криптовалюты. Одно мнение заключается в том, что контрабанда должна быть уничтожена напрямую и не может быть обналичена с целью пополнения государственной казны; другое мнение основано на том, что криптовалюта представляет собой дорогостоящий актив, поэтому её уничтожение является нецелесообразным, она может быть выставлена на аукцион или передана сторонним учреждениям для продажи. Однако, если криптовалюта признана контрабандной, исполнительный орган суда не имеет возможности реализовать её в рамках обычной процедуры аукциона. В случае продажи криптовалюты с привлечением стороннего учреждения суд также сталкивается с двумя проблемами. Первая трудность связана с тем, что на данном этапе сторонние учреждения будут заинтересованы в установлении большой комиссии за оказание услуг по реализации криптовалюты, что приведёт к дополнительным убыткам пострадавшей стороны. Вторая проблема возникает в связи с установлением законности реализации криптовалюты сторонним учреждением.

В связи с этим можно полагать, что и в уголовной сфере преступления с использованием криптовалюты в Китае расследуются в общем порядке, как и в Российской Федерации, внутри таких видов преступлений, как легализация (отмывание) денежных средств, финансирование терроризма, незаконный оборот наркотических средств и т.д.

Примером использования криптовалюты в качестве средства легализации денежных средств, полученных незаконным способом, является преступление, раскрытое правоохранительными органами Внутренней Монголии, автономного района на севере Китая. Преступное сообщество организовывало финансовые пирамиды, азартные игры и другие мошеннические схемы в сетевом пространстве. Денежные средства, полученные в результате осуществления преступных схем, конвертировались в криптовалюту USDT, выпущенную компанией Tether Limited. Преступниками предпринята попытка легализовать порядка двенадцати миллиардов юаней. У правоохранительных органов вызвал подозрения факт того, что на счёт местного банка ежемесячно производились пополнения на одну и ту же сумму. В ходе оперативных действий установлено, что в данном преступлении принимали участие 63 человека, которые впоследствии были арестованы. Доходы от противоправной деятельности конфискованы в размере ста тридцати миллионов юаней.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что Правительство Китая ввело ограничения на использование криптовалюты с целью предотвратить легализацию денежных средств, добытых преступным путём, новыми способами. Данная мера продиктована сложностью расследования преступлений, связанных с криптовалютой, так как отличительной чертой технологии блокчейн является анонимность, с чем связаны сложности идентификации участников преступной деятельности и установления их роли.

В целом, меры китайского правительства по ограничению криптовалюты отражают озабоченность многих стран по поводу её потенциального использования в преступных целях. Повышение прозрачности и контроля над криптовалютными операциями является ключевым элементом в борьбе с финансовой преступностью в глобальном масштабе.

Вышесказанное затрагивает важную проблему – несоответствие правовых норм, регулирующих криптовалюты, реальным потребностям правоохранительных органов. Отсутствие чёткого понимания сущности криптовалюты на законодательном уровне приводит к неопределённости в квалификации преступлений, связанных с её использованием.

Законодательство Китая сталкивается со следующими проблемами при регулировании отношений, связанных с оборотом криптовалюты:

1. Отсутствие прямого запрета на использование криптовалюты: хотя Циркуляр о дальнейшем предотвращении и борьбе со спекуляционным риском в торговле вир-

туальной валютой (Yinfa [2021] № 237) запрещает использование криптовалют в незаконной финансовой деятельности, он не запрещает саму торговлю криптовалютой. Это создаёт пробелы в законодательстве и осложняет борьбу с отмыванием денег и другими преступлениями.

2. Несоответствие определения «валюты»: в китайском уголовном законодательстве «валюта» ограничена только официальными денежными единицами, что не включает криптовалюту. Это делает невозможным применение существующих норм к криптовалютным преступлениям.

Также стоит отметить схожие проблемы в Российской Федерации, где цифровая валюта также не признана в качестве платёжного средства и запрещена к использованию в качестве платежа за товары и услуги.

Ограничения в Китае и в РФ не являются единственным примером такой политики. Многие страны ведут аналогичную политику, стремясь установить контроль над криптовалютой и предотвратить её использование в преступных целях. Дебаты о регулировании криптовалюты продолжаются, и мировое сообщество ищет баланс между инновациями и безопасностью.

Исходя из вышесказанного, можно сделать важный вывод о необходимости изменения указанных норм как в Китае, так и в Российской Федерации. Следует ввести чёткое правовое определение криптовалюты и создать специальные нормы для регулирования её использования в уголовной сфере, учитывая специфику функционирования. Необходимо ввести специальные статьи в Уголовный кодекс, регламентирующие отдельную категорию «криптовалютных преступлений», учитывающие специфику криптовалюты и её использования.

Также стоит провести усиление международного сотрудничества при регулировании криптовалюты, а именно – координировать усилия правоохранительных органов разных стран для более эффективной борьбы с транснациональной криптовалютной преступностью.

Так, в июне 2024 г. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег опубликовала пятый отчёт (далее – ФАТФ) «Целевое обновление информации об имплементации стандартов ФАТФ по виртуальным активам и провайдерам услуг виртуальных активов» [15], в соответствии с которым виртуальные активы используются мошенниками, террористическими группами и служат для распространения оружия массового уничтожения.

Важно понимать, что криптовалюта является новой реальностью, которая требует нового подхода к правовому регулированию. Усилия государств по борьбе с криптовалютной преступностью должны быть направлены на создание прозрачной и стабильной правовой среды, которая способствует развитию инноваций и предотвращает использование криптовалюты в незаконных целях.

Регулирование криптовалюты в сфере уголовного права в Объединённых Арабских Эмиратах

В Объединённых Арабских Эмиратах законодатель более лоялен к криптовалюте по сравнению с РФ и Китаем. ОАЭ разработали ряд регулятивных рамок и законодательных инициатив, направленных на создание более благоприятной среды для инноваций в сфере криптовалюты и блокчейна. ОАЭ также осознают потенциал криптовалют и блокчейна для экономического роста, поэтому применяют более лояльную регуляторную политику. В рамках такого подхода ОАЭ стали привлекательным местом для развития финтех-проектов и децентрализованных финансовых решений, обеспечивая лояльность к инновациям и технологическому прогрессу в области криптовалюты, а также привлекая дополнительные инвестиции в сферу криптовалюты. Нормативно-правовая база ОАЭ в отношении криптовалюты активно развивается: операции с её использованием не запрещаются, а, скорее, поощряются. Местные власти выстраивают стратегию развития криптовалютной отрасли в стране, несмотря на отсутствие единого федерального закона на уровне страны. Так, можно отметить существенное различие в подходе ОАЭ и РФ к регулированию криптовалюты. В то время как РФ придерживается осторожного подхода, вводя ограничения и не предоставляя чёткой правовой основы для развития криптовалютной отрасли, ОАЭ выступают в роли «пионера», активно создавая благоприятные условия для инноваций в сфере криптовалют и блокчейна.

Законы и постановления в этой сфере разрабатываются и принимаются на уровне отдельных эмиратов и свободных экономических зон. Так, углубляясь более локализованно в нормативно-правовые акты ОАЭ, в качестве подобного закона можно представить принятый в 2022 г. Закон № 4 «О регулировании виртуальных активов в эмирате Дубай» [16]. В нём виртуальный актив определяется следующим образом: цифровое отображение денежной стоимости, которое может быть обменено, передано или использовано в качестве средства обмена или платежа, а также в инвестиционных целях. Сюда входят виртуальные монеты и любое цифровое представление любой другой ценности, по определению VARA. VARA, в свою очередь, определяется как Управление по регулированию виртуальных активов Дубая. С момента введения данного акта в силу Управление становится специальным надзорным органом, деятельность которого направлена на развитие и поддержание баланса цифровой экономики. Поскольку ОАЭ можно определить как страну, имеющую нейтральную позицию в отношении регулирования криптовалюты [17], законодательное регулирование соответствующе развивается в рамках сбалансированного применения норм.

На федеральном уровне место криптовалюты в ОАЭ можно определить посредством толкования федерального законодательства. Учитывая, например, Решение Председателя Совета директоров Управления № (23/Председатель) от 2020 г. о регу-

лировании деятельности криптоактивов [18], криптовалюта признаётся облагаемым имуществом. В связи с этим можно сделать вывод, что и налоговые преступления могут в себя включать преступления с использованием криптовалютных транзакций в рамках уклонения от уплаты налогов. Так, например, в ст. 25 Федерального декрета № (28) от 2022 г. о налоговых операциях уклонение от уплаты налогов может наказываться либо тюремным заключением, либо штрафом на сумму не менее суммы уклонения от налога или не более данной суммы в трёхкратном размере [19].

Признание криптовалюты облагаемым налогом имуществом является важным аспектом регулирования криптовалюты в ОАЭ. Данная мера позволяет расширить сферу применения налогового законодательства ОАЭ на криптовалютные операции, включая возможность преследования за уклонение от уплаты налогов с помощью криптовалют.

В то же время в РФ ситуация с криптовалютами более неопределённая. Хотя Закон о цифровых финансовых активах признаёт криптовалюты и регулирует их обращение, не все вопросы правового статуса криптовалют в РФ решены. В частности, не определён полный спектр преступлений, связанных с криптовалютами. Отсутствие чёткой классификации преступлений в УК РФ приводит к тому, что многие действия с криптовалютами могут подпадать под существующие статьи о мошенничестве, отмывании денег, незаконном обороте средств платежей, но специальной статьи о криптовалютных преступлениях нет. В итоге ОАЭ демонстрируют более прогрессивный подход к регулированию криптовалют, в то время как в РФ необходимо усовершенствовать уголовное законодательство для более эффективного регулирования криптовалютных преступлений. Однако следует отметить, что подход ОАЭ не является совершенным.

Рассматривая другую сферу, криптовалюта может выступать более весомым фактором в системе преступлений. Не так давно вступил в силу Федеральный декрет-закон № (34) от 2021 г. «О борьбе с ложной информацией и киберпреступлениями», в котором криптовалюта раскрывается как средство совершения киберпреступлений [20]. Данный закон, в свою очередь, напрямую запрещает несанкционированную деятельность в области оборота любых цифровых активов, а именно – продажу, управление, создание и иную деятельность без специальной лицензии. Подобные преступления попадают под санкции в виде лишения свободы на срок не более пяти лет или в виде наложения штрафа не менее двухсот пятидесяти тысяч дирхамов и не более одного миллиона дирхамов (ст. 41 Закона). Также согласно ст. 48 Закона любое лицо, рекламирующее или поощряющее торговлю криптовалютой, неофициально признанной в ОАЭ, или осуществляющее данную деятельность без лицензии, подлежит преследованию в соответствии с законодательством: наказывается тюремным заключением и/или штрафом в размере не менее двадцати тысяч дирхамов и не более пятисот тысяч дирхамов.

В законопроекте № 237585-8 предусмотрен запрет на рекламу цифровых валют, а также товаров (работ, услуг), направленных на организацию выпуска, выпуск, организацию обращения, обращение цифровой валюты. Данная мера продиктована стремлением уменьшить потенциальный интерес граждан к криптовалютам, так как легализация оборота криптовалюты и резкое увеличение её использования может привести к нарушению экономических процессов и уменьшению контроля со стороны власти. Однако стоит отметить, что российский законодатель предусматривает возможность рекламировать майнинг цифровой валюты, что говорит о несколько более либеральном отношении Российской Федерации к майнингу по сравнению с ОАЭ¹.

В ОАЭ закон «О борьбе с ложной информацией и киберпреступлениями» вводит строгие ограничения на операции с криптовалютами, требуя специальную лицензию для любой деятельности, связанной с оборотом криптовалют.

В Российской Федерации 8 августа 2024 года был принят законопроект № 237585-8, согласно которому Правительству РФ совместно с Банком России необходимо установить требования к деятельности лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты². При реализации данного требования органам исполнительной власти стоит обратить внимание на практику, сложившуюся в ОАЭ. Существует необходимость установить надзор за лицами, осуществляющими майнинг криптовалюты, путём введения лицензирования на данный вид деятельности. Это позволит более эффективно контролировать влияние криптовалюты на экономическое положение, а также поможет предотвратить распространение преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты.

Криптовалюта, в свою очередь, становится объектом внимания в указанных видах преступлений в контексте уголовной юрисдикции ОАЭ и требует особого внимания и регулирования со стороны законодательных органов. Без обращения к международным договорам и документам международного характера эмиратский законодатель определил конкретный перечень международных преступлений, в отношении которых устанавливается универсальная уголовная юрисдикция ОАЭ [21]. Среди таких преступлений выделяется торговля наркотиками и людьми, пиратство, международный терроризм и отмывание денежных средств, полученных преступным путём, что, безусловно, порицается властями ОАЭ и, очевидно, проявляется в законодательстве. В частности, ст. 22 Федерального закона № (20) от 2018 года

¹ Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482417/ (дата обращения: 30.10.2024).

² Законопроект № 237585-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования цифровой валюты)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8> (дата обращения: 30.10.2024).

«О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма и финансированию нелегальных организаций» выделяет отмывание денежных средств – тот, кто пытался совершить преступление, связанное с отмыванием денег, подлежит наказанию в полном объёме, предусмотренном за это законом [22].

Законодатель учитывает двойственную роль криптовалюты в ОАЭ: с одной стороны, она рассматривается как перспективный инструмент для экономического развития, а с другой – как инструмент киберпреступлений. Законодательство ОАЭ уже учло эту двойственность, в связи с чем ввело меры по регулированию криптовалютной отрасли.

Стоит выделить различный подход к регулированию криптовалют в ОАЭ и Российской Федерации. В то время как РФ проявляет осторожность и даже стремится к запрету криптовалют, ОАЭ проявляют лояльность и стремятся создать благоприятную среду для развития криптовалютной отрасли. Можно сделать вывод, что ОАЭ демонстрируют более прогрессивный и гибкий подход к криптовалютам, что делает их конкурентоспособными в глобальной гонке за инновациями в сфере финансовых технологий. РФ же остаётся более консервативной в своём отношении к криптовалютам, что может ограничить её возможности для развития в этой динамичной отрасли. Несмотря на разные подходы, оба государства признают важность развития технологий блокчейн: ОАЭ стремятся стать лидером в этой сфере, а Российская Федерация также проводит исследования и разрабатывает собственные технологии.

Заключение

В ходе исследования законодательства в области уголовного регулирования преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, выявлена тенденция развития нормативно-правовой базы в странах с прогрессивной экономикой. Несмотря на особенности законодательных систем РФ, Китая и ОАЭ, выявляются общие особенности. Отмечено, что уровень регулирования криптовалюты в уголовной сфере Российской Федерации и Китая имеет больше сходств, поскольку данные государства на данный момент не выработали механизм управления оборотом криптовалюты, который позволил бы осуществлять надзор за децентрализованными активами. Однако стоит помнить, что отсутствие оперативной законодательной инициативы в решении пробелов в законодательстве может привести к проблемам определения законности использования криптовалюты в этих странах. В отличие от ОАЭ, где явно проявляется стремление к созданию более благоприятной и лояльно регулируемой среды, в РФ и Китае подобная заинтересованность не так очевидна.

В контексте международного регулирования преступлений с использованием криптовалюты Китай, РФ и ОАЭ могут взаимодействовать друг с другом для эффек-

тивного обмена опытом и разработки совместных механизмов борьбы с преступлениями, в которых криптовалюта выступает в качестве инструмента их совершения. В первую очередь, учитывая сложность и глобальный характер криптовалют, сотрудничество между этими странами в области обмена информацией и совместных операций по противодействию преступности в сфере криптовалюты могло бы существенно усилить их возможности в борьбе с такими преступлениями. Кроме того, обмен законодательным опытом и передовыми техниками расследования подобных преступлений мог бы способствовать созданию гармонизированных нормативных баз и стимулированию процесса совершенствования законодательства в данной области. Наконец, сотрудничество в области обмена опытом и ресурсами по предотвращению и расследованию криптовалютных преступлений могло бы способствовать обеспечению устойчивости и безопасности в сфере киберпространства, создавая основу для взаимовыгодного обмена знаниями и передовыми практиками между этими странами в данной области.

Список источников

1. Файзуллина Л.Э. Пробелы уголовно-правового регулирования криптовалюты в российском законодательстве. Проблемы квалификации киберпреступлений и оценки доказательств. URL: https://zakon.ru/blog/2024/3/26/probely_ugolovno-pravovogo_regulirovaniya_kriptovalyuty_v_rossijskom_zakonodatelstve_problemy_kvalif (дата обращения: 02.11.2024).
2. Информация Банка России от 04.09.2017 «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256266/ (дата обращения: 05.05.2024).
3. Положение Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // Система «Гарант». URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/70162622/paragraph/252:0> (дата обращения: 29.05.2024).
4. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций // Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 05.05.2024).
5. Финансовым организациям рекомендовано минимизировать участие в деятельности, связанной с оборотом цифровых валют // Банк России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=18468#highlight=цифровых%7Свалют%7Сцифровыми%7Свалютами> (дата обращения: 05.05.2024).
6. Аджиев Н.Б. Криптовалюта как предмет преступлений против собственности // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 8(134). URL:

<https://research-journal.org/archive/8-134-2023-august/10.23670/IRJ.2023.134.149> (дата обращения: 31.10.2024).

7. Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 28.

8. Сидоренко Э.Л. Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 6. С. 8.

9. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / А.В. Наумов [и др.]; ответственные редакторы А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 448 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-18585-0. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/536359> (дата обращения: 30.10.2024).

10. Семенов В.В. Особенности правового регулирования национальной цифровой валюты: опыт Китая и России // Цивилист. 2023. № Т6. С. 38–42.

11. China – Circular on the further prevention and handling of the speculation risk in virtual currency trading. URL: <https://conventuslaw.com/report/china-circular-on-the-further-prevention-and/> (дата обращения: 31.01.2024).

12. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 02.07.2024).

13. 曾婕. 从预防犯罪视角对私人数字货币实施刑法规制 [Цзэн Цзе. Уголовно-правовое регулирование частных цифровых валют с точки зрения предотвращения преступлений]. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/llyj/202101/t20210114_506500.shtml (дата обращения: 02.07.2024).

14. 任素贤. 数字货币的法律属性及司法处置 [Жэнь Сухсянь. Правовая природа цифровой валюты и её судебное урегулирование]. URL: https://m.thepaper.cn/baijiaohao_24700422 (дата обращения: 02.07.2024).

15. ФАТФ (2024 г.). Целевое обновление информации о внедрении Стандартов ФАТФ по виртуальным активам / ПУВА. ФАТФ, Париж, Франция. URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/fatf-gafi/en/publications/Fatfrecommendations/targeted-update-virtual-assets-vasps2024.html> (дата обращения: 1.11.2024).

16. Law No. (4) of 2022 Regulating Virtual Assets in the Emirate of Dubai. URL: [https://dlp.dubai.gov.ae/Legislation Reference/2022/Law No. \(4\) of 2022 Regulating Virtual Assets.pdf](https://dlp.dubai.gov.ae/Legislation Reference/2022/Law No. (4) of 2022 Regulating Virtual Assets.pdf) (дата обращения: 31.01.2024).

17. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. 304 с.

18. The Chairman of the Authority's Board of Directors' Decision No. (23/ Chairman) of 2020 concerning crypto assets activities regulation. URL: <https://www.sca.gov.ae/Content/Userfiles/Assets/Documents/8004151b.pdf> (дата обращения: 31.01.2024).

19. Federal Decree by Law No. (28) of 2022 concerning tax procedures. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1625> (дата обращения: 31.01.2024).

20. Реммер Н. В Дубае начался новый этап развития криптовалютной отрасли // Деловые Эмираты. URL: <https://businessemirates.ae/news/uae-property-news/v-dubaye-nachalsya-novyy-etap-razvitiya-kriptovalyutnoy-otrasli/> (дата обращения: 31.01.2024).

21. Шестак В.А., Цыплакова А.Д. Правовое регулирование уголовной юрисдикции в Объединённых Арабских Эмиратах // Российский следователь. 2023. № 7. С. 65–68.

22. Federal decree-law No. (20) of 2018 “On anti-money laundering, combating the financing of terrorism and financing of illegal organizations”. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1016?keyword=money%20laundering> (дата обращения: 31.01.2024).

References

1. Faizullina L.E. Probely ugolovno-pravovogo regulirovaniya kriptovalyuty v rossijskom zakonodatel'stve. Problemy kvalifikacii kiberprestuplenij i ocenki dokazatel'stv [Gaps in criminal law regulation of cryptocurrency in Russian legislation. Issues of cybercrime qualification and evidence assessment]. URL: https://zakon.ru/blog/2024/3/26/probely_ugolovno-pravovogo_regulirovaniya_kriptovalyuty_v_rossijskom_zakonodatel'stve_problemy_kvalif (accessed: 02.11.2024). (In Russ.).

2. Informaciya Banka Rossii ot 04.09.2017 «Ob ispol'zovanii chastnyh «virtual'nyh valyut» (kriptovalyut)» [Information of the Bank of Russia dated 04.09.2017 "On the use of private "virtual currencies" (cryptocurrencies)"]. Consultant Plus. (In Russ.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256266/ (accessed: 05.05.2024).

3. Polozhenie Banka Rossii ot 2 marta 2012 g. № 375-P «O trebovaniyah k pravilam vnutrennego kontrolya kreditnoj organizacii v celyah protivodejstviya legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putyom, i finansirovaniyu terrorizma» [Bank of Russia Regulation of March 2, 2012 N 375-P "On the requirements for the internal control rules of a credit institution in order to combat the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism"]. Garant System. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/70162622/paragraph/252:0> (accessed: 29.05.2024). (In Russ.).

4. Kriptovalyuty: trendy, riski, mery. Doklad dlya obshchestvennyh konsul'tacij [Cryptocurrencies: trends, risks, measures. Report for public consultations]. Bank Rossii. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (accessed: 05.05.2024). (In Russ.).

5. Finansovym organizacijam rekomendovano minimizirovat' uchastie v deyatelnosti, svyazannoj s oborotom cifrovyh valyut [Financial institutions are recommended to minimize participation in activities related to the circulation of digital currencies]. Bank Rossii. (In Russ.). URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=18468#highlight=цифровой%7Сварют%7Сцифровой%7Сварютами> (accessed: 05.05.2024).

6. Adzhiev N.B. Kriptovalyuta kak predmet prestuplenij protiv sobstvennosti [Cryptocurrency as an object of crimes against property]. Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal, 2023, no. 8(134). URL: <https://research-journal.org/archive/8-134-2023-august/10.23670/IRJ.2023.134.149> (accessed: 31.10.2024). (In Russ.).

7. Prostoserdov M.A. Ekonomicheskie prestupleniya, sovershaemye v kiberprostranstve, i mery protivodejstviya im: dis. ... kand. jurid. nauk [Economic crimes committed in cyberspace and measures to counteract them: Ph. D. thesis]. Moscow, 2016. p. 28. (In Russ.).

8. Sidorenko E.L. Kriminal'noe ispol'zovanie kriptovalyuty: mezhdunarodnye ocenki [Criminal use of cryptocurrency: International assessments]. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya, 2016, no. 6, p. 8. (In Russ.).

9. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov [Criminal law. General Part: Textbook for higher education institutions] / A.V. Naumov [et al.]; responsible editors A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. 6th ed., rev. and enl. Moscow: Izdatel'stvo Yurajt, 2024. 448 p. (Higher Education). ISBN 978-5-534-18585-0. Text: electronic. Obrazovatel'naya platforma Yurajt [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/536359> (accessed: 30.10.2024). (In Russ.).

10. Semenov V.V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya nacional'noj cifrovoj valyuty: opyt Kitaya i Rossii [Features of legal regulation of national digital currency: the experience of China and Russia]. Civilist, 2023, no. T6, pp. 38–42. (In Russ.).

11. China – Circular on the further prevention and handling of the speculation risk in virtual currency trading. URL: <https://conventuslaw.com/report/china-circular-on-the-further-prevention-and/> (accessed: 31.01.2024).

12. Ugolovnyj kodeks Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Criminal code of the People's Republic of China]. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (accessed: 02.07.2024).

13. 曾婕. 从预防犯罪视角对私人数字货币实施刑法规制. [Zeng Jie. Criminal law regulation of private digital currencies from the perspective of crime prevention]. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/llyj/202101/t20210114_506500.shtml (accessed: 02.07.2024).

14. 任素贤. 数字货币的法律属性及司法处置. [Zhen Sukhsyan. The legal nature of digital currency and its judicial regulation]. URL: https://m.thepaper.cn/baijiaohao_24700422 (accessed: 02.07.2024).

15. FATF (2024 g.). Celevoe obnovenie informacii o vnedrenii Standartov FATF po virtual'nym aktivam / PUVA. FATF, Parizh, Franciya [FATF (2024). Targeted update on

implementation of the FATF standards on virtual assets / VASPs, FATF, Paris, France]. URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/fatf-gafi/en/publications/Fatfrecommendations/targeted-update-virtual-assets-vasps2024.html> (accessed: 1.11.2024).

16. Law No. (4) of 2022 Regulating virtual assets in the Emirate of Dubai. URL: [https://dlp.dubai.gov.ae/Legislation Reference/2022/Law No. \(4\) of 2022 Regulating Virtual Assets.pdf](https://dlp.dubai.gov.ae/Legislation Reference/2022/Law No. (4) of 2022 Regulating Virtual Assets.pdf) (accessed: 31.01.2024).

17. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Cifrovye aktivy: pravovoj analiz: monografiya [Digital assets: legal analysis: monograph]. Moscow: 4 Print, 2020. 304 p. (In Russ.).

18. The Chairman of the Authority's Board of Directors' Decision No. (23/ Chairman) of 2020 concerning crypto assets activities regulation. URL: <https://www.sca.gov.ae/Content/Userfiles/Assets/Documents/8004151b.pdf> (accessed: 31.01.2024).

19. Federal decree by law No. (28) of 2022 concerning tax procedures. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1625> (accessed: 31.01.2024).

20. Remmer N. V Dubae nachalsya novyj etap razvitiya kriptovalyutnoj otrasli [A new stage in the development of the cryptocurrency industry has begun in Dubai]. *Delovye Emiraty*. URL: <https://businessemirates.ae/news/uae-property-news/v-dubaye-nachalsya-novyy-etap-razvitiya-kriptovalyutnoj-otrasli/> (accessed: 01/31/2024). (In Russ.).

21. Shestak V.A., Tsyplakova A.D. Pravovoe regulirovanie ugovolnoj yurisdikcii v Ob"edinyonnyh Arabskih Emiratah [Legal regulation of criminal jurisdiction in the United Arab Emirates]. *Rossijskij sledovatel'*, 2023, no. 7, pp. 65–68. (In Russ.).

22. Federal decree-law No. (20) of 2018 “On anti-money laundering, combating the financing of terrorism and financing of illegal organizations”. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1016?keyword=money%20laundering> (accessed: 31.01.2024).

Информация об авторах / Information about the authors

Д.Э. Алехин – адвокат Московской коллегии адвокатов «Grad»; аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация),

✉ alekhin@gradfirm.ru

D.E. Alekhin – Lawyer of the Moscow Bar Association «Grad»; Postgraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию / The article received 24.04.2025;
одобрена после рецензирования / revised 07.08.2025;
принята к публикации / accepted 15.09.2025.

ДЛЯ ЗАМЕТОК